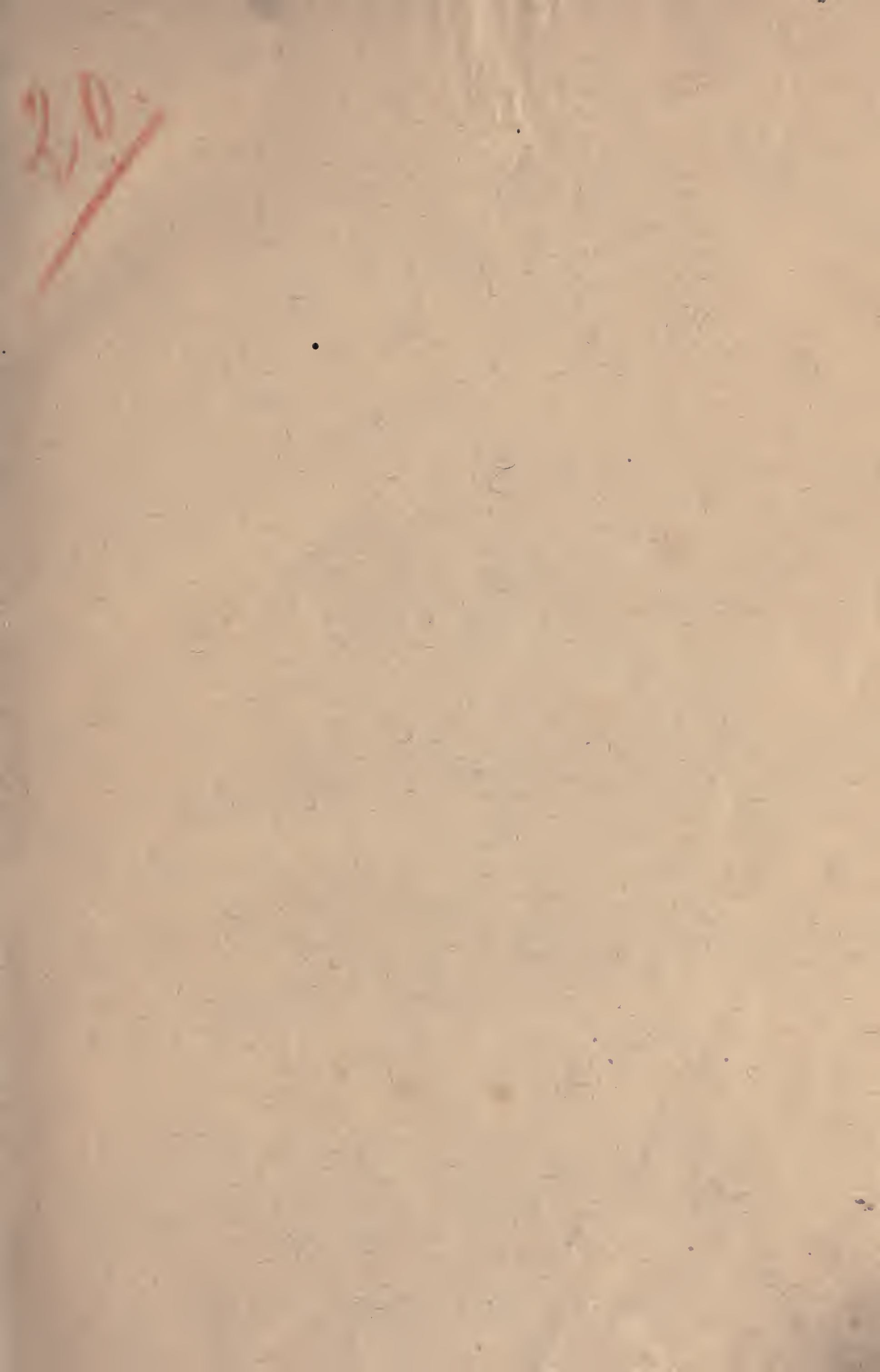
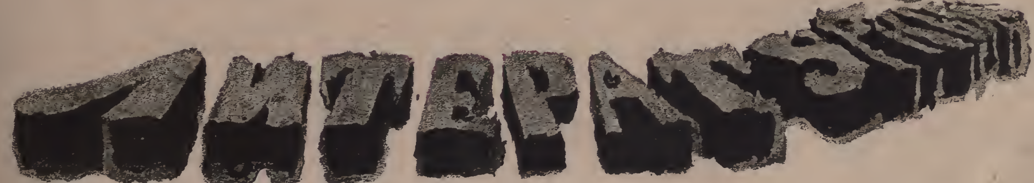

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00323237 8

Посвящается памяти

Всеволода Гаршина

Красный цветокъ

СБОРНИКЪ

рис. И. Репинъ

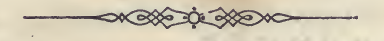
В. М. Гаршинъ въ гробу.

КРАСНЫЙ ЦВѢТОКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

ВЪ ПАМЯТЬ

ВСЕВОЛОДА МИХАЙЛОВИЧА ГАРШИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 39)
1889

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ

Выпуская въ свѣтъ сборникъ «Красный Цвѣтокъ», мы находимъ необходимымъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти В. М. Гаршина у насъ возникла мысль почтить его память изданіемъ литературнаго сборника. Съ этою цѣлью, черезъ посредство газетъ, мы обратились къ собратьямъ-писателямъ и ко всѣмъ вообще знавшимъ покойнаго съ просьбой присылать для сборника, какъ беллетристическія и поэтическія произведенія, такъ и воспоминанія о Гаршинѣ, письма его и проч. Призывъ нашъ не остался безъ отвѣта: то, что̀ заключается въ сборникѣ, составляетъ лишь незначительную часть полученнаго нами матеріала.

Тѣмъ не менѣе мы считаемъ нашу цѣль невполнѣ достигнутою: далеко не всѣ силы русской литературы участвуютъ въ сборникѣ. Произошло это главнымъ образомъ потому, что явилось изданіе другого сборника—съ рѣшительнымъ намѣреніемъ его издателей довести это дѣло до конца отдѣльно отъ насъ, въ строго-замкнутомъ кружкѣ. Такимъ образомъ, случилось то, чего мы всѣми средствами старались избѣгнуть, что̀ является неизлѣчимой язвой въ литературной семьѣ, — явилась рознь, и мы остались одни, при своихъ слабыхъ силахъ...

Примирившись волей-неволей съ неполнотой сборника, мы должны были покориться и другой печальной необходимости — болѣе позднему, чѣмъ намъ хотѣлось, выходу изданія въ свѣтъ.

Лицо, добровольно принявшее на себя весь матеріальный рискъ предпріятія, въ послѣднюю минуту покинуло насъ—и мы вынуждены были бы сложить оружіе, еслибы землякъ Гаршина, А. Е. Алѣевъ, не явился на помощь и не принялъ на себя не исполненнаго упомянутымъ лицомъ, по отношенію къ намъ, обязательства.

Въ заключеніе, предоставляя читателямъ судить о достоинствахъ и недостаткахъ «Краснаго Цвѣтка», мы обращаемся ко всѣмъ нашимъ сотрудникамъ—къ лицамъ, доставившимъ воспоминанія о Гаршинѣ, къ собратьямъ-писателямъ, къ художникамъ И. Е. Рѣпину, П. Е. Никитину и В. В. Маттэ (послѣднему за безвозмездное воспроизведеніе приложеннаго къ сборнику рисунка)—съ выраженіемъ нашей глубокой, сердечной благодарности.

Чистая выручка отъ продажи книги, по напечатаніи отчета въ газетахъ, будетъ препровождена въ комитетъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, для пріобщенія къ капиталу имени В. М. Гаршина.

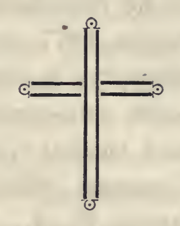
М. Альбовъ.
К. Баранцевичъ.
В. Лихачовъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I

ОТДѢЛЪ II

ВСЕВОЛОДЪ МИХАЙЛОВИЧЪ
ГАРШИНЪ

Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ скончался въ четвергъ, 24 марта 1888 года, въ 4 часа утра, въ хирургическомъ отдѣленіи лѣчебницы краснаго креста, тридцати трехъ лѣтъ отъ роду.

Покойный родился 2 февраля 1855 года, екатеринославской губерніи, бахмутскаго уѣзда, въ имѣніи бабки своей А. С. Акимовой «Пріятная долина» и воспитывался въ петербургской седьмой гимназіи (нынѣ первое реальное училище). Перейдя въ послѣдній классъ этого учебнаго заведенія, онъ впалъ въ тяжкую психическую болѣзнь, отъ которой однако черезъ нѣсколько мѣсяцевъ оправился, и въ 1874 году, окончивъ полный курсъ реальнаго училища, поступилъ въ горный институтъ. При переходѣ въ третій курсъ, подъ впечатлѣніемъ манифеста о восточной войнѣ 1877 года, покойный бросилъ экзамены и уѣхалъ въ дѣйствующую армію. На правахъ вольноопредѣляющагося, онъ поступилъ рядовымъ въ 138 болховской пѣхотный полкъ и отъ Кишинева до Систова сдѣлалъ весь походъ пѣшкомъ, какъ это описано имъ въ «Запискахъ рядового Иванова». 11 августа того-же года, въ битвѣ при Аясларѣ, Гаршинъ былъ раненъ въ ногу пулей навылетъ и отправленъ на излѣченіе въ Харьковъ, къ своимъ роднымъ. Въ реляціи объ аясларскомъ дѣлѣ было сказано, что «рядовой изъ вольноопредѣляющихся Всеволодъ Гаршинъ примѣромъ личной храбрости увлекъ своихъ товарищей въ атаку и тѣмъ способствовалъ успѣху дѣла». За отличіе покойный былъ произведенъ въ офицеры, но военной службы не продол-

жалъ и, оправившись отъ раны, усиленно хлопоталъ объ отставкѣ, которую и получилъ въ концѣ 1878 года. Еще находясь на излеченіи въ Харьковѣ, Гаршинъ написалъ свой разсказъ «Четыре дня», который былъ тотчасъ-же помѣщенъ въ октябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1877 годъ. Этотъ разсказъ доставилъ ему широкую извѣстность и общія симпатіи, но начало его литературной дѣятельности относится ко времени болѣе раннему: въ № 15 еженедѣльной газеты «Молва» за 1876 годъ напечатанъ былъ разсказъ Гаршина «Подлинная исторія энскаго земскаго собранія» за подписью Р. Л., а незадолго до отъѣзда на войну онъ помѣстилъ въ газетѣ «Новости» нѣсколько статей, посвященныхъ обзору художественныхъ выставокъ.

Рѣшившись предаться исключительно литературной дѣятельности, покойный считалъ необходимымъ завершить свое образованіе и, еще до выхода въ отставку изъ военной службы, поступилъ въ 1878 году вольнослушателемъ на филологическій факультетъ петербургскаго университета; въ то-же время имъ были написаны разсказы: «Происшествіе», «Трусъ», «Встрѣча», «Художники» и «Attalea princeps». Но осенью 1879 года Гаршинъ уже почувствовалъ припадки меланхоліи, которые въ началѣ слѣдующаго года перешли въ острое маніакальное состояніе; послѣ четырехмѣсячнаго лѣченья въ психіатрической клиникѣ харьковскаго университета и двухмѣсячнаго въ лѣчебницѣ доктора Фрея въ Петербургѣ, онъ въ концѣ 1880 года возвратился къ сознанію, но долго не могъ освободиться отъ чувства безпредметной тоски и угнетеннаго состоянія, отъ котораго оправился, наконецъ, проживъ полтора года на югѣ, въ имѣніи своего дяди В. С. Акимова, на берегу днѣпровско-бугскаго лимана, между Херсономъ и Николаевымъ. Здѣсь была написана имъ маленькая сказка «То, чего не было».

Въ маѣ 1882 года покойный пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы снова возвратиться къ литературнымъ занятіямъ, издалъ первую книжку своихъ разсказовъ, а лѣто провелъ въ имѣніи И. С. Тургенева (Спасское-Лутовиново), гдѣ написалъ «Записки рядового Иванова». 11 февраля слѣдующаго 1883 года онъ женился на

Надеждѣ Михайловнѣ Золотиловой, слушательницѣ медицинскихъ курсовъ, окончившей затѣмъ курсъ со званіемъ женщины-врача. Дѣтей у нихъ не было. Одновременно съ женитьбой покойный получилъ мѣсто секретаря общаго съѣзда представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ, которое и занималъ почти пять лѣтъ, оставивъ его лишь мѣсяца за три до своей кончины. Мѣсто это давало ему солидное матеріальное обезпеченіе.

Съ этого времени Гаршинъ написалъ уже очень немного: въ 1883 году—разсказы «Красный цвѣтокъ» и «Медвѣди», въ 1885 —повѣсть «Надежда Николаевна», въ 1886—«Сказаніе о гордомъ Аггеѣ», въ 1887—разсказъ «Сигналъ» и статью о передвижной выставкѣ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Работать ему мѣшали припадки меланхоліи, изъ весны въ весну, при полномъ сохраненіи сознанія, большею частью безъ всякой внѣшней причины. Съ каждымъ годомъ періодъ такого угнетеннаго состоянія дѣлался длиннѣе, и только позднею осенью Гаршинъ освобождался отъ своего недуга, охотно появляясь въ обществѣ тѣмъ живымъ и милымъ собесѣдникомъ, какого всѣ привыкли въ немъ видѣть. Въ послѣдній разъ болѣзнь особенно затянулась; почувствовавъ облегченіе, покойный рѣшилъ безотлагательно ѣхать на Кавказъ, чтобы вполнѣ оправиться, но не успѣлъ привести въ исполненіе это намѣреніе: въ девятомъ часу утра 19 марта, выйдя незамѣтно на лѣстницу своей квартиры и спустившись съ четвертаго этажа до второго, онъ упалъ въ пролетъ лѣстницы и сломалъ себѣ ногу. Полное сознаніе больного не внушало первоначально серьезныхъ опасеній, а потому къ нему было примѣнено только хирургическое лѣченье; но на слѣдующій день, часовъ въ пять утра, онъ уснулъ и не просыпался уже до кончины.

Хоронили Гаршина 26 марта, на волковскомъ кладбищѣ.

Съ ранняго утра у воротъ лѣчебницы стала собираться толпа, вскорѣ занявшая почти половину улицы. Ровно въ девять часовъ показался бѣлый глазетовый гробъ съ останками покойнаго, весь усыпанный живыми цвѣтами. До самаго кладбища его несли на рукахъ литераторы и студенты. Печальная колесница подъ бѣлымъ-же балдахиномъ вся покрыта была вѣнками изъ живыхъ и искус-

ственныхъ цвѣтовъ—отъ литературнаго фонда, отъ товарищей-писателей, отъ студентовъ горнаго института, университета, военно-медицинской академіи и технологическаго института, отъ высшихъ женскихъ курсовъ, отъ учащихся въ Петербургѣ сибиряковъ, отъ редакціи журнала «Сѣверный Вѣстникъ», отъ друзей, отъ сослуживцевъ и мн. др. Впродолженіе всего пути пѣлъ студенческій хоръ.

Къ десяти съ половиною часамъ погребальная процессія прибыла на кладбище, и гробъ былъ поставленъ на катафалкъ, посреди воскресенской церкви, заранѣе уже переполненной народомъ. Набальзимированный трупъ покойнаго почти исчезалъ подъ живыми розами. Вѣнокъ «отъ товарищей-писателей» изъ алыхъ розъ и краснаго мака прикрѣпленъ былъ къ изголовью гроба; остальные лежали у подножія катафалка. Около вырытой могилы, близь литераторскихъ мостковъ, всѣ памятники, кресты, деревья, заборы и крыши заняты были непомѣстившимися въ церкви.

Въ два часа гробъ былъ опущенъ въ могилу. Застучали комья мерзлой глины о крышку гроба и раздался неудержимый плачъ. Плакали не только родные и друзья Гаршина,—плакали многіе изъ публики, женщины и мужчины.

Начались рѣчи и стихотворенія, которыя мы и приводимъ здѣсь полностью, въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Рѣчь проф. Сергѣевича.

«Смерть унесла отъ насъ не только любимаго человѣка, но и поэта; смерть его отзовется въ сердцѣ каждаго, кому дороги интересы русскаго слова. Мы хоронимъ сегодня наши надежды, мы хоронимъ надежды русской литературы. Недолго жилъ Всеволодъ Гаршинъ, немного онъ написалъ, но все, что̀ вышло изъ-подъ его пера, отмѣчено печатью высокаго дарованія. Надежды всѣхъ, его читавшихъ, были не призракомъ: молодому поэту надо было только жить, чувствовать и обогащаться жизненнымъ опытомъ, чтобы продолжать творить художественныя произведенія, съ которыхъ онъ началъ... Но жизнь-то и не далась Гаршину. Мы видѣли, какъ онъ тяжело страдалъ отъ гнета, по поводу душев-

наго недуга: онъ не могъ побороть внутренней болѣзни, которая губила его творческія силы; онъ изнемогалъ въ страшной борьбѣ съ самимъ собой и... пересталъ жить. Только здѣсь, въ этомъ пріютѣ смерти, найдетъ онъ тотъ покой, въ которомъ отказала ему жизнь. Къ нашему горю, этотъ вѣчный покой отвоевалъ онъ себѣ слишкомъ преждевременно... Миръ праху твоему, дорогой страдалецъ!»

Рѣчь г. Баранцевича.

«Всеволодъ Гаршинъ умеръ. Его тѣло опущено въ могилу; но память о немъ будетъ жить долго: написанное имъ будетъ читаться и волновать, потому-что онъ писалъ правду,—не ту повседневную, обыденную правду, которую мы видимъ вокругъ себя, а ту, о которой Левъ Толстой сказалъ, что «надо писать не то, что̀ должно быть, а правду царствія Божія, которое близится, но котораго еще нѣтъ». Гаршинъ былъ послѣднимъ художественнымъ выразителемъ того общественнаго движенія, которое возникло нѣсколько раньше насъ, его сверстниковъ, и конецъ котораго Гаршинъ достойно воспѣлъ словами своего героя. Всеволодъ Гаршинъ не могъ жить за свой страхъ, онъ не могъ примириться съ узкимъ, улиточнымъ счастьемъ, которымъ довольствуются многіе,—его сердце жаждало общаго счастья. Во время недавней встрѣчи онъ говорилъ: «Тѣломъ я здоровъ, но еслибы вы знали, что̀ у меня въ душѣ»... Кто могъ знать его страданія? Можетъ-быть онъ, какъ тотъ больной, искалъ «красный цвѣтокъ», чтобы пресѣчь зло міра,—могила не даетъ отвѣта. Тайну мученій Гаршинъ унесъ съ собой—и если съ этой тайной онъ унесъ хотя частицу страданій міра, то да будетъ на многіе годы памятно его имя».

Рѣчь г. Ясинскаго.

«Товарищи! Мы хоронимъ нашего лучшаго друга и нашу славу. Уста нѣмѣютъ передъ громадностью утраты. Послѣдній разъ собрались мы у дорогого праха. Горе намъ!.. Пусть тѣнь

его витаетъ надъ нами и вдохновляетъ на правду и красоту. Вѣчная память Всеволоду Гаршину.»

Стихотвореніе г. Минскаго.

Ты грустно прожилъ жизнь. Больная совѣсть вѣка
Тебя отмѣтила глашатаемъ своимъ;
Въ дни злобы ты любилъ людей и человѣка
И жаждалъ вѣровать, безвѣріемъ томимъ.
Но слишкомъ былъ глубокъ родникъ твоей печали:
Ты изнемогъ душой, правдивѣйшій изъ насъ,—
И струны порвались, рыданья отзвучали...
Въ безвременье ты жилъ, безвременно угасъ!
Я ничего не зналъ прекраснѣй и печальнѣй
Лучистыхъ глазъ твоихъ и блѣднаго чела,
Какъ будто для тебя земная жизнь была
Тоской по родинѣ недостижимо-дальней.
И творчество твое, и красота лица
Въ одну гармонію слились съ твоей судьбою,
И жребій твой похожъ, до страшнаго конца,
На грустный вымыселъ, разсказанный тобою.
И ты ушелъ отъ насъ, какъ тотъ пѣвецъ больной,
У славы отнятый могилы дуновеньемъ;
Какъ буря, смерть прошла надъ нашимъ поколѣньемъ,
Вершины всѣ скосивъ завистливой рукой.
Нѣтъ лучшихъ, кѣмъ оно гордилось и блистало,
Кто страстнымъ словомъ могъ отчизнѣ послужить:
Давно-ль угасъ Надсонъ? Теперь тебя не стало...
Безъ васъ намъ тяжело, безъ васъ намъ стыдно жить!..

Рѣчь г. Лемана.

Господа! Мы собрались здѣсь у гроба безвременно почившаго писателя. Писателя... Да, многіе изъ собравшихся здѣсь знали Гаршина только какъ писателя, произведенія котораго—искреннія, горячія,—находили откликъ въ ихъ душахъ, ихъ сердцахъ. Поэтому нечего говорить о томъ, что̀ совершилъ Гаршинъ, что̀ написалъ, о чемъ думалъ, чему сочувствовалъ. Все это у каждаго передъ глазами. Но вотъ чего не знаютъ быть-можетъ иные. Не знаютъ, что̀ Гаршинъ былъ за человѣкъ и какъ прошелъ свой короткій жизненный путь. Гаршинъ совершилъ «свою ра-

боту жизни», какъ немногіе. Великодушный, строгій къ себѣ, снисходительный къ другимъ, непоколебимо честный, стойкій въ убѣжденіяхъ, всегда готовый помочь не словомъ, а дѣломъ, онъ производилъ впечатлѣніе необыкновенно-свѣтлой, высоконравственной личности. Трудно передать, какъ сильно онъ могъ вліять на людей, когда хотѣлъ, благодаря именно этимъ рѣдкимъ чертамъ своего характера. Часто одно его слово вѣсило больше, чѣмъ иныя длинныя, краснорѣчивыя увѣренія. Говорятъ: «мы потеряли даровитаго молодого писателя, который могъ бы создать новыя выдающіяся произведенія». Не писателя,—благороднаго, честнаго человѣка потеряли мы, человѣка высокой духовной чистоты, неизмѣнявшаго истинѣ, правдѣ,—и вотъ это дѣйствительно великая потеря. Его нѣтъ. Пусть онъ живетъ съ нами въ нашей памяти, въ нашихъ сердцахъ! Аминь.»

Стихотвореніе г. Дрожжина.

Кончилась жизнь молодая и сильная,
Теплой любовью къ народу обильная,—
Плачь же, родимый народъ!
И помолися за душу почившаго,
Вмѣстѣ съ тобою не разъ пережившаго
Жизненный гнетъ!

Рѣчь г. Горбунова (уполномоченнаго издательской фирмы «Посредникъ»).

«Ты никогда не былъ жрецомъ искусства ради немногихъ избранниковъ. Ты одинъ изъ первыхъ откликнулся на могучій призывъ нашего пахаря насытить изголодавшуюся народную душу,—и уже теперь толпы крестьянъ просвѣтляются свѣтомъ твоей любви и быть-можетъ проникаются тѣмъ страстнымъ протестомъ противъ торжества братоубійственнаго насилія,—протестомъ, живымъ воплощеніемъ котораго была вся твоя творческая личность. Скоро народъ еще болѣе узнаетъ того, «кто былъ себѣ судья неумолимо строгій».

Къ тремъ часамъ надъ могилой Гаршина возвышался уже

холмъ сырой земли, на которомъ водруженъ былъ простой деревянный крестъ съ надписью: «Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ. Скончался 24 марта 1888 года».

Всеволодъ Гаршинъ и его пребываніе въ Ефимовкѣ 1880—1882 г.

Я познакомился со Всеволодомъ въ маѣ 1857 года. Ему было два года. Это былъ забавный бутузъ, только-что начавшій болтать,—общій баловень въ семьѣ. Когда онъ начиналъ капризничать, нашъ старый лакей, Дмитрій, пугалъ его «Грицькомъ», и этотъ фантастическій Грицько приводилъ ребенка въ такой ужасъ, что, при одномъ произнесеніи страшнаго имени, онъ глоталъ слезы и утихалъ. Помню, что онъ любилъ молиться Богу и усердно поминалъ «дѣкаку» и «бакаку» (дѣдушку и бабушку). Часто онъ изображалъ святогорскаго іеродіакона и, надѣвъ на себя простыню въ видѣ мантіи, съ линейкой въ рукѣ, изображавшей свѣчу, прохаживался по комнатамъ, возглашая: «Возстаните!» Позже, въ началѣ 1860 года, онъ пріѣзжалъ съ матерью ко мнѣ въ Одессу, куда я только-что возвратился изъ лондонскаго плаванія на пароходѣ «Веста» (впослѣдствіи знаменитомъ). Это былъ уже пятилѣтній мальчикъ, очень кроткій, серьезный и симпатичный, носившійся постоянно съ «Міромъ Божьимъ» Разина, который онъ оставлялъ только ради излюбленнаго имъ рисованія. У меня до сихъ поръ сохраняются мои замѣтки о плаваніи, совершенно имъ испорченныя изображеніями на каждой страницѣ «Весты». Затѣмъ я совсѣмъ потерялъ его изъ вида и о ходѣ его воспитанія и образованія зналъ только по письмамъ его матери, моей сестры.

Въ первый разъ послѣ долгаго промежутка я встрѣтилъ его въ Харьковѣ возвратившимся съ войны раненымъ унтеромъ. Я съ любопытствомъ осматривалъ его, какъ героя и автора «Четы-

рехъ дней», сдѣлавшихъ на меня глубокое и грустное впечатлѣніе. Мы очень съ нимъ подружились и вели продолжительныя бесѣды, преимущественно о ботаникѣ, въ которой онъ былъ очень силенъ; но вообще мнѣ грустно было его видѣть: блуждающіе, какіе-то тревожные глаза, лихорадочная торопливость разговора, внезапные припадки раздражительности при малѣйшемъ противорѣчіи—все это явно показывало, что малый нехорошъ.

Пропускаю тяжелый періодъ пребыванія его на «Сабуровой дачѣ», гдѣ я навѣщалъ его во время моихъ пріѣздовъ въ Харьковъ. Я не могъ безъ слезъ видѣть его въ этой ужасной обстановкѣ, которая, къ счастью, продолжалась недолго.

Зимой 1880 года, возвращаясь изъ Петербурга чрезъ Харьковъ, я нашелъ Всеволода въ ужасномъ положеніи: у него былъ столбнякъ, прерываемый иногда только безпричинными слезами; вызвать его на разговоръ, даже мнѣ, которому онъ показывалъ столько дружбы, не удавалось. Тогда, въ виду особыхъ причинъ, о которыхъ здѣсь считаю лишнимъ распространяться, у меня родилась мысль увезти его къ себѣ за 600 верстъ и поставить въ совершенно другую обстановку и другія условія жизни, устранивъ отъ него все то многое, что̀ въ Харьковѣ никакимъ образомъ не могло способствовать улучшенію его бѣдственнаго положенія. Получивъ согласіе сестры и Евгенія *), я предложилъ Всеволоду погостить у меня въ Ефимовкѣ, пока не надоѣстъ, на что̀ онъ отвѣчалъ: «Вы вѣдь знаете, дядя, что я не имѣю ни воли, ни желаній; если вы находите нужнымъ взять меня, я поѣду, если нѣтъ,—мнѣ все равно». Я объяснилъ ему, что нахожу нужнымъ, и увезъ. Мы вдвоемъ занимали цѣлый вагонъ, и я съ радостью увидѣлъ, что, по мѣрѣ удаленія отъ Харькова, расположеніе духа больного мѣняется; онъ, по моему предложенію, съ любопытствомъ принялся рыться въ моемъ чемоданѣ, гдѣ находились разныя механическія игрушки, купленныя мною дѣтямъ, и не могъ не засмѣяться при видѣ медвѣдя, ходившаго съ ревомъ

---

*) Брата покойнаго. *Ред.*

по вагону; особенно же его заняла очень сильная крысоловка, и онъ сталъ выражать капризное раздраженіе по случаю невозможности примѣнить ее сейчасъ-же къ дѣлу,—потомъ, придавивъ себѣ весьма сильно палецъ, самъ разсмѣялся надъ своимъ ребячествомъ. Эта крысоловка впослѣдствіи оказала мнѣ важную услугу, такъ какъ она впродолженіе двухъ недѣль занимала его; онъ съ увлеченіемъ принялся истреблять крысъ, которыхъ было множество въ амбарахъ. Заведенъ былъ журналъ, въ которомъ ежедневно отмѣчалось число казненныхъ животныхъ, съ особой графой примѣчаній: «съ крысами тихо», «крысы въ угнетеніи», «твердое настроеніе» и проч. Кончилось тѣмъ, что ловушка безслѣдно исчезла, и мы пришли къ предположенію, что въ нее попался хорекъ, который и утащилъ ее на себѣ въ свою невѣдомую нору.

Не смотря, однако, на видимую рѣзкую перемѣну, почти сразу обнаружившуюся въ моемъ дорогомъ больномъ, первое время его пребыванія у меня было очень тяжелое: иногда, среди живого и веселаго разговора, онъ вдругъ задумывался и обводилъ всѣхъ страннымъ, блуждающимъ взоромъ; не проходило почти ночи, чтобъ онъ не сдѣлалъ тревоги внезапными, громкими рыданіями, которыя прекращались очень трудно. Такое положеніе продолжалось недѣли три. Тѣмъ временемъ я понемногу начиналъ вводить его въ систему задуманнаго мною лѣченія, которая заключалась въ слѣдующемъ: полное изолированіе отъ всего заефимовскаго міра, кромѣ матери, братьевъ и В. А. Фауссека, къ которому онъ всегда относился съ самой нѣжной дружбой; постоянное, хоть и молчаливое сообщество кого-нибудь изъ насъ; какъ можно больше движенія и физическаго труда и никакихъ литературныхъ занятій, кромѣ любимаго имъ писанія писемъ на родину моимъ рабочимъ. Впрочемъ, впослѣдствіи я уступилъ его желанію заняться переводомъ на русскій языкъ повѣсти «Colomba», найденной имъ въ библіотекѣ моей, между статьями журнала «La revue des revues» 40-хъ годовъ; этотъ трудъ онъ объяснялъ желаніемъ усовершенствоваться во французскомъ языкѣ, да я и не видѣлъ въ такомъ занятіи ничего

противорѣчившаго моему плану, такъ какъ это было чисто механическое дѣло. Не знаю, что сталось съ этой повѣстью — брульоны же я оставилъ себѣ на память.

День у насъ начинался обыкновенно катаньемъ на конькахъ до 8 часовъ утра, не смотря ни на какую погоду, въ этомъ отношеніи Всеволодъ достигъ огромныхъ успѣховъ: ему нипочемъ было сбѣгать къ святотроицкому маяку, въ 5 верстахъ, и обратно въ 40 минутъ. Послѣ чая онъ приходилъ ко мнѣ въ камеру и наблюдалъ бытовыя сцены, записывая въ то-же время протоколы свидѣтельскихъ показаній. Передъ обѣдомъ опять катанье на конькахъ, потомъ возня съ дѣтьми, которыхъ онъ очень любилъ, переводъ, чтеніе газетъ и журналовъ и, наконецъ, вечерняя партія въ шахматы, къ которой онъ приступалъ съ неизмѣннымъ предложеніемъ: «не хотите ли меня когтить?» (выраженіе Тургенева); кромѣ того, одинъ часъ всегда посвящался пикету съ больной бабушкой. Почта приходила по понедѣльникамъ и пятницамъ и ожидалась съ любопытствомъ; мы получали: «Русскій Вѣстникъ», «Голосъ», «Старину», «Вѣстникъ Европы», «Ниву», «Огонекъ» и одну мѣстную газету; кромѣ того, Всеволоду присылались изъ Харькова «Отечественныя Записки» и изъ Петербурга «Русское Богатство» и «Устои»; впрочемъ, зачитываться я ему не давалъ, и какъ только онъ кончалъ своихъ излюбленныхъ Щедрина и Г. И. Успенскаго—я книги пряталъ.

Съ восторгомъ я видѣлъ, какъ мой Всеволодъ возвращался къ жизни не по днямъ, а по часамъ; къ веснѣ онъ былъ уже неузнаваемъ: земляной цвѣтъ лица уступилъ мѣсто прекрасному здоровому румянцу, апетитъ и сонъ — отличные, внезапная задумчивость и рыданія давно исчезли; явился настоящій Всеволодъ, съ его чудесной душой, мягкимъ, покладистымъ характеромъ и добродушнымъ юморомъ—словомъ, драгоцѣннѣйшій сожитель. Теперь онъ самымъ спокойнымъ образомъ и до мельчайшихъ подробностей разсказывалъ мнѣ самые тяжелые эпизоды изъ своей несчастной жизни — Сабурову дачу, лѣчебницу Фрея и проч.

Наступала весна 1881 года. Въ концѣ февраля я долженъ былъ

ѣхать въ Египетъ и оставаться тамъ до конца апрѣля. Это время было тяжкимъ испытаніемъ для Всеволода; безъ меня насъ постигло горе, семейное—смерть моей матери и народное—смерть Государя. Признаюсь, я, наслаждаясь прелестями береговъ Нила, часто задумывался о моемъ паціентѣ, тѣмъ болѣе, что и изъ писемъ его видно было, что онъ крѣпко скучалъ и томился «одиночнымъ заключеніемъ»; но безконечная доброта этого человѣка и способность пріурочиться къ даннымъ условіямъ сдѣлали то, что онъ вполнѣ вошелъ въ интересы семьи, и когда я возвратился, то не нашелъ никакихъ тревожныхъ слѣдовъ его относительнаго одиночества. Какъ-то разъ, поздней весной, я, ободренный чудеснымъ ходомъ исцѣленія Всеволода, шутя упрекнулъ его въ томъ, что онъ ничего не пишетъ; тутъ онъ сознался мнѣ, что состояніе его души въ настоящее время совершенно неудобно для литературнаго труда, и что почти все, что онъ до сихъ поръ написалъ, являлось въ то время, когда на него «находило». Не знаю, дѣлалъ ли онъ кому-нибудь подобное признаніе, но какъ онъ былъ правъ, бѣдный! Полтора года, прожитые въ Ефимовкѣ, я считаю самымъ лучшимъ временемъ его душевнаго состоянія; между тѣмъ, за это время онъ написалъ только слабѣйшій изъ своихъ разсказовъ. Помню я, какъ онъ, конфузясь и затворяя всѣ двери, прочиталъ мнѣ этотъ разсказъ и еще болѣе сконфузился, когда увидѣлъ на моемъ лицѣ незавидное мнѣніе мое объ этомъ произведеніи. Онъ поспѣшилъ увѣрить меня, что разсказъ написанъ исключительно для дѣтей г. Герда, и что онъ никогда не будетъ напечатанъ; приэтомъ онъ самъ указывалъ на разныя несообразности разсказа и прежде всего на отсутствіе мысли. «Знаете ли, дядя», говорилъ онъ, «я написалъ этотъ вздоръ только потому, что мнѣ до ребячества нравится это звукоподражаніе: «какой скандалъ!» и выраженіе «хвостяка», хотя это послѣднее и вставлено здѣсь ни къ селу, ни къ городу. «Хвостяка» — слово чисто хохлацкое и выражаетъ собой понятіе о тощей, забитой и запаршивѣвшей мужицкой лошаденкѣ; у меня же приведенъ гнѣдко — правда, очень старый, но статный и сытый конь, и Антонъ Дюльдинъ — настоящій орловскій кацапъ, который незнакомъ съ та-

кимъ выраженіемъ; но что̀ жь дѣлать, когда оно кажется мнѣ такимъ характернымъ! Вотъ вы мнѣ какъ-то разсказывали, какъ вамъ разъ случилось на кораблѣ ночью случайно подслушать тихое мурлыканье матроса, облокотившагося о бортъ; это была какая-то едва слышная импровизація, изъ которой вы разслышали «отдааай швартооовъ». Вотъ этотъ самый «швартовъ» не даетъ мнѣ покоя: я на немъ построилъ, въ головѣ, цѣлый романъ; суровая 25-лѣтняя морская служба, оторванность отъ родной среды, оставленная молодка - жена и ребенокъ, отправленіе въ дальнее плаваніе на нѣсколько лѣтъ, неизвѣстность будущаго, тоска по родинѣ, потомъ, какъ pia desideria, выходъ въ отставку, тоже своего рода «отдай швартовъ» *), возвращеніе въ семью... И я чувствую, что эта бездушная команда ляжетъ въ основаніе моего будущаго разсказа, если мнѣ суждено сдѣлаться когда-нибудь совсѣмъ здоровымъ человѣкомъ». Не суждено было сбыться надеждѣ бѣднаго малаго!

Осенью 1881 года мы предприняли капитальную работу—постройку длинной пристани на сваяхъ. Мы сдѣлали на шлюпкѣ самый тщательный промѣръ съ цѣлью найти подходящую глубину и послѣ новаго года приступили къ забивкѣ свай. Я не переставалъ радоваться при видѣ горячаго участія, съ которымъ Всеволодъ относился къ этому дѣлу; онъ почти неотлучно находился на работѣ и каждый день долженъ былъ давать на водку рабочимъ, которые въ своей неизмѣнной «дубинушкѣ» импровизировали въ честь его дифирамбы въ родѣ того, что «Всеволо́дъ Михалы́чъ, нашъ милый панычъ, дастъ намъ на могарычъ» и т. п. Особенную дружбу онъ питалъ къ старику коперщику, извѣстному подъ названіемъ «дяди», главная обязанность котораго была слѣдить за вертикальнымъ направленіемъ сваи, пока ее вбиваютъ. Всеволодъ часто прибѣгалъ въ домъ полюбоваться изъ окна оптической несообразностью, вслѣдствіе которой каза-

*) Швартовомъ называется канатъ, которымъ судно прикрѣпляется съ носа или кормы къ неподвижному предмету. Отдать швартовъ—значитъ освободить судно, и команда: «отдай швартовъ»—прекращаетъ послѣднюю связь судна съ берегомъ.

лось, что чугунная баба не вбиваетъ сваю, а колотитъ «дядю» по головѣ.

Вообще, въ эту зиму, наблюдая тщательно за Всеволодомъ, я совершенно убѣдился, что онъ находится на пути къ спасенію. Въ одинъ весенній день 1882 года мы пріѣхали въ Николаевъ по дѣламъ. Послѣ пятичасовой бѣготни по городу, я нашелъ Всеволода уже собравшимся въ обратный путь и очень сконфуженнымъ. Онъ разсказалъ мнѣ что, за полчаса передъ тѣмъ, онъ тутъ-же въ ресторанѣ пилъ кофе и усѣлся напротивъ стеклянной двери, за которой, въ швейцарской, висѣло его пальто, и прежде чѣмъ онъ выпилъ свой кофе, пальто было украдено у него подъ носомъ. Успокоивъ его и посмѣявшись надъ его разсѣянностью, я хотѣлъ выйти, чтобы распорядиться о лошадяхъ, какъ вдругъ онъ бросился ко мнѣ на шею и со слезами заговорилъ: «дядя, дядя, я чувствую, что все *это* прошло; никакихъ «проклятыхъ вопросовъ» нѣтъ, и вся моя горькая и несчастная жизнь съ реальнаго училища—гдѣ-то потонула». То была кульминаціонная точка. Увы! скоро послѣ этого порыва, наполнившаго мою душу гордой радостью, я началъ замѣчать, что съ каждой почтой, приносившей Всеволоду множество объемистыхъ писемъ, онъ сталъ грустить, задумываться и заговаривать со мной о томъ, что онъ совершенно здоровъ и что невозможно далѣе продолжать dolce-far-niente. Сначала рѣчь шла о возвращеніи въ свой старый болховской полкъ, потомъ разныя другія предположенія... Напрасно я представлялъ ему блестящіе результаты полуторагодового «одиночнаго заключенія» и настаивалъ на необходимости продолженія его еще на годъ и прекращенія корреспонденціи—видно, эта корреспонденція была краснорѣчивѣе моихъ доводовъ. Лѣтомъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ, и больше я его не видѣлъ.

Такъ неудачно кончилась моя попытка помочь родному и любимому человѣку, а можетъ-быть и сохранить для общества крупный талантъ.

В. А.

Апрѣль 1888.

Дебюты В. М. Гаршина.

Когда, въ концѣ 1877 г., въ «Отеч. Зап.» появились «Четыре дня», я находился въ Петербургѣ. На кружокъ молодежи, среди которой я вращался тогда, этотъ маленькій разсказъ произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Въ Гаршинѣ сразу увидѣли писателя съ большимъ будущимъ. Причина такого успѣха лежала, конечно, отчасти въ томъ, что въ «Четырехъ дняхъ» проводилась гуманная идея, которая у насъ всегда подкупаетъ симпатіи читающей публики. Отчасти также успѣху содѣйствовало время, когда этотъ разсказъ появился,—въ самый разгаръ русско-турецкой войны. Но все это только отчасти. Главная доля была въ красотѣ формы и задушевной искренности разсказа. Было ясно, что Гаршинъ не проповѣдникъ, выбирающій беллетристическую форму для проведенія тѣхъ или другихъ идей, а художественный темпераментъ, чувствующій по-своему и потому пренебрегающій рецептами, по которымъ въ то время писались беллетристическія вещи. Этого рода писанія уже тогда опостылѣли людямъ съ развитымъ литературнымъ вкусомъ.

Вскорѣ послѣ появленія «Четырехъ дней» я познакомился съ нѣкоторыми изъ тогдашнихъ друзей Гаршина. Это были три товарища Гаршина по горному институту, двѣ ученицы маріинской повивальной школы: одна — совсѣмъ молоденькая дѣвушка, другая—замужняя женщина съ Кавказа, и семья инженера К.

К. былъ человѣкъ зажиточный; у него часто и запросто собирались студенты и кое-кто изъ петербургскихъ литераторовъ, большею частью молодыхъ. Среда эта, по тогдашнему времени, была довольно оригинальна, и въ ней прежде всего пріятно поражало полное отсутствіе радикальныхъ фразъ, бывшихъ тогда въ модѣ, и честная терпимость къ чужимъ убѣжденіямъ и вкусамъ. Никто изъ этихъ людей не «ходилъ въ народъ», не мечталъ о переворотахъ и не навязывалъ другимъ своихъ взглядовъ. Новопри-

шедшій сразу чувствовалъ себя здѣсь по себѣ: онъ могъ слушать, разсказывать, спорить, увѣренный, что ему не поставятъ въ вину того, или другого мнѣнія, коль скоро оно искренне. Всѣ здѣсь любили свое дѣло и занимались имъ усердно и въ то-же время сходились на одной общей точкѣ, которая сроднила ихъ: на любви къ литературѣ и къ искусству. Инженеръ, благодушный отецъ семейства, въ которомъ царили миръ и любовь, усердно слѣдилъ за успѣхами инженерной науки, и въ то-же время былъ литераторомъ въ душѣ; онъ даже былъ собственникомъ толстаго литературнаго журнала, который впрочемъ выходилъ разъ въ годъ. Одинъ изъ студентовъ горнаго института—Кв., отлично работавшій по предметамъ своей спеціальности, съ упорнымъ увлеченіемъ разрабатывалъ сдѣланное имъ открытіе, что интегралы и дифференціалы можно излагать популярно, безъ формулъ, такъ что ихъ можетъ понять всякій, непрошедшій даже курса элементарной математики. Эта мысль засѣла гвоздемъ въ головѣ молодаго хохла; онъ обучалъ интеграламъ своихъ знакомыхъ барышенъ и даже людей, которыхъ видѣлъ въ первый разъ. Въ то же время онъ занимался физіологіей, писалъ статьи противъ спиритизма и переписывался поэтому съ проф. Менделѣевымъ. И всего курьезнѣе, что спиритизмъ, интегралы, физіологія,—все это составляло въ головѣ Кв. одно стройное цѣлое. Другой товарищъ Кв. съ увлеченіемъ говорилъ о своихъ ученыхъ экскурсіяхъ, о горныхъ заводахъ, которые посѣтилъ и имѣетъ посѣтить, объ удивительныхъ машинахъ, которыя свидѣтельствуютъ о геніальности человѣческаго ума и призваны осчастливить родъ людской. И все это всерьезъ, безъ малѣйшей фразы. Двѣ барыни - акушерки не могли говорить хладнокровно объ операціяхъ, родильницахъ и медицинскихъ событіяхъ той клиники, гдѣ онѣ учились. Третья дѣвушка, статная блондинка, живая, остроумная и большая хохотунья, страстно любила театръ и съ талантомъ играла на любительскихъ спектакляхъ. Наконецъ, жена инженера занималась только своимъ home и дѣтьми.

И вотъ, несмотря на это разнообразіе въ занятіяхъ, всѣ

были очень дружны между собою и искренно уважали другъ друга. Не говоря громкихъ словъ объ искусствѣ, всѣ любили его. Въ академіи художествъ были тогда выставлены картины, предназначенныя для отправки въ Парижъ на всемірную выставку. И вся компанія бѣгала туда, разсматривала, восторгалась, обсуждала.

Въ этой-то средѣ Гаршинъ былъ центромъ, всеобщимъ любимцемъ и баловнемъ. Повторяли его мнѣнія, разсказывали подробности изъ его жизни, говорили объ его планахъ и работахъ, интересовались его здоровьемъ. Во всѣхъ этихъ отзывахъ и заботахъ видна была чисто родственная нѣжность и независимость въ любви. Это было не поклоненіе, а именно уваженіе и любовь. Въ семьѣ инженера, какъ я сказалъ уже, бывали другіе, даже очень опытные литераторы; но къ нимъ не было той привязанности, которая замѣчалась по отношенію къ Гаршину. Получалось впечатлѣніе, какъ будто эти извѣстные литераторы не сдѣлали того, что̀ слѣдуетъ, а Гаршинъ-де сдѣлаетъ. А что̀ такое былъ тогда Гаршинъ? 22-лѣтній юноша!

Въ то время Гаршина не было въ Петербургѣ; онъ находился, кажется, въ Харьковѣ у своей матери. Однажды утромъ, въ началѣ февраля 1878 г., въ комнату мою вошелъ, похрамывая, прилично одѣтый молодой человѣкъ, въ зимнемъ пальто и въ маленькой барашковой шапочкѣ. Больше десяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я вижу его передъ собою точно живымъ. Помню, меня поразила глубокая грусть, разлитая во всѣхъ чертахъ этого тонкаго, матоваго лица, обрамленнаго легкимъ темнорусымъ пушкомъ. Особенно печальны были его большіе глаза, въ которыхъ читались безконечная доброта и честность. Лѣвая бровь съ легкимъ переломомъ въ серединѣ придавала ему такое выраженіе, будто онъ давно и постоянно страдаетъ, точно потерялъ любимаго человѣка и не можетъ этого забыть.

Голосъ онъ имѣлъ тихій и пріятный. Говорилъ онъ спокойно, безъ жестовъ, и тѣмъ большее впечатлѣніе производила его прямая, искренняя рѣчь. Чувствовалось, что его слова были вѣрнымъ отраженіемъ того, что̀ онъ думалъ, безъ преувеличенія, но

и безъ смягченія. Трудно выразить, какъ это качество привлекало къ нему, располагало къ довѣрію. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора казалось, что вы всегда были съ нимъ знакомы, и что онъ также знаетъ васъ и всѣ ваши дѣла. Съ Гаршинымъ можно было говорить сразу *всерьезъ*, отбросивши въ сторону банальныя фразы, которыми обыкновенно сопровождается первое знакомство.

Помню, я не могъ удержаться, чтобы не высказать своего восторга по поводу «Четырехъ дней». Онъ принялъ эти выраженія безъ притворной скромности, за которой у авторовъ скрывается большое самомнѣніе, — но и безо всякаго интереса. Это нетрудно понять, когда знаешь, что каждый разъ, когда Гаршинъ писалъ новую вещь, онъ переживалъ ее точно болѣзнь,—до такой степени авторъ сливался въ немъ съ человѣкомъ. Дама-акушерка, о которой я упомянулъ выше, разсказывала мнѣ по этому поводу слѣдующій эпизодъ, относящійся къ «Происшествію». Гаршинъ пришелъ къ ней однажды, когда она готовилась къ экзамену. Какъ товарищу, котораго достаточно уважаешь, чтобы не стѣсняться съ нимъ, она сказала ему, что занята и не можетъ съ нимъ болтать.—Ничего, работайте, я попишу, отвѣтилъ Гаршинъ. Дама продолжала заниматься, а Гаршинъ, вынувши записную книжку, сталъ что-то записывать. Прошло нѣкоторое время; г-жа Д., углубленная въ занятіе, была вдругъ пробуждена рыданіями. Плакалъ Гаршинъ, описывая страданія «Надежды Николаевны»...

Онъ, какъ видите, пиша, не сочинялъ, не забавлялся, а присутствовалъ при страданіяхъ, которыя считалъ реальными. А Гаршинъ, при его обнаженныхъ нервахъ, не могъ видѣть чужихъ страданій, чтобы не страдать самому. Каждый человѣкъ, страдающій или страдавшій, былъ въ его глазахъ окруженъ ореоломъ. У меня на квартирѣ произошелъ однажды между Гаршинымъ и однимъ моимъ знакомымъ споръ, который рельефно показываетъ сущность натуры Гаршина. Это былъ единственный разъ втеченіе моего короткаго знакомства съ нимъ, когда я видѣлъ его возбужденнымъ и почти раздраженнымъ.

Знакомый мой былъ юноша очень радикальныхъ убѣжденій и, какъ таковой, отчаянный принципоѣдъ. Недостатокъ опыта и непосредственнаго чувства заполнялся у него холоднымъ размышленіемъ. Хотя онъ и воображалъ себя «свободнымъ мыслителемъ», но жилъ фразой, въ которую вѣрилъ, какъ добрый христіанинъ въ евангеліе. Поступки свои и чужіе онъ всегда свѣрялъ съ этой фразой: если выходило согласно, онъ считалъ этотъ поступокъ хорошимъ, возвышеннымъ, а нѣтъ—подлымъ.

Въ присутствіи этого-то юноши Гаршинъ, отвѣчая на мой вопросъ, сказалъ, что собирается вновь на войну.

— Что̀, гонятъ? спросилъ юноша.

— Нѣтъ, не гонятъ, самъ иду.

— Зачѣмъ?

Гаршинъ былъ удивленъ этимъ неожиданнымъ вопросомъ.

— Какъ, зачѣмъ? Тамъ русскій мужикъ, о которомъ вы сейчасъ говорили, борется и страдаетъ. Я хочу идти къ нему на подмогу.

— Ну, это пустяки. Неговоря уже о томъ, что вы противъ войны, само по себѣ безнравственно помогать одерживать побѣды, которыми воспользуются, чтобы...

И юноша принялся излагать свои радикальныя воззрѣнія, бывшія выводомъ изъ фразы, составлявшей его credo.

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, Гаршинъ приходилъ все въ большее и большее негодованіе. Наконецъ, онъ не выдержалъ, вскочилъ и въ волненіи захромалъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, позвольте... позвольте... Вы стало-быть находите безнравственнымъ, что я буду жить жизнью русскаго солдата и помогать ему въ борьбѣ, гдѣ каждый человѣкъ полезенъ? Неужели будетъ болѣе нравственно сидѣть здѣсь, сложа руки, тогда какъ этотъ солдатъ будетъ умирать за насъ!.. Извините, я этого не могу допустить...

Споръ этотъ продолжался долго, причемъ юноша разстался съ Гаршинымъ, считая его человѣкомъ съ отсталыми убѣжденіями. Гаршинъ же ушелъ взволнованный и печальный.

Какъ человѣкъ непосредственнаго и тонкаго чувства, онъ никогда не могъ бы сойтись съ принципоѣдами изъ тогдашней мо-

лодежи, никогда не могъ бы ужиться ни съ какой кружковщиной. Гаршинъ былъ прежде всего артистъ, и это видно было во всемъ. Одѣваясь напр. очень просто, онъ въ то-же время былъ невольно изященъ. Комнатка его (въ домѣ Яковлева, если не ошибаюсь) была чиста и уютна; по нѣкоторымъ мелочамъ сразу видна была его любовь къ красивому. Мнѣ бросился напр. въ глаза его альбомъ. На листахъ его были наклеены въ порядкѣ и очень красиво снятыя съ карточекъ фотографіи. Я отмѣчаю эти мелочи именно потому, что все это отличало Гаршина отъ тогдашней молодежи. Въ квартирѣ, кромѣ него, жили художники. Онъ съ ними былъ пріятель, слѣдилъ за ихъ работами, писалъ о нихъ статьи.

Некрасивое въ искусствѣ и литературѣ положительно раздражало нервы Гаршина. Помню его отзывъ объ одномъ довольно добродушномъ писателѣ, романъ котораго въ то время читался молодежью. Писатель этотъ, плодовитый по необходимости, былъ не безъ таланта, но недостатки, происходившіе отъ спѣшности его работы, онъ усиливалъ еще очень шаблонной тенденціей. Разсказывая мнѣ о своемъ знакомствѣ съ этимъ литераторомъ, Гаршинъ отозвался о немъ очень зло, точно бы это былъ его личный врагъ, сказавши междупрочимъ:—«Онъ говоритъ такъ-же тяжело и шаблонно, какъ пишетъ». Въ устахъ безконечно-добраго Гаршина это звучало нѣсколько жестоко, но въ немъ чувствовался протестъ художника противъ пошлыхъ пріемовъ въ литературѣ, хотя-бы и съ хорошими намѣреніями.

Любовь къ красивому, къ простотѣ и правдивости составляла въ жизни Гаршина, какъ въ его стилѣ, основныя особенности его характера. Живопись и литература интересовали его одинаково страстно. Помню, отправился онъ однажды на выставку въ академію художествъ съ нѣкоторыми изъ товарищей по горному институту, о которыхъ упомянуто выше. Остановились они передъ картиной Крамского «Христосъ въ пустынѣ», и завязался между ними горячій споръ: Гаршинъ и другой изъ пріятелей утверждали, что Христосъ выражаетъ то-то (не помню, что̀ именно), остальные утверждали другое. Какъ рѣшить, кто правъ,

кто виноватъ? Рѣшили обратиться къ самому автору. Но такъ какъ никто изъ компаніи его не зналъ лично, то ему отправили письмо съ изложеніемъ спора. Отвѣтъ не замедлилъ явиться. Но, увы! Крамской откровенно сознался, что самъ не знаетъ, кто изъ нихъ правъ. Онъ *представлялъ* себѣ Христа такимъ, какъ онъ изображенъ на его полотнѣ, и только.

Однажды вечеромъ я зашелъ къ одному изъ студентовъ горн. инст., тому самому, которой такъ увлекался горной наукой. Въ комнатѣ былъ полумракъ, небольшая керосиновая лампа бросала изъ-подъ картоннаго абажура желтой свѣтъ на столъ, за которымъ Гаршинъ, въ солдатскомъ мундирѣ, читалъ вслухъ какую-то книжку. При входѣ моемъ студенты (ихъ было трое), лежавшіе на кровати и на диванѣ, встрепенулись. Тутъ я замѣтилъ, что они были заспаны.

-- Что это, вы спали?

— Былъ грѣхъ. Читалъ намъ Всеволодъ «Натана Мудраго», да показалось скучновато, и мы «подъ говоръ словъ его» вздремнули, отвѣтилъ хозяинъ комнаты, добродушно засмѣявшись. И всѣ послѣдовали его примѣру.

Согласитесь однако, что молодежь, собирающаяся зимою 1878 г. для совмѣстнаго чтенія «Натана Мудраго», хотя-бы и засыпающая надъ нимъ, нисколько не была похожа на остальную молодежь тогдашняго времени.

Гаршинъ любилъ разсказывать о своихъ военныхъ впечатлѣніяхъ. Иногда ему случалось подсмѣиваться надъ начальствомъ. Но тутъ честная натура его обнаруживалась во всей своей красотѣ. Онъ не опускалъ никогда ни малѣйшей черточки, которая могла представить того или другого военнаго дѣятеля въ выгодномъ свѣтѣ. Въ его правдивыхъ разсказахъ, чуждыхъ малѣйшей тѣни шовинизма, чувствовалась серьезность и торжественность дѣла, за которое русское войско проливало свою кровь. Въ особенности его занималъ русскій солдатъ. Въ одно изъ моихъ первыхъ свиданій съ Гаршинымъ я спросилъ его, надъ чѣмъ онъ работаетъ.—Я пишу мои военныя впечатлѣнія, отвѣтилъ онъ: — мнѣ бы хотѣлось представить военный походъ съ точки

зрѣнія солдатской шкуры. Но это очень трудно, не по моимъ силамъ.

Гаршинъ говорилъ о «Зап. рядового Иванова», которыя онъ напечаталъ только года два спустя.

Въ мартѣ 1878 г. мнѣ пришлось уѣхать изъ Петербурга; съ тѣхъ поръ я съ Гаршинымъ не встрѣчался. Въ Парижѣ я имѣлъ о немъ изрѣдка вѣсти отъ И. С. Тургенева. Гаршинъ былъ одинъ изъ немногихъ молодыхъ писателей, которыхъ И. С. искренно любилъ и отъ которыхъ ждалъ многаго.

— Вотъ это писатель, сказалъ онъ однажды, говоря о Гаршинѣ,—не другимъ чета.

— Да, но онъ черезчуръ нервенъ, возразилъ присутствовавшій приэтомъ одинъ молодой человѣкъ.

— А, не говорите! У него слогъ вполнѣ мастерской; а нервность—это пустяки, пройдетъ. Вѣдь онъ совсѣмъ еще молодой. Если онъ будетъ здоровъ, изъ него выйдетъ большой, очень большой человѣкъ. У него есть главное—онъ поэтъ.

И. Павловскій.

В. М. Гаршинъ на службѣ.

В. М. Гаршинъ, какъ извѣстно, былъ секретаремъ въ канцеляріи общаго съѣзда представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ, или, вѣрнѣе, секретаремъ завѣдывавшаго дѣлами общаго съѣзда, Ф. В. Фельдмана, съ февраля 1883 года, и во все это время, слишкомъ 4¹/₂ года, я ежедневно почти находился съ нимъ въ сообществѣ по нѣскольку часовъ; я же замѣщалъ его всегда и во время его болѣзни.

Я имѣю сказать о В. М. не какъ о литераторѣ-художникѣ, какъ его называютъ,—объ этомъ, конечно, скажутъ другіе его товарищи-писатели; я скажу о немъ, какъ о человѣкѣ только,

какъ о товарищѣ-сослуживцѣ, какихъ мнѣ не случалось встрѣчать въ жизни.

В. М. поступилъ къ намъ въ 1883 г., вскорѣ послѣ болѣзни, слѣды которой долго оставались на его лицѣ, задумчивомъ и грустномъ. Онъ мало говорилъ, больше казался сосредоточеннымъ; но, по мѣрѣ освобожденія отъ гнетущаго состоянія, онъ становился сообщительнѣе и оживленнѣе; въ дѣлѣ показалъ себя работникомъ, не бѣлоручкой. Работая, не разбиралъ онъ дѣла, часто самъ составлялъ и переписывалъ бумаги, самъ записывалъ въ журналы и въ разсыльную книгу, надписывалъ дѣла, конверты, копировалъ, словомъ, дѣлалъ все, что̀ и не входило въ кругъ его обязанностей.

Своимъ благороднымъ, добродушно-кроткимъ, простымъ и тихимъ обращеніемъ, В. М. приблизилъ къ себѣ всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, пріобрѣлъ общія симпатіи служащихъ, сталъ общимъ всѣхъ любимцемъ. Кротостью и добродушіемъ онъ доводилъ иногда до изумленія. Въ подтвержденіе послѣдняго я приведу здѣсь два-три факта.

Разъ посланный за полученіемъ денегъ на почту по одной повѣсткѣ получилъ и сдалъ ему деньги сполна, а по другой отдалъ только пакетъ съ препроводительной бумагой, извинившись, что вложенныя деньги издержалъ на свои потребности, и В. М., по добротѣ своей, не только не донесъ объ этомъ кому слѣдовало, не въ состояніи былъ сдѣлать ему даже легкаго замѣчанія за это; вложилъ недостававшія деньги изъ своихъ средствъ и только сожалѣлъ о поступившемъ такъ.

Въ другой разъ пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ дерзкаго оскорбленія его лицомъ почти-что постороннимъ, безъ малѣйшаго со стороны В. М. повода, отъ котораго онъ отошелъ безропотно и плакалъ; а на другой день самъ же себя винилъ, что оскорбился, говоря, что можетъ-быть и самъ онъ виноватъ, что съ нимъ такъ поступили.

Казалось, что В. М. ничто не интересовало въ жизни, не привязывало къ себѣ, онъ видимо здѣсь жилъ не для себя. Къ этому заключенію я прихожу въ виду его-же словъ.

По объявленному общимъ съѣздомъ конкурсу на приспособленіе къ перевозкѣ хлѣба въ ссыпную, В. М., какъ участнику въ одномъ изъ премированныхъ проектовъ, пришлось получить часть преміи рублей въ 800. На замѣчаніе объ этомъ неожиданномъ сюрпризѣ онъ мнѣ сказалъ: «Да, Надежда Михайловна (жена) пожалуй будетъ довольна; что̀ же касается меня, то для меня что 800 рублей, что 800,000 рублей, что 8 рублей—безразлично. Я дѣлю довольныхъ на три категоріи: довольныхъ высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ, довольныхъ богатствомъ, роскошью, довольныхъ симпатіею женщинъ. Для меня ничего этого не существуетъ».

Но такъ индифферентно онъ относился только къ самому себѣ. По отношенію же къ другимъ онъ не обнаруживалъ апатіи. Въ общемъ онъ болѣлъ за всѣхъ. Чужая радость радовала и его, чужое горе —- было его горе, хотя онъ и не выражалъ этого вслухъ; особенно въ горѣ общественномъ онъ былъ участникомъ отзывчивымъ, горячимъ.

Я никогда не забуду, какъ однажды, принеся вырѣзку изъ какой-то газеты о воспрещеніи празднованія юбилеевъ, В. М. глубоко былъ опечаленъ, что этимъ распоряженіемъ затемняется память народа о свѣтломъ днѣ освобожденія его отъ рабства, о его волѣ, дарованной Царемъ-Освободителемъ (передъ которымъ благоговѣлъ покойный),—какъ близко къ сердцу принялъ онъ и извѣстный циркуляръ объ ограниченіи пріема непривилегированныхъ дѣтей въ гимназіи.

Казалось, раньше М. В. былъ человѣкомъ нуждавшимся, хотя онъ никогда не говорилъ объ этомъ. До насъ онъ служилъ у кого-то изъ купцовъ здѣшняго гостинаго двора, кажется Липгардта, получая по 50 руб. въ мѣсяцъ и занимаясь отъ 9 часовъ утра до 9 часовъ вечера. Только съ поступленіемъ въ канцелярію общаго съѣзда его матеріальное состояніе улучшилось, и то благодаря глубокому вниманію къ его положенію, такого же какъ онъ, великодушнаго и добраго человѣка.

Насколько пріятно было находиться со В. М. въ его здоровомъ состояніи, настолько-же невыносимо тяжело было видѣть

его угнетеннымъ болѣзнью, доводившей его до крайняго изнеможенія. Обезсиленный потерей аппетита и безсонницей, онъ едва двигалъ ногами, ходилъ шатаясь изъ стороны въ сторону. Продолжая бороться съ недугомъ, онъ хотѣлъ заставить себя работать, хотѣлъ переломить себя, и напрягалъ къ тому всѣ силы. Однако, эти усилія были напрасны, онъ ничего не могъ ни сообразить, ни написать,—по цѣлымъ часамъ сидѣлъ за столомъ, облокотясь на руки и заливаясь слезами; или же безсознательно тыкалъ перомъ въ подложку. Его честная натура не могла выносить, чтобъ не работая получать содержаніе, чтобы за него дѣлали другіе, и поэтому онъ оставался неутѣшнымъ и мрачнымъ, несмотря на всѣ старанія разубѣдить его и успокоить. Случалось, онъ сидѣлъ такъ до тѣхъ поръ, пока всѣ расходились, и когда я, опасаясь оставлять его одного въ такомъ положеніи, подходилъ къ нему съ намѣреніемъ сколько-нибудь развлечь, то онъ рыдая хватался за сердце, клалъ мнѣ на плечи руки и голову, просилъ, умолялъ Богомъ хоть чѣмъ-нибудь помочь ему, метался по комнатѣ, не зналъ куда дѣваться. Онъ говорилъ: «Еслибы не жена, которую я такъ люблю, то я давно бы порѣшилъ со собой». И этому легко вѣрилось...

Болѣзненное состояніе повторялось со В. М., во время нахожденія его у насъ (съ 1883 г.), періодически изъ года въ годъ, мѣсяца по четыре, при полномъ сохраненіи сознанія, а въ прошломъ 1887 году его душевная болѣзнь началась съ первыхъ чиселъ іюля (онъ пересталъ заниматься съ 10-го іюля) и не покидала его, какъ извѣстно, до самой смерти. Особенно онъ плохъ былъ осенью прошлаго года, когда вернулся съ дачи. Мрачное настроеніе его пугало всѣхъ, кто его зналъ. Онъ говорилъ, что не спитъ часто по цѣлымъ суткамъ; что во время этой безсонницы его преслѣдуетъ мысль о самоубійствѣ, и что онъ по нѣскольку разъ въ ночь подходитъ къ стоящему въ квартирѣ—гдѣ онъ жилъ временно—шкафу съ оружіемъ, намѣреваясь достать оттуда или кинжалъ или револьверъ, и если не воспользовался ими, то лишь потому только, что не въ силахъ былъ взломать запертый шкафъ.

Правда, въ зимніе мѣсяцы онъ выглядѣлъ свѣжѣе нѣсколько, но постоянно приэтомъ жаловался на тяжесть въ головѣ и на ослабленіе памяти. О послѣднемъ онъ говорилъ такъ: «Что мнѣ прежде давалось съ прочтенія двухъ разъ, то-же самое теперь я не могу запомнить при всемъ усиліи». И это было главное изъ всѣхъ его мученій. Не разъ онъ говорилъ мнѣ: «Меня мучитъ одно, что я такимъ совсѣмъ останусь, буду калѣкой на всю жизнь на попеченіи жены, которой и безъ того я жизнь испортилъ. Будь я безрукимъ или безногимъ, будь я безъ глаза, но со свѣжей головой! а это развѣ жизнь?» Онъ плакалъ и глубоко вздыхалъ.

Коснувшись душевныхъ страданій В. М., я не могу ни привести эпизода съ нимъ въ психіатрической клиникѣ въ Харьковѣ, рисующаго варварское обращеніе нашей прислуги въ этихъ заведеніяхъ. Я передамъ его приблизительно такъ, какъ разсказалъ мнѣ его самъ В. М. въ 1883 году. «Разъ, въ ожиданіи ванны, которую готовилъ для меня хохолъ-служитель, стоялъ я совсѣмъ раздѣтый у окна. Мнѣ вспомнилось тогда и дѣтство, проведенное среди родныхъ, въ домѣ родителей, подъ наблюденіемъ матушки, которая такъ любитъ насъ; представилось и одиночество въ мрачномъ углу этой больницы, освѣщенномъ однимъ окномъ—съ желѣзною рѣшеткой куда-то въ стѣну, и этотъ геркулесъ-служитель, наблюдающій за краномъ и за мной. Я думалъ... я... представьте себѣ, какимъ я былъ тогда. Вдругъ сильный ударъ въ грудь сбиваетъ меня съ ногъ, и я упалъ на полъ безъ памяти. Это было напоминаніе служителя о ваннѣ. «За что ты меня ударилъ?» говорю, опомнившись, ему, державшему меня подъ мышки: «что я тебѣ сдѣлалъ?..» Еслибы былъ предоставленъ выборъ между больницей и каторгой, то я предпочелъ бы скорѣй пойдти года на три на каторгу, чѣмъ на одинъ годъ въ больницу. И теперь иногда чувствую боль въ этомъ мѣстѣ», добавилъ В. М.

Въ послѣдній разъ мы видѣли В. М. дней за девять до катастрофы — 8-го и 9-го марта. Онъ заходилъ поговорить, рѣшившись ѣхать на Кавказъ. Казалось, онъ выглядѣлъ гораздо

лучше. Мы даже порадовались за него и выражали надежду на поправку его послѣ этой поѣздки. Повидимому онъ не раздѣлялъ нашихъ надеждъ. Онъ говорилъ: «скорѣе бы убраться до тепла», и онъ убрался, только туда, откуда никто ужь не приходитъ.

Да, повторю еще, я не встрѣчалъ человѣка, подобнаго В. М. Не встрѣчалъ такой любящей, отзывчивой, дѣтски-незлобивой, теплой души, какъ у покойнаго. Замѣчательно, что за все время служенія его у насъ, никто не видалъ его смѣющимся. Онъ улыбался добродушно, но не смѣялся. Его чарующе-прелестные глаза рѣдко блестѣли радостью, чаще они плакали, полны были горячихъ слезъ, глубокихъ думъ и скорби—о чемъ, про то вѣдаетъ Богъ да онъ, печальникъ неутѣшный...

А. Васильевъ.

Петербургъ, 20 апрѣля 1888.

Моя единственная встрѣча съ Гаршинымъ.

...Блаженъ, кто межь людей
Не весь живетъ, но чьей души частица,
Покинувъ міръ, чиста, какъ голубица,
Летитъ туда, гдѣ ярче и свѣтлѣй.

По старой русской пословицѣ, нужно пудъ соли съѣсть съ человѣкомъ, чтобы узнать, что̀ онъ собою представляетъ. Это изреченіе, однако, относится только къ людямъ обыкновеннымъ, мирнымъ гражданамъ, съ ихъ будничными интересами и стремленіями. Напротивъ, натуры, отмѣченныя самимъ Создателемъ, натуры, составляющія гордость лѣтописей міра, тѣ сразу, съ перваго слова и взгляда, притягиваютъ каждаго, какъ магнитъ, и своимъ геніемъ приковываютъ къ себѣ.

До моего знакомства со Всеволодомъ Михайловичемъ Гаршинымъ я не только ни разу не встрѣчался съ нимъ, но даже нигдѣ не видѣлъ его фотографіи. Пришлось мнѣ съ нимъ познакомиться въ Пушкинскомъ литературномъ кружкѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Я сидѣлъ въ уборной, уже одѣтый въ костюмъ Растаковскаго, и только-что хотѣлъ начать гримироваться, какъ вошелъ неизвѣстный мнѣ господинъ. У меня сидѣлъ тогда тоже членъ Пушкинскаго кружка М. Н. С—въ, и вошедшій попросилъ его вызвать ему изъ залы поэта Минскаго. Такъ какъ въ театрѣ Л—ча не было тогда постоянныхъ представленій и зданіе не отапливалось, то я предложилъ С—ву пригласить его знакомаго въ мою уборную, хоть нѣсколько согрѣтую двумя газовыми рожками. Вошедшій самъ представился:

— Гаршинъ.

Меня всего охватило какое-то странное чувство. Хотѣлось сказать много, много, а не ограничиться шаблоннымъ «очень пріятно», но я просто растерялся. Къ моему счастью С. помогъ мнѣ выбраться изъ затрудненія, прибавивъ:

— Тотъ самый, по которомъ мы всѣ съ ума сходимъ.

— Кто же изъ читающей публики не знаетъ Всеволода Гаршина? заговорилъ я.—Да теперь ужъ и прошло то время, когда актеровъ считали невѣждами...

— О, помилуйте, я самъ люблю театръ. Да что можетъ быть выше и лучше его! Какъ я имъ увлекался! Вы знали Громова? Это былъ мой хорошій знакомый...

Голосъ Гаршина произвелъ на меня какое-то чарующее дѣйствіе, точно стройные звуки арфы; голосъ, богатый самыми гибкими и музыкальными переходами. Я не могъ удержаться, чтобы въ разговорѣ не замѣтить ему:

— Вотъ-бы съ вашимъ органомъ поступить на сцену!

Онъ не далъ мнѣ договорить.

— Голоса мало, нужно дарованіе, нужна любовь, призваніе и много, много чего нужно!—И мнѣ стало стыдно за многихъ изъ насъ, такъ легко относящихся къ сценической карьерѣ.

Кромѣ обаятельнаго голоса Гаршина, на меня произвели также неотразимое впечатлѣніе его глаза. Кто зналъ его близко, кто его любилъ—а развѣ можно было его не любить?—тотъ со мной согласится. Это были—если можно такъ выразиться—міровые глаза. Они рѣдко встрѣчаются въ жизни; по крайней мѣрѣ я больше ни у кого такихъ глазъ не встрѣчалъ. Они являются спутниками великой, глубокой души. Въ этомъ взорѣ столько любви, столько снисходительности, скромности! Мнѣ они показались какъ-бы подернутыми слезой. Ни время, ни новыя впечатлѣнія не могутъ уничтожить дѣйствія этой искры жизни богатаго душевнаго источника въ памяти каждаго знавшаго его.

Мы разговорились о театрѣ. В. М. между прочимъ высказалъ мысль, что неправильно толкуютъ, будто публика требуетъ легкихъ увеселеній. Театръ долженъ давать направленіе вкусу публики. Обязанность театра не приноравливаться ко временнымъ требованіямъ толпы, а развивать въ ней вкусъ эститическій и идти по строго-намѣченному плану. Дать мѣсто драмѣ, дать мѣсто и комедіи, но изъять совершенно легкій каскадный жанръ.

— Знакомьте публику съ Шекспиромъ. Наша публика читать не любитъ, не будутъ играть Шекспира — и его забудутъ.

Когда я спросилъ его, отчего онъ не напишетъ чего-нибудь для сцены, онъ не сразу отвѣтилъ. Вздохнулъ, лицо его приняло какое-то угнетенное, тоскливое выраженіе; потомъ отрицательно махнулъ рукой и кротко сказалъ:

— Не умѣю!

Позже я узналъ отъ брата покойнаго Гаршина, что у В. М. была написана драма, которая въ чтеніи приводила всѣхъ въ восторгъ. Но онъ уничтожилъ ее, такъ сильно развита была въ немъ самокритика. А русской сценѣ приходится только жалѣть, что Гаршинъ не подарилъ ее ничѣмъ.

Я не знаю, какое впечатлѣніе производилъ Гаршинъ на людей. знавшихъ его и видѣвшихъ его часто, но на меня это

единственное свиданіе произвело глубокое впечатлѣніе, которое не изгладится никогда изъ моего сердца. Много писалось о Гаршинѣ, много еще будетъ написано, но смѣю думать, что и мои скромныя строки послужатъ вѣткой для громаднаго вѣнка и славы творцу «Краснаго цвѣтка».

Д. Гаринъ.

О Всеволодѣ Гаршинѣ.

РѢЧЬ А. И. ЭРТЕЛЯ.

Бываютъ люди, которые съ первой-же встрѣчи овладѣваютъ вами, ярко отпечатлѣваются въ вашей памяти съ ихъ лицомъ, съ выраженіемъ ихъ взгляда, съ звукомъ ихъ голоса. Слова ихъ имѣютъ какую-то особенную способность проникать въ ваше сердце; мысли, быть-можетъ даже и несогласныя съ вашими, странно и почти неотразимо плѣняютъ васъ своей глубокой сосредоточенностью и оригинальнымъ складомъ. И когда встрѣча съ такими людьми переходитъ въ знакомство, когда знакомство достигаетъ извѣстной степени близости,—ихъ нравственный обликъ оставляетъ въ вашей душѣ неизгладимый слѣдъ, воспоминаніе о нихъ дѣлается неумирающимъ. Такіе люди могутъ быть и злыми людьми, потому-что и зло обладаетъ иногда властью и яркостью и имѣетъ у себя на послугахъ хотя и фальшивую, тѣмъ не менѣе многихъ увлекающую красоту; но на этотъ разъ я говорю о людяхъ добрыхъ, о тѣхъ, что̀ всюду несутъ за собою тепло и свѣтъ и правду. И, разумѣется, въ одномъ случаѣ они оставляютъ слѣдъ едва замѣтный, воспоминаніе, ограниченное тѣснымъ кругомъ друзей и знакомыхъ, а въ другомъ—и слѣдъ глужбе, и память обширнѣе; это уже зависитъ отъ того, въ какой средѣ жили такіе люди, что̀ дѣлали и какія имѣли средства, чтобы знакомить другихъ людей съ плѣнительными особенностями своей натуры. Преимущество въ этомъ случаѣ обыкновенно выпадаетъ на долю тѣхъ, которые—силою ли слова, рѣзцомъ ли, кистью или звуками—могутъ такъ-сказать «перевоплощать» свою личность, распространять въ ширь и въ глубь присущее имъ вліяніе.

Однимъ изъ такихъ «плѣнительныхъ» людей несомнѣнно былъ и Всеволодъ Гаршинъ. При первомъ-же знакомствѣ васъ необыкновенно влекло къ нему. Печальный и задумчивый взглядъ его большихъ, «лучистыхъ» глазъ, дѣтская улыбка на губахъ,

то застѣнчивая, то ясная и добродушная, «искренній» звукъ голоса,—я не умѣю подобрать другого выраженія,—что-то необыкновенно простое и милое въ движеніяхъ — все въ немъ прельщало... И за всѣмъ тѣмъ, все, что онъ ни говорилъ, все, что онъ ни думалъ, не становилось въ противорѣчіе съ его внѣшними особенностями, не вносило диссонанса въ эту удивительно гармоническую натуру. Трудно было найти бо̀льшую скромность, бо̀льшую простоту, бо̀льшую искренность; въ малѣйшихъ оттѣнкахъ мысли, какъ и въ малѣйшемъ жестѣ, можно было замѣтить ту-же присущую ему мягкость и правдивость. Мягкость эта однако-же не была признакомъ безхарактерности или безпринципности. Коренясь въ органическихъ свойствахъ его натуры до такой даже степени, что выражалась въ движеніяхъ, въ манерѣ говорить, въ манерѣ обращаться съ людьми, она затѣмъ получала свое утвержденіе въ томъ особенномъ пониманіи жизни, которое выразилось въ извѣстныхъ словахъ г-жи Сталь: «*tout comprendre—tout pardonner*». И вотъ такія-то поистинѣ чарующія свойства своего характера и своего ума, такое-то пониманіе жизни Гаршинъ имѣлъ средства широко распространять вокругъ себя, благодаря своему литературному таланту.

Имѣлъ средства распространять, но не имѣлъ времени, чтобы во всей-то глубинѣ воспользоваться этими средствами. Онъ умеръ 33 лѣтъ... Исчезъ характеръ столь высокій, талантъ такъ много обѣщавшій, и притомъ такъ рано, такъ насильственно и жестоко исчезъ, что тутъ, конечно, самое законное мѣсто горячимъ и сильнымъ сожалѣніямъ...

Я зналъ Гаршина съ 1879 г. Наше знакомство не было очень близкимъ; случалось, что мы не видали другъ-друга по цѣлымъ годамъ. Но, когда встрѣчались, отсутствіе большой близости не мѣшало ему относиться ко мнѣ съ трогательной довѣрчивостью, вести со мною задушевные разговоры, — черта, свойственная, мнѣ кажется, особенно хорошимъ людямъ, которые не нуждаются въ дружбѣ, чтобъ имѣть возможность быть искренними и откровенными, и не ищутъ пріятелей, чтобы было на кого излить потребность любви и доброжелательства. Мы встрѣчались очень

часто до весны 1880 года, затѣмъ еще двѣ-три зимы въ Петербургѣ и, наконецъ, въ іюнѣ 1884 года я говорилъ съ нимъ послѣдній разъ, простившись, какъ оказалось, навсегда, въ Козловѣ, до котораго ему случилось ѣхать вмѣстѣ со мною отъ самой Москвы. Не было между нами и постоянной переписки; за девять лѣтъ мы обмѣнялись только нѣсколькими письмами. Тѣмъ не менѣе это была до того открытая, до того *прозрачная* натура, если мнѣ будетъ позволено такъ выразиться, что узнать ее было легко и при отрывочномъ наблюденіи и такъ-же легко было испытывать ея чарующее вліяніе.

Въ 1879 г. Гаршинъ уже пользовался довольно широкой литературной извѣстностью. Его читали нарасхватъ; его любили; на него возлагали большія надежды: въ *Отечественныхъ Запискахъ* уже годъ какъ были напечатаны его «Четыре дня». Отвращеніе къ неистовой «поэзіи войны», смѣю думать, особенно присущее русскому народу и уже засвидѣтельствованное такимъ великимъ мастеромъ, какъ графъ Левъ Толстой, и такимъ крупнымъ художникомъ, какъ В. В. Верещагинъ, нашло новаго и оригинальнаго выразителя въ молодомъ писателѣ. Впослѣдствіи, въ «Воспоминаніяхъ рядового Иванова», онъ еще ярче и еще убѣдительнѣе, чѣмъ въ своемъ первомъ разсказѣ, развѣнчалъ эту по-истинѣ звѣриную «поэзію», во многихъ мѣстахъ указавъ и на то, въ какихъ инстинктахъ и въ какихъ стихійныхъ состояніяхъ души она беретъ свое начало.

Это и не могло быть иначе. Напрасно тутъ нѣкоторые видятъ подражательность и заимствованіе. Все его существо являло изъ себя протестъ насилію и той фальшивой красотѣ, которая такъ часто сопровождаетъ зло. Вмѣстѣ съ тѣмъ это органическое отрицаніе зла и неправды дѣлало изъ него глубоко несчастнаго и страдающаго человѣка. Относясь ко всему поруганному и обиженному съ чувствомъ страстной и, я рѣшаюсь сказать, почти болѣзненной жалости, съ жгучей болью воспринимая впечатлѣнія отъ злыхъ и жестокихъ дѣлъ, онъ не могъ успокоивать эти впечатлѣнія и эту жалость взрывами злобы и негодованія, или чувствомъ удовлетворяемой мести, ибо ни на «взрывы»,

ни на «чувство мести» не былъ способенъ. Вдумываясь въ причины зла, онъ приходилъ только къ тому, что «месть» не излѣчитъ его, злоба не обезоружитъ, и жестокія впечатлѣнія глубоко, незаживающими ранами, залегали въ его душѣ, служа источниками той неизъяснимой печали, которая неизмѣннымъ колоритомъ окрашиваетъ его произведенія и которая придавала его лицу столь характерное и трогательное выраженіе.

Понятно, что при такихъ условіяхъ его талантъ налагалъ на него тяжкое и мучительное бремя. Я не могу безъ трепета даже мысленно прослѣдить тѣ душевныя истязанія, которыя онъ несомнѣнно долженъ былъ испытывать, когда оживлялъ и пересматривалъ свои впечатлѣнія, чтобы написать такія вещи, какъ «Четыре дня», «Воспоминанія рядового Иванова», «Красный цвѣтокъ», «Надежда Николаевна»! Обстоятельства же, какъ нарочно, слагались такъ, что по преимуществу тѣ, а не иныя впечатлѣнія давала ему жизнь. Въ самую цвѣтущую и жизнерадостную пору жизни онъ познакомился съ ужасами самаго дикаго и безсмысленнаго дѣла, которое только свойственно людямъ; затѣмъ, до самой смерти, съ незначительными перерывами жилъ въ Петербургѣ. Я не могу, конечно, сказать, что преобладающій тонъ петербургской жизни въ свою очередь напоминаетъ что-либо дикое и безсмысленное... во всякомъ случаѣ это горнило всякихъ новостей, событій, слуховъ,—мало радостныхъ, если припомнить годы, въ которые жилъ тамъ Гаршинъ,—день ото дня, годъ отъ года, вливало въ него свой ядъ, не давая взамѣнъ почти никакого удовлетворенія, никакихъ надеждъ.

Вспоминаю одно изъ такихъ «нерадостныхъ» событій... Это было въ началѣ 1880 года, въ первые дни назначенія графа Лорисъ-Меликова. Всеволодъ Михайловичъ все время страшно волновался по поводу «событія», измѣнился до неузнаваемости, часто плакалъ и, наконецъ, обратился съ умоляющею просьбою къ лицамъ, еще могущимъ отвратить «событіе». Послѣ, когда все кончилось, когда, къ довершенію ужаса, ему самому, глазами своими пришлось увидѣть частичку «событія»,—онъ торопливо, съ какимъ-то трепетнымъ чувствомъ испуга и отчаянія, въ ка-

комъ-то нервическомъ и болѣзненномъ безпокойствѣ покинулъ Петербургъ... Хотѣлъ посѣтить Кишиневъ и театръ бывшей войны для предполагаемой большой работы «Люди и война», прожить часть лѣта у своихъ родныхъ въ Харьковской губерніи... Еще отъ 15 апрѣля 1880 года я получилъ отъ него письмо изъ харькова, подтверждающее эти намѣренія; въ письмѣ рѣшительно не было никакихъ зловѣщихъ признаковъ, а между тѣмъ, кажется, въ концѣ того-же мѣсяца онъ уже окончательно заболѣлъ и переживалъ тотъ характерный и многозначительный процессъ душевнаго разстройства, который впослѣдствіи съ такою силой изобразилъ въ «Красномъ цвѣткѣ».

Не могу не упомянуть здѣсь, что Всеволодъ Михайловичъ, разсказывая мнѣ долго спустя о томъ состояніи, которое предшествовало его болѣзни, о тѣхъ ощущеніяхъ и мысляхъ, съ которыми онъ уѣзжалъ изъ Петербурга, о тѣхъ перемѣнахъ мрака и свѣта, которыми волновалась его измученная и обезпокоенная душа,—съ чувствомъ живѣйшаго умиленія вспоминалъ о томъ, какъ съ дороги изъ Тулы пошелъ онъ пѣшкомъ въ Ясную Поляну къ незнакомому ему въ то время графу Л. Н. Толстому, о разговорѣ съ нимъ, длившемся всю ночь, и о томъ, что считаетъ эту ночь «лучшей и счастливѣйшей» въ своей жизни. Это, я думаю, поясняетъ нѣкоторую черточку въ характерѣ и настроеніи покойнаго писателя.

Потомъ, три года спустя, я его встрѣтилъ въ Петербургѣ опять совершенно здоровымъ и опять съ неизмѣннымъ выраженіемъ грусти и задумчивости на лицѣ. Съ внѣшней стороны его положеніе и тогда, и въ особенности послѣ, казалось совсѣмъ хорошимъ. Онъ женился на дѣвушкѣ, которую давно зналъ и любилъ, имѣлъ достаточный заработокъ и притомъ, помимо литературнаго труда, имѣлъ многочисленныхъ друзей, признанный талантъ, почитателей, однимъ словомъ — все, что̀ такъ великолѣпно удовлетворяетъ средняго человѣка. И однако я читаю въ письмѣ его отъ 17-го іюля 1884 г.: «Вернулся въ Петербургъ, живу очень благополучно, что̀, какъ сами знаете, рифмуетъ съ словомъ «скучно».—Знавшіе Гаршина отнюдь не скажутъ, что это

только фраза, да онъ и не былъ способенъ говорить, или писать фразы. Незнавшіе его склонны объяснять такое состояніе души опять-таки болѣзнью, на которую столь часто ссылаются,—потому что если не болѣзнь, разсуждаютъ они, то чего бы еще нужно человѣку?

Но дѣло-то въ томъ, что такіе люди, какъ Гаршинъ, не живутъ въ одиночку, не радуются и не страдаютъ одинъ-на-одинъ. Имъ недостаточно того, что̀ составляетъ мечту средняго человѣка. Подобно тому, какъ герой одного изъ его разсказовъ, Гаршинъ «не могъ жить за свой собственный страхъ и счетъ; ему непремѣнно нужно было связать себя съ общей жизнью: мучиться и радоваться, ненавидѣть и любить не ради своего *я*, все пожирающаго и ничего взамѣнъ недающаго, а ради общей людямъ правды». Онъ и связалъ себя съ этой общей жизнью, никогда однако не рѣшаясь «ненавидѣть» и постоянно отравляя «радости» «мученіемъ». Понятно, что такая невыгодная «связь» не далась ему даромъ... Личное благополучіе можетъ-быть заставляло его страдать тѣмъ болѣе: ужь слишкомъ, по его мнѣнію, оно шло въ разрѣзъ съ «неблагополучіемъ», царящимъ въ мірѣ.

И подобно тому, какъ *это* шло въ разрѣзъ съ *тѣмъ*,—раздвояли и смущали его душу тѣ настроенія, которыя онъ самъ съ неподражаемой простотою и правдою изобразилъ въ лицѣ «художниковъ» — Дѣдова и Рябинина. Изъ впечатлѣній личнаго моего знакомства съ нимъ, изъ его произведеній, изъ многихъ его вкусовъ и склонностей для меня какъ нельзя болѣе ясно, что въ немъ самомъ жили эти Дѣдовъ и Рябининъ. Какъ первый, онъ чувствовалъ прелесть красокъ, красоту солнечнаго заката, красоту горячихъ тоновъ кумача, освѣщеннаго заходящимъ солнцемъ, мирную и свѣжую поэзію «майскаго утра», когда «чуть колышется вода въ прудѣ, ивы склонили на него свои вѣтви; востокъ загорается, мелкія перистыя облачка окрасились въ розовый цвѣтъ; женская фигурка идетъ съ крутаго берега съ ведромъ за водой, спугивая стаю утокъ»... И съ другой стороны, это—Рябининъ, истерзанный видомъ и воспроизведеніемъ

своего «глухаря»,—человѣка, «сидящаго, согнувшись въ комокъ, въ углу котла и подставляющаго свою грудь подъ удары молота». Чтобы уяснить всю силу противорѣчія, жившаго въ душѣ писателя, вспомните поразительное обращеніе Рябинина къ его картинѣ.

«Смотришь и не можешь оторваться, чувствуешь за эту измученную фигуру... Иногда мнѣ даже слышатся удары молота... Я отъ него сойду съ ума. Кто позвалъ тебя? Я, я самъ создалъ тебя здѣсь. Я вызвалъ тебя изъ душнаго, темнаго котла, чтобы ты ужаснулъ своимъ видомъ эту чистую, прилизанную, ненавистную толпу. Прійди, силою моей власти прикованный къ полотну, смотри съ него на эти фраки и трены, крикни имъ: я—язва растущая! Ударь ихъ въ сердце, лиши ихъ сна, стань передъ ихъ глазами призракомъ! Убей ихъ спокойствіе, какъ ты убилъ мое»...

Въ концѣ разсказа Дѣдовъ ѣдетъ съ весьма благополучными мыслями заграницу, а Рябининъ бросаетъ живопись и идетъ въ учителя, гдѣ впрочемъ, тоже «не преуспѣваетъ». Кто же изъ нихъ правъ? кто изъ нихъ «мучился и радовался, ненавидѣлъ и любилъ» ради общей людямъ правды?—Рябининъ только «мучился», Дѣдовъ — только радовался. «Радость» Дѣдова привела его къ тому, что онъ внѣ-себя отъ того, что пансіонеръ академіи, что получилъ золотую медаль, что его расхвалилъ критикъ Л. «Муки» Рябинина разрѣшились тѣмъ, что онъ съ злобой и съ презрѣніемъ зарылъ свой большой талантъ и ушелъ на то поприще, гдѣ у него можетъ-быть и простого умѣнья не оказалось. Кто же виноватъ въ этомъ расколѣ, въ этой невозможности примиренія, въ этихъ одностороннихъ и враждебныхъ другъ другу настроеніяхъ? Мы не видимъ въ произведеніяхъ Гаршина, чтобы виноватый былъ найденъ; мы видимъ только печаль и состраданіе, тамъ разлитыя, и ощущаемъ тоскливое чувство неудовлетворенности. Такъ и въ самой душѣ писателя никогда не угасала эта печаль и никогда не замирали «проклятые вопросы», на которые жизнь не давала ему отвѣта. Вотъ по-моему еще одинъ изъ источниковъ той «скуки», на

которую онъ жаловался, несмотря на свое внѣшнее благополучіе.

Авторъ одного изъ некрологовъ, появившихся послѣ смерти Гаршина, назвалъ его «человѣкомъ не отъ міра сего». Да, онъ дѣйствительно былъ не отъ того жестокаго, воинствующаго и борящагося за свое существованіе міра, въ которомъ ему пришлось жить и дѣйствовать. Онъ былъ отъ міра правды, добра и красоты, и вѣчная ему память среди насъ, что онъ своими произведеніями, своею чистотою и отзывчивостью, своей глубоко неудавшейся жизнью лишній разъ напомнилъ намъ, что только тамъ возможно доступное человѣку счастье, гдѣ радость и горе идутъ, правильно чередуясь другъ съ другомъ, гдѣ нѣтъ ненужной жестокости, ненужной злобы и ненужнаго поруганія,—гдѣ, однимъ словомъ, поэтическое «майское утро» не возмущаетъ нравственнаго чувства своимъ дикимъ контрастомъ съ человѣкомъ «сидящимъ, согнувшись въ комокъ, въ углу котла и подставляющимъ свою грудь подъ удары молота».

Я сказалъ уже вначалѣ, что преждевременная смерть Гаршина—законный и убѣдительный поводъ для самыхъ горячихъ и глубокихъ сожалѣній. И однако есть соображеніе, заставляющее насъ сосредоточиться не на этихъ сожалѣніяхъ, а на другой сторонѣ дѣла. Я хочу сказать, что намъ не дано спорить съ тѣмъ, что люди умираютъ, что «нѣтъ Патрокла», а «живъ презрительный Терситъ», что «земля есть и въ землю отыдоша». Передъ фактомъ смерти все-таки въ концѣ-концовъ приходится преклониться, ибо онъ фактъ... Не въ молитвенномъ смыслѣ преклониться, а въ самомъ обыкновенномъ, въ томъ смыслѣ, что «неизбѣжность» такъ-же неуклонно совершаетъ свой путь, какъ совершаетъ его камень, пущенный съ верху горы. Вспомните, что говоритъ «Природа» въ одномъ изъ безотраднѣйшихъ «стихотвореній въ прозѣ» Тургенева: «...Добро, разумъ, справедливость — это человѣческія слова. Я не вѣдаю ни добра, ни зла. Разумъ мнѣ не законъ — и что такое справедливость? Я дала человѣку жизнь—я ее отниму и дамъ другимъ, червямъ или людямъ... мнѣ все равно». И вотъ мы видимъ, что, точно осу-

ществляя эту логику «неизбѣжности», человѣкъ, оттого-что у него закружилась голова—или, по другой версіи, оттого-что у него уже начиналась душевная болѣзнь,—упалъ съ высоты четвертаго этажа, мозгъ его вслѣдствіе этого паденія наводнился кровью, кости переломались, мускулы разорвались—и все это по неизбѣжнѣйшимъ законамъ «необходимости»,—въ организмѣ совершился такой-то и такой-то неизбѣжный процессъ, и затѣмъ—сердце перестало биться. Какое отсутствіе произвола! какъ все логично, все вытекаетъ одно изъ другого! какъ праздно и безсильно звучатъ приэтомъ наши сожалѣнія и наши сѣтованія на судьбу!

А между тѣмъ та-же неумолимо послѣдовательная Природа и насъ, собравшихся почтить память Гаршина, надѣлила тѣми чувствами, во имя которыхъ мы собрались здѣсь. Мы вѣдь собрались здѣсь не потому только, что горестно кончилась жизнь одного молодого человѣка, а потому, что этотъ молодой человѣкъ былъ писатель, Всеволодъ Гаршинъ. Будемъ же логичны въ нашихъ чувствахъ. Писатель старался пробуждать ихъ — поможемъ ему въ этой благородной работѣ, внесемъ ихъ въ нашу жизнь, въ наши поступки. Пусть такъ-же, какъ и въ немъ самомъ, состраданіе вызоветъ въ насъ жалость къ людямъ, и жалость — любовь, и любовь — стремленіе къ добру и правдѣ. Послѣдуемъ этой логикѣ, столь-же убѣдительной и законной, какъ и логика смерти. Въ нашихъ слезахъ и въ нашихъ сожалѣніяхъ онъ больше не нуждается... Продлимъ же его память тѣмъ, что воспользуемся яснымъ и опредѣленнымъ въ его произведеніяхъ, постараемся угадать его намеки и наброски, вынесемъ поученіе изъ того, чѣмъ онъ мучился и жилъ. Мнѣ думается, что именно такимъ образомъ всего лучше и всего достойнѣе поминать такого человѣка. Мнѣ думается, наконецъ, что только *такъ*, что только такимъ путемъ, намъ, людямъ, возможно бороться со смертью и во славу грядущаго побѣждать ее.

(Чит. въ о-вѣ любителей росс. словесности).

Двѣ встрѣчи.

Воспоминаніе Н. В. Рейегардта.

Въ началѣ февраля 1866 года я пріѣхалъ въ Петербургъ, направляясь изъ о—й губерніи въ Харьковъ для поступленія въ университетъ.

Въ Петербургѣ я предполагалъ пробыть около трехъ недѣль, чтобы повидаться съ родными, друзьями и съ тѣми лицами, которыя бы могли мнѣ дать кой-какія указанія о Харьковѣ, такъ какъ я совершенно не зналъ этого города.

Отъ одного изъ своихъ хорошихъ пріятелей я имѣлъ письмо къ Екатеринѣ Степановнѣ Гаршиной, къ которой и отправился на другой день по пріѣздѣ въ столицу. Екатерина Степановна встрѣтила меня съ большимъ радушіемъ, оказала такое сердечное, совершенно родственное участіе, которое въ то время было для меня очень дорого и котораго я, конечно, никогда не забуду. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ мною въ Петербургѣ, я почти каждый день бывалъ у нея и очень подружился съ ея сыномъ Всеволодомъ, тогда 12-ти или 13-ти-лѣтнимъ гимназистомъ, хотя по возрасту мы значительно разнились другъ отъ друга и между нами не могло быть ничего общаго: я былъ взрослый молодой человѣкъ, а онъ — ребенокъ. Но этотъ ребенокъ показался мнѣ крайне симпатичнымъ, да и онъ, повидимому, привязался ко мнѣ. Бывало, когда я приду къ Екатеринѣ Степановнѣ, то онъ, если не былъ занятъ уроками, тотчасъ подсядетъ около меня или постарается увести въ другую комнату, чтобы показать или разсказать что-нибудь интересное.

Помню, мнѣ нравились въ маленькомъ Всеволодѣ любознательность и основательное знаніе тѣхъ предметовъ, съ которыми онъ успѣлъ познакомиться. Онъ очень, кажется, любилъ естественныя науки и сильно интересовался ими. Пользуясь полной свободой, проводя часто время со взрослыми, онъ не былъ по-

хожъ на тѣхъ дѣтей, которые любятъ корчить большихъ, вмѣшиваться въ разговоры, резонерствовать. Ничего подобнаго у него не было. Онъ былъ добрымъ, милымъ ребенкомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень умнымъ. Впрочемъ, я помню, какъ онъ однажды вмѣшался въ разговоръ взрослыхъ, но это вмѣшательство было необходимо и вышло само собой.

Какъ-то вечеромъ собрались у Екатерины Степановны нѣсколько знакомыхъ, между которыми были довольно извѣстныя въ интеллигентныхъ петербургскихъ кружкахъ лица. Мы съ Всеволодомъ сидѣли въ сторонѣ и о чемъ-то вполголоса трактовали. По какому-то поводу одна дама, очень образованная особа, задала вопросъ: почему такъ легко подымается якорь изъ воды, между тѣмъ какъ онъ держится такъ крѣпко на днѣ, что скорѣе лопнетъ во время бури якорная цѣпь, чѣмъ сдвинется корабль? Изъ присутствовавшихъ никто не могъ дать отвѣта; одинъ очень образованный господинъ замѣтилъ между прочимъ, что надо спросить моряка. Услышавъ это, Всеволодъ всталъ съ своего мѣста и подошелъ туда, гдѣ шелъ разговоръ о якорѣ. — «Вотъ почему его такъ легко поднять», обратился онъ къ вопрошавшей особѣ—и затѣмъ объяснилъ весьма просто и наглядно способъ подъема якоря. Любознательность дамы была вполнѣ удовлетворена. Оказалось, что образованные люди, изучавшіе физику и много разъ, вѣроятно, видѣвшіе поднятіе якоря, не могли дать объясненіе относительно очень простого и обыкновеннаго явленія, которое объяснилъ гимназистъ 3-го или 4-го класса.

Въ то время очень поразило описанное обстоятельство. Меня поразило не столько его знаніе, — явившееся или результатомъ самостоятельнаго наблюденія, или путемъ спроса знающихъ лицъ, вслѣдствіе любознательности къ явленіямъ, на которыя другіе не обращаютъ никакого вниманія, — сколько умѣнье весьма просто и наглядно объяснить непонятную для многихъ вещь. Этотъ фактъ, да и многіе другіе, о которыхъ я теперь не помню, заставили меня предполагать въ то время, что изъ Всеволода Гаршина выйдетъ или замѣчательный ученый, или замѣчательный педагогъ; его любознательность, ясное представленіе о тѣхъ предме-

тахъ, которые онъ зналъ, служили, повидимому, тому ручательствомъ.

Всеволодъ Михайловичъ въ дѣтствѣ, насколько я успѣлъ замѣтить въ короткое время, былъ вполнѣ самостоятельной натурой. Эта самостоятельность, какъ мнѣ казалось тогда, выражалась въ томъ, что на него не имѣла никакого вліянія окружающая обстановка.

Вообще дѣти, которымъ предоставлена полная свобода, являются часто вѣрнымъ отраженіемъ всего окружающаго; они повторяютъ слова, фразы, которыя приходится имъ слышать, стараются интересоваться тѣмъ, чѣмъ интересуются взрослые. Но Всеволодъ Михайловичъ представлялъ, по моему мнѣнію, въ этомъ отношеніи нѣчто особенное: онъ жилъ какъ будто въ другомъ мірѣ. Да и дѣйствительно у него былъ свой маленькій мірокъ, который заключался въ книжкахъ, рисункахъ, различныхъ вещицахъ, небольшихъ естественно-историческихъ коллекціяхъ,—кажется, если не ошибаюсь, имъ самимъ составленныхъ,—и этотъ маленькій мірокъ сосредоточивалъ на себѣ все его вниманіе, всѣ его созерцательныя способности, отвлекая мысли отъ окружающихъ явленій.

Но болѣе всего меня поражала во Всеволодѣ Михайловичѣ одна чисто внѣшняя особенность, выражавшаяся по временамъ въ глубоко-меланхолическомъ взглядѣ. Когда онъ говорилъ,—въ особенности о предметѣ, который сильно интересовалъ его,—то взоръ его оживлялся, глаза горѣли тѣмъ огнемъ, который свидѣтельствуетъ о внутренней работѣ, объ энергіи. Но когда бесѣда прекращалась и наступало всеобщее молчаніе, то взоръ Всеволода Михайловича дѣлался вдругъ необыкновенно задумчивымъ, взглядъ пріобрѣталъ отпечатокъ тихой меланхоліи, съ выраженіемъ кротости, доброты. Подобный взглядъ мнѣ приходилось встрѣчать у людей чрезвычайно несчастныхъ, но никогда не жаловавшихся на свою судьбу, въ особенности у женщинъ, которымъ довольно часто выходитъ удѣлъ нести тяжелый крестъ жизни. У маленькаго Всеволода, мнѣ казалось, появлялся иногда

именно меланхолически-задумчивый взглядъ женщины, безропотно переносящей судьбу свою...

Наступило, наконецъ, время покинуть Петербургъ.

Послѣдній вечеръ, который я провелъ у Екатерины Степановны Гаршиной, мнѣ памятенъ, между прочимъ, потому, что Всеволодъ почти не отходилъ отъ меня. Былъ онъ очень веселъ и очень оживленъ, много разсказывалъ. Въ этотъ вечеръ было нѣсколько хорошихъ знакомыхъ Екатерины Степановны—лицъ, съ которыми я также ранѣе успѣлъ познакомиться. Когда настала минута разставанья и я сталъ прощаться съ присутствовавшими, то невольно взглянулъ на Всеволода, стоявшаго около своей матери. Бывшая передъ этимъ веселость исчезла. Онъ печально глядѣлъ на меня своимъ обычно меланхолически-задумчивымъ взглядомъ.

Мнѣ вдругъ сдѣлалось какъ-то невыразимо грустно, точно я навсегда покидалъ близкихъ, дорогихъ мнѣ людей...

II.

Прошло много лѣтъ. Имя Всеволода Михайловича Гаршина сдѣлалось извѣстнымъ. Изъ него не вышелъ, вопреки моему предположенію, замѣчательный ученый или педагогъ,—но изъ него вышелъ замѣчательный беллетристъ, обратившій на себя вниманіе небольшими, но необыкновенно-художественными произведеніями.

Послѣ отъѣзда въ Харьковъ я не видалъ его до 1884 года и встрѣтилъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ началѣ іюня этого года я возвращался изъ Петербурга въ Казань. Меня просили взять съ собой одного мальчика, отправлявшагося на каникулы къ родителямъ. Я согласился. Но такъ какъ я предполагалъ провести сутки у NN, моего пріятеля, жившаго въ Л—ни, на станціи николаевской желѣзной дороги, то просилъ отправить этого мальчика на другой день послѣ моего выѣзда изъ Петербурга, съ тѣмъ разсчетомъ, что я встрѣчу его

въ Л—ни и затѣмъ мы отправимся вмѣстѣ съ нимъ на станцію желѣзной дороги, чтобъ ѣхать въ Казань. Занявшись полученіемъ билета и сдачею багажа, я просилъ NN встрѣтить моего юнаго спутника, описавъ его примѣты и назвавъ его имя (звали его Сережей М—въ). Сдѣлавъ все, чтó мнѣ было нужно, я пошелъ на платформу, гдѣ увидѣлъ NN идущаго въ сопровожденіи Сережи М. и другого, незнакомаго мнѣ молодого человѣка, съ черной бородой.

— Вотъ тебѣ Сережа, сказалъ, обращаясь ко мнѣ, NN,— а вотъ еще твой старый знакомый, котораго ты зналъ, когда онъ былъ такимъ, какимъ теперь Сережа.

Я глядѣлъ и не узнавалъ.

Молодой человѣкъ ласково улыбался.

— Это Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ! сказалъ мой пріятель.

— Такъ это Всеволодъ! воскликнулъ я, и мы облобызались.

При разговорѣ оказалось, что мы часа два или полтора проѣдемъ вмѣстѣ, такъ какъ онъ ѣхалъ на томъ-же поѣздѣ. Часа полтора прошли незамѣтно въ разговорахъ, посвященныхъ преимущественно воспоминаніямъ о прошедшемъ.

Къ концу пути разговоръ у насъ вдругъ почему-то прекратился. Я взглянулъ на Гаршина и увидѣлъ прежнее задумчиво-меланхолическое выраженіе лица.

— Знаете ли что, Всеволодъ Михайловичъ, обратился я къ нему,—еслибы я васъ встрѣтилъ гдѣ-нибудь, то, конечно, низачто не узналъ бы, но, глядя теперь, я вижу въ васъ прежняго Всеволода... Въ дѣтствѣ у васъ я замѣчалъ иногда меланхолическій видъ, который вы сохранили до сего времени...

— Вотъ какъ! отвѣтилъ онъ, добродушно улыбаясь.

Въ то время я не зналъ, что Всеволодъ Михайловичъ подверженъ былъ нѣкогда тяжелой психической болѣзни. Еслибы зналъ, то никогда бы не сказалъ упомянутыхъ словъ. Но они, кажется, не произвели на него никакого впечатлѣнія. Тотчасъ послѣ этого онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Что́ это такое сдѣлалось съ NN (мой л—й пріятель)?— Онъ сталъ какой-то грустный, точно самъ не свой...

— Не знаю, отвѣтилъ я,—вѣроятно, отсутствіе дѣятельности, отсутствіе друзей, которые какъ будто совсѣмъ его оставили. Ему, мнѣ кажется, нужно общество, среди котораго онъ бы могъ разсѣяться.

— Да я и самъ думалъ объ этомъ... Вотъ ѣду теперь къ Г. И. и вмѣстѣ мы потомъ отправимся къ NN. Жалко, если раскиснетъ совсѣмъ человѣкъ...

Тутъ поѣздъ подошелъ къ станціи, и мы простились... Когда поѣздъ сталъ отходить,—я взглянулъ въ окошко и увидѣлъ Всеволода Михайловича, дружески кивающаго мнѣ головой; взглядъ его былъ тотъ-же, какимъ провожалъ онъ меня восемнадцать лѣтъ передъ этимъ. Мнѣ сдѣлалось опять какъ-то болѣзненно-тоскливо, какъ и тогда, но мнѣ и въ голову не приходило, что я вижу Всеволода Михайловича въ послѣдній разъ, что уже болѣе никогда не встрѣчусь съ нимъ...

Въ настоящую минуту, когда я пишу эти строки, предо мною возстаетъ изъ-за тумана далекаго прошлаго симпатичный образъ мальчика Всеволода, съ его задумчиво-меланхолическимъ взглядомъ.

Говорятъ, что глаза—зеркало души. Отражалась ли тогда въ этомъ взорѣ та поэтическая душа, которая проявилась впослѣдствіи въ созданіи оригинальныхъ художественныхъ произведеній, или отражался зародышъ той душевной болѣзни, которая привела къ преждевременному и трагическому концу?

Какъ звать!

(«Волжскій В.»).

Сообщеніе С. А. Венгерова.

Въ концѣ 1884 г. я приступилъ къ составленію «Исторіи новѣйшей русской литературы», до сихъ поръ по разнымъ причинамъ въ свѣтъ еще не появившейся. Для нея-то Всев. Михайловичъ, по моей просьбѣ, и написалъ небольшую автобіографію, сущность которой здѣсь приводится.

С. Венгеровъ.

«Родъ Гаршиныхъ—старинный дворянскій родъ. По семейному преданію, нашъ родоначальникъ, мурза Горша или Гаршa, вышелъ изъ Золотой Орды при Иванѣ III и крестился; ему или его потомкамъ были даны земли въ нынѣшней воронежской губерніи, гдѣ Гаршины благополучно дожили до нынѣшнихъ временъ и даже остались помѣщиками въ лицѣ моихъ двоюродныхъ братьевъ, изъ которыхъ я видѣлъ только одного, да и то въ дѣтствѣ. О Гаршиныхъ много сказать не могу. Дѣдъ мой Егоръ Архиповичъ былъ человѣкъ крутой, жестокій и властный: поролъ мужиковъ, пользовался правомъ primae noctis и *выливалъ кипяткомъ* фруктовыя деревья непокорныхъ однодворцевъ. Онъ судился всю жизнь съ сосѣдями изъ-за какихъ-то подтоповъ мельницы, и къ концу жизни сильно разстроилъ свое крупное состояніе, такъ что отцу моему, одному изъ четверыхъ сыновей и одиннадцати дѣтей, досталось только 70 душъ въ старобѣльскомъ уѣздѣ. Страннымъ образомъ, отецъ мой былъ совершенной противоположностью дѣду: служа въ кирасирахъ (въ глуховскомъ полку) въ николаевское время, онъ никогда не билъ солдатъ; развѣ ужь когда очень разсердится, то ударитъ фуражкой. Онъ кончилъ курсъ въ 1-й московской гимназіи и пробылъ года два въ московскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ; но потомъ, какъ онъ самъ говорилъ, «увлекся военной службой» и поступилъ въ кирасирскую дивизію. Квартируя съ полкомъ на Донцѣ и ѣздя съ офицерами по помѣщикамъ, онъ познакомился съ моею матерью, Е. С., тогда еще Акимовою, и въ 1848 году женился.

«Ея отецъ, помѣщикъ бахмутскаго уѣзда екатеринославской губерніи, отставной морской офицеръ, былъ человѣкъ очень образованный и рѣдко-хорошій. Отношенія его къ крестьянамъ были такъ необыкновенны въ то время, что окрестные помѣщики прославили его опаснымъ вольнодумцемъ, а потомъ—и помѣшаннымъ. Помѣшательство его состояло, между протимъ, въ томъ, что въ голодъ 1843 года, когда въ тѣхъ мѣстахъ чуть не полнаселенія вымерло отъ голоднаго тифа и цынги, онъ заложилъ имѣніе, занялъ денегъ и самъ привезъ «изъ Россіи» большое количество хлѣба, который и роздалъ голодавшимъ мужикамъ, своимъ и чужимъ. Къ сожалѣнію, онъ умеръ очень рано, оставивъ пятерыхъ дѣтей; старшая, моя мать, была еще дѣвочкой, но его заботы о воспитаніи ея принесли плоды и послѣ его смерти, попрежнему выписывались учителя и книги, такъ что ко времени выхода замужъ моя мать сдѣлалась хорошо образованной дѣвушкой, а по тогдашнему времени и для глухихъ мѣстъ Екатеринославской губерніи даже рѣдко образованной.

«Я родился третьимъ (въ имѣньи бабушки, въ бахмутскомъ уѣздѣ) второго февраля 1855 года, за двѣ недѣли до смерти Николая Павловича. Какъ сквозь сонъ помню полковую обстановку, огромныхъ рыжихъ коней и огромныхъ людей въ латахъ, бѣлыхъ съ голубымъ колетахъ и волосатыхъ каскахъ. Вмѣстѣ съ полкомъ мы часто переѣзжали съ мѣста на мѣсто; много смутныхъ воспоминаній сохранилось въ моей памяти изъ этого времени, но разсказать я ничего не могу, боясь ошибиться въ фактахъ. Въ 1858 году отецъ, получивъ наслѣдство отъ умершаго дѣда, вышелъ въ отставку, купилъ домъ въ Старобѣльскѣ, въ 12 верстахъ отъ котораго было наше имѣнье, и мы стали жить тамъ. Во время освобожденія крестьянъ отецъ участвовалъ въ харьковскомъ комитетѣ членомъ отъ старобѣльскаго уѣзда. Я въ это время выучился читать; выучилъ меня по старой книжкѣ «Современника» (статьи не помню) нашъ домашній учитель П. В. Завадскій, впослѣдствіе сосланный—за безпорядки въ харьковскомъ университетѣ—въ Петрозаводскъ и теперь уже давно умершій.

«Пятый годъ моей жизни былъ очень бурный: меня возили

изъ Староб. въ Харьковъ, изъ Х. въ Одессу, оттуда въ Х. и назадъ въ Староб. (все это на почтовыхъ, зимою, лѣтомъ и осенью); нѣкоторыя сцены оставили во мнѣ неизгладимое воспоминаніе и быть-можетъ слѣды на характерѣ. Преобладающее на моей физіономіи печальное выраженіе вѣроятно получило свое начало въ ту эпоху.

«Старшихъ братьевъ отправили въ Петербургъ; матушка поѣхала съ ними, а я остался съ отцомъ. Жили мы съ нимъ то въ деревнѣ, въ степи, то въ городѣ, то у одного изъ моихъ дядей въ старобѣльскомъ уѣздѣ. Никогда, кажется, я не перечиталъ такой массы книгъ, какъ въ три года жизни съ отцомъ, отъ пяти до восьмилѣтняго возраста. Кромѣ разныхъ дѣтскихъ книгъ (изъ которыхъ особенно памятенъ мнѣ превосходный «Міръ Божій» Разина), я перечиталъ все, что̀ могъ едва понимать изъ «Современника», «Времени» и другихъ журналовъ за нѣсколько лѣтъ. Сильно на меня подѣйствовала Бичеръ-Стоу («Хижина дяди Тома» и «Жизнь негровъ»). До какой степени свободенъ былъ я въ чтеніи, можетъ показать фактъ, что я прочелъ «Соборъ парижской Богоматери» Гюго въ семь лѣтъ и, перечитавъ его въ 25, не нашелъ ничего новаго, а «Что дѣлать» читалъ по книжкамъ въ то самое время, когда Чернышевскій сидѣлъ въ крѣпости. Это раннее чтеніе было, безъ сомнѣнія, очень вредно. Тогда-же я читалъ Пушкина, Лермонтова («Герой нашей времени» остался совершенно непонятымъ, кромѣ Бэлы, о которой я горько плакалъ), Гоголя и Жуковскаго. Въ 1863 г. матушка пріѣхала за мною изъ Петербурга и увезла съ собою. 15-го августа въѣхали мы въ него послѣ путешествія изъ Старобѣльска до Москвы на перекладныхъ и отъ Москвы по желѣзной дорогѣ; помню, что Нева привела меня въ неописанный восторгъ (мы жили на Вас. остр.), и я началъ даже съ извощика сочинять къ ней стихи съ рифмами «широка» и «глубока».

«Съ тѣхъ поръ я—петербургскій житель, хотя часто уѣзжалъ въ разныя мѣста. Два лѣта провелъ у П. В. Завадскаго въ Петрозаводскѣ; потомъ одно на дачѣ около Петербурга; потомъ

жилъ въ Сольцѣ, псковской губ. около полугода; нѣсколько лѣтъ живалъ по лѣтамъ въ Старобѣльскѣ, въ Николаевѣ, въ Харьковѣ, въ орловской губерніи, на Шекснѣ (въ кирилловскомъ уѣздѣ). Послѣдній мой отъѣздъ изъ Петербурга былъ очень продолжителенъ: я прожилъ около $1^1/_2$ лѣтъ въ деревнѣ у одного изъ своихъ дядей, В. С. Акимова, въ херсонскомъ уѣздѣ, на берегу бугскаго лимана.

«Въ 1864 году меня отдали въ 7-ю спб. гимназію, въ 12 л. Вас. остр. Учился я вообще довольно плохо, хотя не отличался особенною лѣностью: много времени уходило на постороннее чтеніе. Во время курса я два раза болѣлъ и разъ остался въ классѣ по лѣности, такъ что семилѣтній курсъ для меня превратился въ десятилѣтній, что̀, впрочемъ, не составило для меня большой бѣды, такъ какъ я поступилъ въ гимназію 9 лѣтъ. Хорошія отмѣтки я получалъ только за русскія «сочиненія» и по естественнымъ наукамъ, къ которымъ я чувствовалъ сильную любовь, неумершую и до сихъ поръ, но ненашедшую себѣ приложенія. Математику искренно ненавидѣлъ, хотя трудна она мнѣ не была, и старался по возможности избѣгать занятій ею. Наша гимназія въ 1866 году была преобразована въ реальную гимназію и долго служила образцовымъ заведеніемъ для всей Россіи (теперь она 1-е реальное училище). Мнѣ рѣдко случалось видѣть воспитанниковъ, которые сохранили бы добрую память о своемъ учебномъ заведеніи; что̀ касается до 7-й гимназіи, то она оставила во мнѣ самыя дружелюбныя воспоминанія. Къ В. Ѳ. Эвальду (директоръ въ мое время, директоръ и теперь) я навсегда, кажется, сохраню хорошія чувства. Изъ учителей я съ благодарностью вспоминаю В. П. Геннинга (словесность) и М. М. Ѳедорова (ест. исторія); послѣдній былъ превосходный человѣкъ и превосходный учитель, къ сожалѣнію, погубленный рюмочкой. Онъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

«Начиная съ 4-го класса, я началъ принимать участіе (количественно, впрочемъ, весьма слабое) въ гимназической литературѣ, которая одно время у насъ пышно цвѣла. Одно изъ изданій, «Вечерняя газета», выходило еженедѣльно аккуратно втеченіе

года. Сколько помню, фельетоны мои (за подписью «Агасферъ»), пользовались успѣхомъ. Тогда-же я подъ вліяніемъ «Иліады» сочинилъ поэму (гекзаметромъ) въ нѣсколько сотъ стиховъ, въ которой описывался нашъ гимназическій бытъ, преимущественно— драки.

«Будучи гимназистомъ, я только первые три года жилъ въ своей семьѣ. Затѣмъ мы съ старшими братьями жили на отдѣльной квартирѣ (имъ тогда было 16 и 17 лѣтъ); слѣдующій годъ прожилъ у своихъ дальнихъ родственниковъ, потомъ былъ пансіонеромъ въ гимназіи; два года жилъ въ семьѣ знакомыхъ петербургскихъ чиновниковъ и наконецъ былъ принятъ на казенный счетъ.

«Передъ концомъ курса я выдержалъ тяжелую болѣзнь, отъ которой едва спасся послѣ полугодового лѣченья. Въ это-же время застрѣлился мой второй братъ...

«Не имѣя возможности поступить въ университетъ, я думалъ сдѣлаться докторомъ. Многіе изъ моихъ товарищей (предыдущихъ выпусковъ) попали въ медицинскую академію и теперь доктора. Но какъ разъ ко времени моего окончанія курса Д—въ подалъ записку покойному государю, что вотъ, молъ, реалисты поступаютъ въ медицинскую академію, а потомъ проникаютъ изъ академіи и въ университетъ. Тогда было приказано реалистовъ въ доктора не пускать. Пришлось выбирать какое-нибудь изъ техническихъ заведеній: я выбралъ то, гдѣ поменьше математики,—горный институтъ. Я поступилъ въ него въ 1874 году. Въ 1876 хотѣлъ уйти въ Сербію, но, къ счастью, меня не пустили, такъ какъ я былъ призывнаго возраста. 12-го апрѣля 1877 г. я съ товарищемъ (Афанасьевымъ) готовился къ экзамену изъ химіи; принесли манифестъ о войнѣ. Наши записки такъ и остались открытыми: мы подали прошеніе объ увольненіи изъ института и уѣхали въ Кишиневъ. Въ кампаніи я былъ до 11-го августа, когда былъ раненъ. Въ это-же время, въ походѣ, я написалъ свою первую, напечатанную въ «От. Зап.», вещь «Четыре дня». Поводомъ къ этому послужилъ дѣйствительный случай съ однимъ изъ солдатъ нашего полка (скажу кстати, что самъ я

ничего подобнаго никогда не испыталъ, такъ какъ послѣ раны былъ сейчасъ же вынесенъ изъ огня).

«Вернувшись съ войны, я былъ произведенъ въ офицеры, съ большимъ трудомъ вышелъ въ отставку (теперь опять меня зачислили въ запасъ). Нѣкоторое время (1/2) слушалъ лекціи въ университетѣ (по историко-филологическому факультету): Въ 1880 г. заболѣлъ и по этому-то случаю прожилъ долго въ деревнѣ у дяди. Въ 1882 г. вернулся въ Петербургъ, въ 1883 г. женился на Н. М. Золотиловой; въ томъ-же году поступилъ на службу секретаремъ въ желѣзнодорожный съѣздъ.»

В. М. Гаршинъ какъ писатель

(Литературная характеристика)

I

Въ литературной дѣятельности Всеволода Михайловича Гаршина сказались такія черты, которыя вызываютъ къ его личности, какъ къ писателю, высокое уваженіе со стороны людей самыхъ противоположныхъ воззрѣній. Изъ современныхъ молодыхъ русскихъ беллетристовъ ни одинъ не выступалъ на литературное поприще при такихъ исключительно-благопріятныхъ условіяхъ, какъ онъ; первое же его произведеніе — «Четыре дня» — привлекло къ себѣ общее вниманіе и современностью темы — изображеніемъ факта, характеризирующаго обратную сторону войны, во время воинственныхъ увлеченій, и талантливостью автора. Гаршинъ сразу занялъ выдающееся положеніе въ литературѣ. Но это обстоятельство, открывавшее ему возможность писать, не заботясь уже о мѣстѣ и времени помѣщенія своихъ трудовъ, сдѣлало его только болѣе строгимъ къ самому

себѣ. Втеченіе десятилѣтія имъ написано лишь незначительное число небольшихъ разсказовъ; но зато на каждомъ изъ нихъ лежитъ печать истиннаго вдохновенія и серьезнаго труда. Въ произведеніяхъ Гаршина, дѣйствительно, не найдется ни одной строки, которая не была бы выстрадана авторомъ, которая не была бы яркимъ отраженіемъ его душевной жизни. Въ нихъ во всѣхъ непрестанно звучитъ такая неподкупная и подкупающая, трогательная искренность; на явленія жизни, описываемыя имъ, авторъ смотритъ съ такимъ глубокимъ и простымъ, чуждымъ всякой преднамѣренной тенденціозности, чувствомъ, что читатель, будетъ ли онъ раздѣлять воззрѣнія автора или нѣтъ, не откажетъ ему въ своемъ уважительномъ сочувствіи, въ пониманіи благородныхъ источниковъ его чувствъ и мыслей,—его нравственныхъ страданій, правильнѣе сказать.

Въ то-же время этотъ лучшій представитель молодого литературнаго поколѣнія, такъ безвременно оставившій нашъ грѣшный міръ, слишкомъ еще современенъ намъ, его мысли и стремленія еще слишкомъ, въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ, близки мыслямъ и стремленіямъ русскаго интеллигентнаго общества настоящаго времени, чтобы о немъ могло возникнуть ясное и простое, безстрастное сужденіе, одинаково чуждое враждебности, какъ и преувеличенныхъ симпатій. И съ В. М. Гаршинымъ естественно случилось то-же, что случалось со всѣми выдающимися представителями художественной литературы; есть у него неопасные враги и опасные друзья. Поклонники тенденціозности въ литературѣ находили въ его произведеніи тенденціи, которыхъ въ дѣйствительности не было, такъ какъ Гаршинъ, какъ живой и искренній, неподкупно мыслившій человѣкъ, никогда не былъ способенъ ни сдѣлать изъ своего героя манекенъ для того, чтобы навѣсить на него газетную передовую статью или, еще хуже, страничку изъ прописи, ни подтасовать факты, чтобы изъ нихъ сквозила та или другая, хотя-бы и самая великолѣпная, мысль. Представители застарѣлыхъ традицій шестидесятыхъ годовъ нападали на его «пессимизмъ», на его «невѣріе въ жизнь», рекомендуя ему перемѣнить свое мрачное міровоз-

зрѣніе на болѣе жизнерадостное, если не по отношенію къ настоящему, то къ надеждамъ на будущее; напротивъ, другіе находили, что Гаршинъ былъ преисполненъ «вѣры въ жизнь», и пр., и пр. Послѣднее мнѣніе, нужно сказать, настолько справедливо, насколько вѣра въ жизнь можетъ привести къ добровольному отказу отъ нея.

Мы приводимъ эти несправедливыя воззрѣнія на Гаршина (одно изъ нихъ раздѣлялъ прежде и пишущій эти строки) не съ цѣлью оспариванія ихъ,—оспаривать ихъ не представляется никакой надобности, очевидно, — а съ исключительной цѣлью указать на то, какъ отражались пристрастія времени на критическихъ воззрѣніяхъ на Гаршина. Не подлежитъ, между тѣмъ, никакому сомнѣнію, что истинно-критическое отношеніе къ писателю состоитъ не въ томъ, чтобы разсмотрѣть, подходитъ ли онъ по своимъ воззрѣніямъ къ намъ или къ нашимъ противникамъ. Оцѣнить писателя — значитъ понять его, постигнуть душевные процессы, подъ вліяніемъ которыхъ онъ создавалъ свои произведенія; въ этихъ душевныхъ процессахъ автора — неумытный судья и свидѣтель. Если авторъ намѣренно говорилъ неправду, если онъ хотѣлъ не искать истины, а поражать читателя эффектами, если онъ любовался собою... и т. д. — все это отразится въ произведеніи его и будетъ замѣчено внимательнымъ и чуткимъ читателемъ, который пойметъ, что отъ автора этого ждать нечего. Если, напротивъ, авторъ искренно и безпретенціозно отражаетъ въ своемъ произведеніи свои простыя чувства и думы, его искренность не обманетъ насъ, и мы можемъ довѣриться ему; мы найдемъ въ немъ посильное стремленіе къ истинѣ и, слѣдовательно, хотя маленькое и неправильное, но все-же дѣйствительное отраженіе ея. Съ этой точки зрѣнія мы и будемъ смотрѣть на произведенія покойнаго В. М. Гаршина.

*

II

В. М. Гаршинъ, конечно, не принадлежитъ къ тѣмъ художественнымъ дорованіямъ, которыя привлекаютъ къ себѣ силою и объективною правдою воспроизведенія жизни. Жизнь въ его произведеніяхъ не становится передъ вами прямо и свободно, а проходитъ сначала сквозь сильную призму авторскаго созерцанія и является передъ читателемъ уже окрашенною въ поразительный и яркій цвѣтъ авторскаго чувства. Гаршинъ—талантъ весьма субъективный. Существуетъ мнѣніе, нелишенное доли истины, что первый разсказъ нашего автора, т. е. «Четыре дня», есть вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшій разсказъ его; на немъ прежде всего мы и можемъ остановиться для доказательства субъективности таланта Гаршина.

Передъ нами поле недавней битвы, и на немъ раненный въ обѣ ноги человѣкъ. Въ первый моментъ сознанія онъ чувствуетъ, что «въ ушахъ его звонъ, и голова отяжелѣла»; «*смутно* понимаетъ онъ, что раненъ». А между тѣмъ этотъ человѣкъ съ отяжелѣвшей головой и звономъ въ ушахъ «начинаетъ припоминать» и «приходитъ къ заключенію», что «мы не разбиты». Онъ соображаетъ и разсуждаетъ: «На эту полянку намъ показывалъ нашъ маленькій батальонный. «Ребята, мы будемъ тамъ!» закричалъ онъ намъ своимъ звонкимъ голосомъ. И мы были тамъ; значитъ, мы не разбиты»... Медленно движется время, а раненный все продолжаетъ описывать свои ощущенія и даже окружающую природу. Онъ слышитъ стоны около себя, догадывается и думаетъ: «Боже мой, да вѣдь это — я самъ! Тихіе, жалобные стоны—неужели мнѣ въ самомъ дѣлѣ такъ больно? Должно-быть. Только я не понимаю этой боли, потому-что у меня въ головѣ туманъ, свинецъ»...

Невольно и неотразимо становится передъ читателемъ вопросъ: да полно, могъ ли раненный, съ туманомъ, свинцомъ въ головѣ, съ сильнымъ лихорадочнымъ состояніемъ, разсуждать такъ холодно

и логично насчетъ причинъ непониманія имъ боли, припоминать съ такой ясностью разныя обстоятельства боя! А между тѣмъ, немного позже, когда зной, разлагающійся вблизи трупъ и развитіе собственной болѣзни должны были ухудшить состояніе раненнаго, «мысли, воспоминанія тѣснятся въ головѣ» его, и онъ разсуждаетъ, что «скоро конецъ, только въ газетахъ останется нѣсколько строкъ», въ которыхъ просто скажутъ: убитъ одинъ рядовой, «какъ та одна собачонка»... И цѣлая картина прошлаго выступаетъ въ воображеніи раненнаго, картина, когда-то поразившая его, — гибель собачонки подъ колесами вагона конножелѣзной дороги. И раненный думаетъ: «Вы, воспоминанія, не мучьте меня! оставьте меня! Былое счастье, настоящія муки... пусть бы остались одни мученья, пусть не мучатъ меня воспоминанія, которыя невольно заставляютъ сравнивать... Ахъ, тоска, тоска! ты хуже ранъ». По поводу убитаго имъ въ бою турка, лежащаго вблизи, нашъ раненный вдается въ весьма пространныя разсужденія: «За что я его убилъ? Онъ лежитъ здѣсь мертвый, окровавленный. Зачѣмъ судьба пригнала его сюда? Быть-можетъ и у него, какъ у меня, есть старая мать. Долго она будетъ по вечерамъ сидѣть у дверей своей убогой мазанки да поглядывать на дальній сѣверъ: не идетъ ли ея ненаглядный сынъ, ея работникъ и кормилецъ». И раненный думаетъ, что онъ «не хотѣлъ этого»... «И чѣмъ виноватъ я, хотя я и убилъ его?» и т. д. О матери своей раненый думаетъ: «Мать моя, дорогая моя! Вырвешь ты сѣдыя косы, ударишься головою объ стѣну, проклянешь тотъ день, когда родила меня, весь міръ проклянешь»...

Довольно этихъ примѣровъ, чтобы показать основныя свойства психологической сущности разсказа. Читатель, конечно, не думаетъ, что такъ именно долженъ думать и чувствовать тяжело раненный человѣкъ. Передъ нами не валяющееся и безсознательно кричащее отъ боли мясо, передъ нами не подавленное воспаленною кровью воображеніе, создающее фантастическую картину изъ возникшаго воспоминанія о раздавленной собачонкѣ, какъ должно было бы быть въ дѣйствительности,—нѣтъ, передъ нами человѣкъ, горько и страстно, но не болѣзненно разсуждающій,

сравнивающій, опредѣляющій, вспоминающій, человѣкъ повидимому вполнѣ владѣющій собою, хотя авторъ во многихъ мѣстахъ и старается изобразить именно раненнаго серьезно, впадающаго постоянно въ забывчивость и жестоко страдающаго. Словомъ: передъ нами прежде всего и болѣе всего—самъ авторъ, страдающій за раненнаго; а этотъ послѣдній смотритъ на себя со стороны (со стороны именно автора) и разсуждаетъ о страшныхъ для него послѣдствіяхъ войны, какъ совсѣмъ посторонній, но чувствующій человѣкъ могъ бы разсуждать. И какое бы произведеніе Гаршина вы ни открыли, вы всюду встрѣтите тотъ-же тонъ, тотъ же преобладающій субъективный элементъ; передъ вами всегда на первомъ планѣ будетъ самъ авторъ съ своими грустными думами. Произведенія Гаршина суть лирическія произведенія, и безъ лиризма они не имѣли бы того смысла и значенія, которое теперь принадлежитъ имъ.

Въ лиризмѣ—и сила, и слабость Гаршина, источникъ художественныхъ достоинствъ и недостатковъ его произведеній. Были высказываемы такія положенія, что Гаршинъ въ «Встрѣчѣ», въ лицѣ инженера Кудряшева, создалъ новый типъ. Это совершенно невѣрно. Ни инженеръ Кудряшевъ, ни художники Дѣдовъ и Рябиникъ, ни даже капитанъ Венцель («Изъ воспоминаній рядоваго Иванова»), въ которомъ, нужно думать, авторъ прямо имѣлъ намѣреніе дать типъ, неговоря уже о другихъ, не достигаютъ до значенія того, что̀ зовется типомъ. Это лишь очерки типовъ, довольно притомъ не новыхъ, извѣстныхъ, по поводу которыхъ авторъ находитъ возможнымъ высказать свои глубокія и трогательныя воззрѣнія. Мы не хотимъ сказать, чтобы авторъ не могъ создавать живыя и характерныя лица; напротивъ, многія его фигуры, какъ выше названныя, какъ художникъ Гельфрейхъ (въ «Надеждѣ Николаевнѣ»), солдатъ дядя Житковъ, капитанъ Заикинъ и прапорщикъ Стебельковъ (въ «Воспоминаніяхъ рядового Иванова») и пр.—лица въ высокой степени характерныя, полныя силы и индивидуальности; но все это не то, и типовъ, повторяемъ, Гаршинъ не создавалъ,—не въ нихъ лежалъ смыслъ его художнической дѣятельности.

Это какъ будто-бы лишаетъ разсказы Гаршина извѣстнаго ореола,—но въ дѣйствительности нисколько не мѣшаетъ имъ быть глубоко прекрасными, полными идейнаго содержанія и смысла. Изображая явленія извѣстныя, знакомя васъ съ разновидностями личностей слишкомъ обыкновенныхъ, повседневныхъ, которыя неоднократно встрѣчались вамъ въ жизни, Гаршинъ умѣетъ поставить ихъ передъ вами подъ особымъ оригинальнымъ угломъ зрѣнія,—и вдругъ эти извѣстныя явленія, эти знакомыя лица выдаютъ вамъ совершенно новыя свойства, полныя значенія, которыхъ вы до того времени не замѣтили, не хотѣли или не могли замѣтить. По свойству авторскаго таланта, свойства эти—обыкновенно характера печальнаго, вызывающаго на горькія размышленія. Лиризмъ автора съ особенною силою оттѣняетъ эти особенности, эти характерныя черты изображаемыхъ явленій, придавая всей картинѣ колоритъ чарующій. Искренность, глубокая задушевность автора исключаетъ самое представленіе о чемъ-либо лишнемъ, неумѣстномъ въ его произведеніяхъ; его душа дѣйствуетъ свободно, по естественнымъ свойственнымъ ей законамъ, авторъ ничего не выдумываетъ, ничего не «сочиняетъ», передавая только такъ-сказать конечные плоды, результаты своей душевной дѣятельности,—и все выходитъ у него на своемъ мѣстѣ, все хорошо, вездѣ вы видите душу живу, и общее впечатлѣніе получается ясное, простое, цѣлостное—художественное. Субъективность автора, которой онъ отдается свободно, не претендуя отрѣшиться отъ нея въ пользу объективной правды, платитъ ему глубиною воззрѣній, которая всегда разрушается при усиліяхъ быть не самимъ собою, достигать результатовъ, неладящихъ съ натурою автора.

Таланты, однородные съ Гаршинымъ, нерѣдко получаютъ въ обществѣ огромное вліяніе и значеніе. Такими-же субъективными талантами были Некрасовъ у насъ, Гейне у нѣмцевъ, Леопарди и Фосколо у итальянцевъ и т. д. Общественное величіе писателя зависитъ не отъ свойства таланта преимущественно, а отъ величины его.

III

Въ произведеніяхъ субъективнаго таланта, возбуждающаго добрыя чувства въ читателѣ лиризмомъ, страстнымъ отношеніямъ къ изображаемымъ явленіямъ жизни, міровоззрѣніе автора получаетъ гораздо болѣе важное, болѣе первенствующее значеніе, чѣмъ въ произведеніяхъ «объективныхъ». Міровоззрѣніемъ своимъ, страстно проповѣдуемымъ, субъективный талантъ главнѣйшимъ образомъ и значителенъ, потому-что знанія жизни, жизненной опытности, онъ дать не можетъ, а можетъ только окрасить и для читателя жизненныя явленія въ свойственный таланту автора цвѣтъ. Талантъ субъективный большой скажется тѣмъ, что цвѣтъ этотъ не будетъ фальшивыми очками, закрывающими истину; проницательность, свойственная таланту, защититъ отъ фальши. Талантъ субъективный незначительный будетъ носить на себѣ всѣ тѣ вериги предразсудковъ и предубѣжденій, которыми всѣхъ насъ награждаетъ такъ-называемое «время», т. е. историческія обстоятельства, которыя вліяютъ на насъ помимо нашего сознанія и воли и до критическаго отношенія къ которымъ возвыситься могутъ только самые сильные и независимые умы. Такимъ образомъ, раскрывая міровоззрѣніе субъективнаго таланта, мы тѣмъ самымъ опредѣлимъ и мѣсто его въ литературѣ, его истинное въ ней, не временное—значеніе.

Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, Гаршинъ, если съ надлежащимъ вниманіемъ изслѣдовать душевные процессы при созданіи имъ произведеній, окажется совершенно не тѣмъ, что̀ хотятъ видѣть въ немъ представители литературныхъ партій, изъ которыхъ каждая, конечно, непрочь причислить его къ своему кругу, искать въ немъ подтвержденія своихъ вѣрованій и стремленій. Гаршинъ рѣшительно стоитъ своими произведеніями въ сторонѣ; онъ—самъ по себѣ, независимый и свободный мыслящій человѣкъ, какъ мы сейчасъ покажемъ. И если ему угодно было при жизни становиться въ ряду тѣхъ или другихъ личностей и убѣжде-

ній, то онъ или условно соединялся съ ними, или подпадалъ подъ то опредѣленіе Добролюбовымъ художника, по которому «въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ онъ, художникъ, высказываетъ понятія, разительно противоположныя тому, что̀ выражается въ его художественной дѣятельности».

Гаршинъ, прежде всего, не былъ сыномъ «шестидесятыхъ годовъ», подъ вліяніемъ которыхъ развивался его художественный талантъ, по крайней мѣрѣ не былъ покорнымъ сыномъ этого страннаго времени съ его характернымъ направленіемъ; скорѣе, въ свои семидесятые годы, онъ явился протестантомъ противъ нихъ, отрицателемъ ихъ. На порогѣ «шестидесятыхъ годовъ», Добролюбовъ, самъ одинъ изъ творцовъ той эпохи, подъ конецъ своей молодой, такъ рано погасшей жизни, съ сожалѣніемъ оглянулся назадъ, неласково встрѣчая грядущее. «То было — говоритъ онъ, по поводу сочиненій Достоевскаго, о направленіи, предшествовавшемъ его времени: — то было направленіе живое и дѣйственное, направленіе истинно-гуманическое, не сбитое и не разслабленное разными юридическими и экономическими сентенціями... И еслибы продолжалось это направленіе, оно, безъ сомнѣнія, было бы плодотворнѣе всѣхъ, за нимъ послѣдовавшихъ... Видно, что тогда были другіе годы, другія силы, другіе идеалы»... Такъ писалъ Добролюбовъ, и въ этихъ словахъ — прекрасная отрицательная характеристика выступавшихъ тогда, рядомъ съ добрыми, и злыхъ направленій, захватившихъ собою всѣ шестидесятые и добрую половину семидесятыхъ годовъ. Поистинѣ наступало время разслабленія и приниженія истиннаго гуманизма разными сентенціями и тенденціями, юридическими, экономическими и политическими. Истинно-гуманическое направленіе уступало тогда ложно-гуманическимъ ученіямъ. Какъ справедливо отмѣтилъ устами слѣдователя Порфирія Достоевскій, «цитировалась фраза, что кровь освѣжаетъ»; печальный фактъ «борьбы за существованіе» покрывался ореоломъ идеала; вообще слово «борьба» писалось и произносилось съ восторженнымъ умиленіемъ; возникло множество теорій, основанныхъ на самыхъ «послѣднихъ словахъ» науки, которыми оправдывались понятія и дѣянія, да-

леко не блиставшія нравственною высотою... Впрочемъ, слишкомъ памятно то время, чтобы много нужно было говорить о немъ...

Гаршинъ ни въ какомъ случаѣ не былъ послѣдователемъ этихъ увлеченій. Еслибы онъ самъ сталъ утверждать противоположное, онъ доказалъ бы только двойственность въ себѣ художника и мыслителя, указанную Добролюбовымъ, и сочиненія его стали бы свидѣтелями противъ него. Гаршинъ принадлежитъ всею своею душою къ тому, прежнему, истинно-гуманическому направленію, которое еще не было разслаблено сентенціями и тенденціями; въ немъ недвусмысленно сказалось отрицаніе тѣхъ направленій, которыя послѣдовали за нимъ и которыя, по болѣе близкому и точному опредѣленію, должны быть названы резонерскими.

Резонеромъ Гаршинъ, какъ глубоко искренній человѣкъ и писатель, не могъ быть; онъ съ отвращеніемъ относится ко всему, что̀ негуманно по существу, какою бы теоріею ни прикрывалось это негуманное. «Книжки» Гаршина заключаютъ въ себѣ огромное число мѣстъ, которыя могутъ служить доказательствомъ этого. Проницательнымъ взоромъ отыскивалъ онъ всякое безчеловѣчіе подъ всякой формой,—подъ эгидою науки и философіи, подъ сентенціями и тенденціями политическими и экономическими, и клеймилъ его, это безчеловѣчіе, съ страстнымъ негодованіемъ или съ горькою ироніей. Чтобы сдѣлать нашу мысль ясною и доказательною, мы остановимся на многимъ мысляхъ автора, которыя самъ онъ высказалъ ясно и точно, съ удивительною искренностью, смѣлостью и независимостью. Ихъ обыкновенно пропускаютъ безъ вниманія или о нихъ намѣренно молчатъ; но въ нихъ-то и суть дѣла, рѣшающая, что̀ такое былъ Гаршинъ, что̀ было его направленіемъ.

Во второмъ своемъ разсказѣ, носящемъ заглавіе «Происшествіе», онъ выражаетъ протестъ противъ обезъянической якобы философіи, пересаживаемой на русскую почву со всѣми сорными травами, вырощенными нерусскою почвой. Въ уста своей героини, такъ-называемой «потерянной женщины», непотерявшей однако совѣсти, онъ вложилъ слѣдующія слова, полныя горечи и негодованія: «Да, и у меня свой постъ! И я тоже нужна,

необходима. Недавно приходилъ ко мнѣ одинъ юноша, очень разговорчивый, и цѣлую страницу прочиталъ мнѣ наизусть изъ какой-ти книги. «Это нашъ философъ, нашъ русскій философъ», говорилъ онъ. Философъ говорилъ что-то очень туманное и для меня лестное, вродѣ того, что мы — «клапаны для общественныхъ страстей...» И слова гадкія—заключаетъ справедливо «героиня»:—и философъ должно-быть скверный, а хуже всего былъ этотъ мальчишка, повторявшій эти клапаны». Вотъ вамъ первый, но уже яркій примѣръ свободнаго и независимаго отношенія Гаршина къ теоріямъ, покорявшимъ толпу. Какъ извѣстно, теорія «клапановъ», цитируемая авторомъ, дѣйствительно было одною изъ безчисленныхъ проявленій «гуманизма» шестидесятыхъ годовъ, разслабленнаго сентенціями, и авторъ не обинуясь заявилъ свое отвращеніе къ сухому и тупому доктринерству этой «философіи».

Хотите ли знать, насколько Гаршинъ считалъ себя обязаннымъ видѣть въ людяхъ, кричащихъ о наукѣ, непреложныхъ руководителей своей жизни и мысли,—прочтите слѣдующія два мѣста. На первыхъ страницахъ «Attalea princeps» авторъ изображаетъ въ весьма критическомъ свѣтѣ высокомѣріе такъ-называемыхъ «людей науки». Бразиліанецъ, случайно пріѣхавшій изъ своей жаркой страны въ тотъ садъ, гдѣ росла пальма, назвалъ ее ея роднымъ именемъ. «Извините, крикнулъ ему изъ своей будочки директоръ, въ это время внимательно разрѣзывавшій бритвою какой-то стебелекъ: — вы ошибаетесь. Такого дерева, какое вы изволили сказать, не существуетъ. Это Attalea princeps, родомъ изъ Бразиліи». — О да, сказалъ бразиліанецъ:—я вполнѣ вѣрю вамъ, что ботаники называютъ ее Attalea, но у нея есть и родное, настоящее имя.—«Настоящее имя есть то, которое дается наукой», сухо сказалъ ботаникъ и заперъ дверь своей будочки, чтобы (прибавляетъ авторъ уже отъ себя) ему не мѣшали люди, непонимающіе даже того, что ужь если что-нибудь сказалъ человѣкъ науки, такъ нужно молчать и слушаться...» Еще рельефнѣе отрицательное отношеніе автора нашего къ «наукѣ», если она претендуетъ изсушить душу человѣка, лишить ее «родного, на-

стоящаго имени», родныхъ, настоящихъ живыхъ свойствъ, не-умѣщающихся въ будочкѣ, сказалось въ слѣдующихъ размышленіяхъ готоваго на самоубійство человѣка: «Да, тогда (въ дѣтствѣ) все казалось тѣмъ, какъ оно казалось. Красное такъ и было красное, а не отражающее красные лучи. Тогда не было для впечатлѣній готовыхъ формъ—идей, въ которыя человѣкъ выливаетъ все ощущаемое, не заботясь о томъ, *годна-ли* форма, *не дала ли она трещины*...» Тутъ нѣтъ, конечно, и тѣни отрицанія самой науки, но никакія блага, приносимыя ею, не въ состояніи закрыть отъ автора негуманныхъ явленій, совершающихся во имя ея, и онъ протестуетъ вообще противъ ея деспотизма.

Никакою теоріею и никакими представленіями объ общественныхъ и государственныхъ стремленіяхъ невозможно было утишить скорбь Гаршина по жертвамъ страшной войны, которой онъ былъ свидѣтелемъ. Устами одного изъ персонажей (въ разсказѣ «Трусъ») онъ категорически заявляетъ свое право на чувство скорби передъ нечеловѣческимъ дѣломъ массовыхъ убійствъ. «Можетъ-быть это необходимо, — говоритъ онъ: — я *не берусь* судить, да и не могу; я не разсуждаю о войнѣ и отношусь къ ней *непосредственнымъ чувствомъ, возмущаемымъ* массою пролитой крови». Воображеніе облекаетъ для него извѣстія съ войны въ реальныя формы, усугубляющія его чувство. «Я ничего не могу дѣлать и не могу ни очемъ думать — пишетъ герой.—Я прочиталъ о третьемъ плевненскомъ боѣ. Выбыло изъ строя двѣнадцать тысячъ однихъ русскихъ и румынъ, не считая турокъ... Двѣнадцать тысячъ... Эта цифра то носится передо мною въ видѣ знаковъ, то растягивается безконечной лентой лежащихъ рядомъ труповъ. Если ихъ положить плечо съ плечомъ, то составится дорога въ восемь верстъ... Что же это такое?..» Такъ говоритъ лицо, которому, однако, пришлось добровольно отдать свою жизнь за общее дѣло, выразившееся въ этой войнѣ. Само собою разумѣется, что автору хорошо знакомы и мотивы войны, и ея—конечно, горестная—неизбѣжность, и слова его имѣютъ тотъ усвоенный смыслъ, что страшное дѣло убійства сотенъ людей, несмотря на всѣ объясняющія его обстоятельства, все-таки

остается страшнымъ дѣломъ. Гаршинъ приглашаетъ своихъ читателей не забывать именно этого положенія, понимать и помнить непрестанно, что зло есть зло.

Авторъ своими ясными мыслями не разъ выражалъ, что настоящія нравственныя представленія выше тѣхъ, которыя растворены, разбавлены условными житейскими понятіями. Въ заключеніи «Надежды Николаевны» онъ высказывается въ этомъ смыслѣ съ особенною рельефностью и категоричностью. «Меня не судили,—говоритъ герой, въ уста котораго авторъ влагаетъ свою мысль.—«Дѣло» прекращено: было признано, что я убилъ защищаясь. Но *для человѣческой совѣсти нѣтъ писанныхъ законовъ*, нѣтъ ученія о невмѣняемости, и я несу за свое преступленіе казнь...»

Свободно, вдумчиво и независимо стоялъ Гаршинъ въ своихъ отношеніяхъ и къ литературѣ, и въ своихъ разсказахъ оставилъ также свидѣтельство объ этомъ. Герою разсказа «Надежда Николаевна» читаютъ, больному, новый романъ мистрисъ Гей: «Она думала, что это не такъ», напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы». И вотъ, иногда, въ тѣхъ мѣстахъ романа, гдѣ, по замыслу г-жи Гей, нужно было бы смѣяться, горькія слезы душатъ ему горло, и это не потому только, что онъ мало слушаетъ томительное повѣствованіе, а потому, что авторъ грубже смотрѣлъ въ смыслъ явленій, и то, что̀ вызывало у другихъ смѣхъ, сказывалось для него горькими слезами.

IV

Приведенные примѣры отношенія Гаршина къ явленіямъ общественной жизни раскрываютъ передъ нами душевный строй художника и даютъ опредѣленнѣйшее представленіе о его литературной физіономіи. Они даютъ ключъ къ пониманію нѣкоторыхъ произведеній Гаршина, истинный смыслъ которыхъ безъ этого ускользалъ бы отъ читателя. Какъ напр. понять, что одинъ изъ первыхъ писателей цѣлой эпохи посвящаетъ свой талантъ на изображеніе (къ разсказѣ «Медвѣди») того, какъ у цыганъ от-

бирали, т. е. собственно заставляли ихъ самихъ убивать медвѣдей, и отдаетъ свое горячее чувство зрѣлищу бѣдствія, постигшаго цыганъ. Справедливо было возразить противъ мысли автора тѣмъ, что уничтоженіе цыганскаго промысла съ медвѣдями было очень мудрымъ, необходимымъ полицейскимъ средствомъ для упорядоченія общественной жизни, что цыгане злоупотребляли своими медвѣдями, ложившимися, вмѣстѣ съ своими хозяевами, лишнимъ бременемъ на народъ, долженствовавшій въ концѣ-концовъ своими трудами оплачивать ихъ пропитаніе. Повидимому, не было надобности жалѣть цыганъ и медвѣдей. Но если авторъ по поводу столь огромнаго, всѣхъ касающагося дѣла войны могъ сказать вышеприведенныя слова, то тѣмъ легче ему сказать о бѣдствіи цыганъ: «можетъ-быть, это необходимо, я не берусь судить, да и не могу; я отношусь къ факту непосредственнымъ чувствомъ, возмущаемымъ массою горя, постигшаго передъ моими глазами цыганъ...» Къ простому человѣческому чувству обращается авторъ своимъ разсказомъ, приглашая не разсуждать съ юридической и полицейской точки зрѣнія о фактѣ, а просто пожалѣть бѣдныхъ людей, ставшихъ жертвою хотя-бы и разумнаго предписанія. Любопытно, между прочимъ, что чувство автора, его мысль, не разслабленная полицейской сентенціей, настолько проста и жизненна, что ее раздѣляетъ и тотъ самый полицейскій приставъ, на долю котораго досталась непріятная обязанность приводить начальственное предписаніе о медвѣдяхъ въ исполненіе.

Но въ этомъ-же разсказѣ «Медвѣди» сказывается съ полной опредѣленностью и вѣчная тема думъ Гаршина, постоянная тема его разсказовъ. Видя, какъ злое въ человѣческой природѣ получаетъ преобладаніе въ жизни, обращаетъ въ пользу своихъ стремленій и науку, и искусство, и все то доброе, чего достигло человѣче ство, Гаршину естественно было придти къ печальному выводу, что добрыя, честныя стремленія должны разбиваться о препятствія, которыя они встрѣтятъ въ жизни. Мало того, сами стремленія, ничтожество личныхъ усилій справедливо возбуждаютъ въ нашемъ художникѣ недовѣріе къ ихъ практи-

ческому значенію. Понятно, какъ должно было страдать горячее сердце автора. Скорбь, усиливаемая къ тому-же нервною болѣзненностью, наложила на всѣ произведенія Гаршина свою тяжелую печать, отразившись не только на лирическомъ элементѣ его трогательныхъ разсказовъ, а и на самомъ выборѣ сюжетовъ, на содержаніи.

Въ этомъ смыслѣ всѣ разсказы автора въ сущности похожи на разсказъ «Медвѣди». Повсюду, въ каждомъ изъ нихъ порознь и во всѣхъ вмѣстѣ, проходитъ все одна первенствующая мысль; автора всюду поражаетъ противорѣчіе между добрыми стремленіями и идеями людей съ одной стороны и бѣдствіями, сопровождающими эти добрыя стремленія — съ другой. Мысль эта, видоизмѣняясь, приноровляясь каждый разъ къ оригинальнымъ условіямъ каждаго разсказа, остается по существу все та-же. Даже самый первый разсказъ Гаршина—«Четыре дня», понятый совершенно въ другомъ смыслѣ, не совсѣмъ составляетъ исключеніе. Припомните только, что герой—«не хотѣлъ зла никому, когда шелъ драться; мысль о томъ, что и ему придется убивать людей, какъ-то уходила отъ него, и онъ представлялъ себѣ только, какъ онъ будетъ подставлять *свою* грудь подъ пули»,—припомните это и сопоставьте со страшнымъ результатомъ этихъ стремлемій, убійствомъ и страданіями нравственными на полѣ битвы, и вамъ станетъ яснымъ, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло все съ той-же темой, характерной для Гаршина.

А каждый дальнѣйшій разсказъ раскрываетъ эту мысль въ новыхъ формахъ и съ большею силою. Въ «Происшествіи» передъ нами отвергнутая любовь честнаго человѣка къ падшей женщинѣ, обладающей, однако, честною душой, и въ результатѣ—смерть для одного и безконечныя мученія для другой. Въ «Трусѣ» безконечныя и мучительныя сомнѣнія въ разумности роли мыслящаго человѣка на войнѣ и, однако, — добровольное самопожертвованіе на ней. Въ «Художникахъ» одинъ, изъ любви къ искусству бросившій военную карьеру, прилѣпляется къ «тонамъ и тонкамъ», пишетъ «и рѣку и болото съ осокою, никогда не задумываясь—зачѣмъ»,—и живая жизнь уходитъ отъ него; а другой, живой че-

ловѣкъ и талантливѣйшій художникъ, приходитъ къ заключенію о безполезности искусства, бросаетъ его, чтобы идти въ народные учителя,—«но и тамъ не преуспѣваетъ»—жизнь обманываетъ и этого. Въ «Ночи» мучительно пережившій отчаяніе въ жизни и готовность къ самоубійству человѣкъ умираетъ именно въ тотъ моментъ, когда понялъ возможность и необходимость для него жить; какая ужасная насмѣшка жизни подъ человѣкомъ! Въ «Attalea princeps» пальма, стремившаяся пробиться на свѣтъ и воздухъ изъ душной теплицы, въ самый моментъ достиженія своей цѣли должна думать: только-то? и это все, изъ-за чего я томилась и страдала такъ долго? И она спиливается, служа помѣхою всей оранжереѣ. Въ «То, чего не было» авторъ заставляетъ кучера Антона быть орудіемъ гибели цѣлой компаніи—кузнечика, ящерицы, жука и пр., только-что важно разсуждавшихъ о жизни вообще и о будущей жизни въ частности. Въ «Деньщикѣ и офицерѣ»—нелѣпое превращеніе работящаго мужика въ ничего недѣлающаго деньщика. Въ «Воспоминаніяхъ рядового Иванова»—капитанъ Венцель, тиранъ солдатъ по принципу и по натурѣ, плачетъ о сгибшихъ въ сраженіи подъ его предводительствомъ. О «Медвѣдяхъ» мы уже говорили. Въ «Красномъ цвѣткѣ» — высокое стремленіе принести счастье человѣчеству; но это стремленіе живетъ въ безумной головѣ и въ формѣ нелѣпѣйшей иллюзіи. Въ «Надеждѣ Николаевнѣ» все та же падшая женщина, что и въ «Происшествіи», вызывающая къ себѣ страстную любовь во всѣхъ, кто узнаетъ ее, успѣваетъ и сама полюбить; жизнь призываетъ ее къ себѣ, но въ этотъ именно моментъ она гибнетъ уже сама, вмѣстѣ съ тѣмъ, кого любитъ, отъ несчастнаго, несъумѣвшаго во-время завоевать ея любовь къ себѣ.

Мы перечислили почти всѣ произведенія автора, и во всѣхъ нихъ видимъ только страданія, стоящія въ какомъ-то странномъ противорѣчіи съ разумомъ, какъ-бы смѣющіяся надъ его выводами и усиліями. Тамъ, гдѣ этотъ послѣдній является дѣятелемъ и стремится внести въ дѣйствительность разумныя основы, является неожиданно страданіе, безполезное, безцѣль-

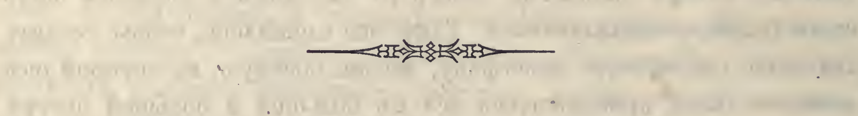
ное, которое уничтожаетъ въ васъ вѣру въ разумъ, въ его силу повести къ добру; тамъ, напротивъ, какъ въ «Встрѣчѣ», въ личности инженера Кудряшева, гдѣ страданія были справедливымъ возмездіемъ за попраніе разума и чести, — тамъ только именно и встрѣчается отсутствіе страданія.

Мы видѣли выше, что нашъ авторъ послѣдовательно и справедливо не мирился съ господствовавшими негуманными теченіями, прикрывавшимися наукою, съ страшными выводами яко-бы общественной философіи и т. д. Гуманныя идеи и стремленія его, такимъ образомъ, нигдѣ не встрѣчали удовлетворенія, отвѣта. При яркой субъективности автора, его изощренный взглядъ всюду въ жизни открывалъ «безчеловѣчіе человѣка», говоря выраженіемъ Гоголя. Это несоотвѣтствіе идеалу было тѣмъ поразительнѣе именно въ тѣхъ случаяхъ, когда его ожидать не представлялось необходимымъ; авторъ нашъ на этихъ-то случаяхъ и долженъ былъ всего болѣе останавливаться. Такъ все сложилось, чтобы создать для него умственную атмосферу, весьма опасную, въ которой онъ долженъ былъ приближаться все къ большей и большей потерѣ вѣры въ жизнь, а осуществленія идеаловъ искать тамъ, гдѣ ихъ всего меньше можно было ожидать и встрѣтить, въ средѣ такихъ несчастныхъ личностей, какъ Надежда Николаевна. Для читателей Гаршина, незараженныхъ его недовѣріемъ къ жизни, его странныя и трогательныя повѣсти говорятъ, конечно, не этими отрицательными своими свойствами, а языкомъ гуманнаго чувства, живыми и плодотворными мыслями, способными сдѣлать насъ болѣе человѣчными.

Гаршинъ представляетъ собою писателя, въ которомъ столкнулись направленія двухъ различныхъ поколѣній. По своей натурѣ онъ былъ высокій идеалистъ, какимъ были люди нашихъ сороковыхъ годовъ; но «прекраснодушія» той эпохи, того исканія въ жизни, во всѣхъ ея явленіяхъ, отраженія идеала человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ презрительнаго игнорированія грязи житейской,—въ немъ не было. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ онъ былъ человѣкъ нашихъ дней — реалистъ, натуралистъ, если хотите, какъ и всѣ молодые писатели наши. Но — худо ли это

или хорошо, другой вопросъ — люди, смотрящіе на жизнь съ реалистической точки зрѣнія, не предъявляютъ ей идеалистическихъ требованій. Гаршинъ, человѣкъ нашихъ дней, не могъ избѣжать воззрѣнія на жизнь чисто реалистическаго, натуралистическаго, но требованія къ ней, какъ идеалистъ, онъ предъявлялъ высоко идеалистическія. Приэтомъ противорѣчія жизни идеаламъ должны были получать въ его глазахъ огромные размѣры, столь огромные, что съ ними не помирился бы никакой человѣкъ. Этимъ быть-можетъ и объясняются какъ личная жизнь Гаршина, такъ и мрачный характеръ его произведеній.

Арсеній Введенскій.

КРАСНЫЙ ЦВѢТОКЪ

* *
*

Дѣтство нѣжное, пугливое,
Безмятежно-шаловливое,
Въ самый холодъ вешнихъ дней
Лаской матери пригрѣтое
И навѣки мной отпѣтое
Въ дни безумства и страстей,
Нынѣ всѣми позабытое,
Подъ морщинами сокрытое
Въ нѣдрахъ старости моей,—
Для чего ты вновь встревожило
Зимній сонъ мой—словно ожило
И повѣяло весной?
Оттого, что вновь мнѣ слышится
Голосокъ твой, легче-ль дышится
Мнѣ съ поникшей головой?
Не безъ думы, не безъ трепета,
Слышу я наивность лепета:
—Старче! развѣ ты—не я?!
Я съ тобой навѣки связано,
Мной вся жизнь тебѣ подсказана,
Въ ней сквозитъ мечта моя—
Не напрасно вновь являюсь я,
Твоей смерти дожидаюсь я,
Чтобъ припомнила и я
То, что̀ въ дни моей безпечности
Я забыла въ нѣдрахъ вѣчности,
То, что̀ было до меня.

1888.

Я. Полонскій.

При посылкѣ поэмы «Брингильда» въ Кадыкіой въ Малой Азіи.

Моя Валкирія, дитя
Снѣговъ и сѣверныхъ сіяній,
Теперь внезапно залетя,
Въ пору весеннихъ ликованій
Земли и моря и небесъ,
На свѣтлый берегъ Пропонтиды,
Нашла-ль въ странѣ иныхъ чудесъ
У сродной съ нею Артемиды
Привѣтъ и ласковый пріемъ?
Или воительница юга
Сочла ее себѣ врагомъ,
И стали другъ противу друга,
Движеньемъ безотчетнымъ рукъ
Схватясь за мечъ, а та за лукъ,
И съ вызывающей осанкой,
Предъ тѣмъ какъ кинуться имъ въ бой,
Духъ разжигаютъ похвальбой
И благородной перебранкой?..

2 апрѣля 1888.

А. Майковъ.

ЖЕНИХЪ

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

Я былъ всю жизнь одинокъ.
(Изъ частнаго письма)

I.

Холодный свѣтъ сѣраго, ноябрьскаго утра слабо освѣщалъ на показъ убранный кабинетъ одного изъ лучшихъ петербургскихъ отелей, гдѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ проживалъ Иванъ Дмитріевичъ Балангинъ. Тяжелыя штофныя драпри на дверяхъ и окнахъ, массивныя, аляповатыя рамы, украшавшія болѣе чѣмъ сомнительныя произведенія живописи, бронзовые часы на мраморной колоннѣ, потертый, пыльный коверъ во всю комнату, бархатная мебель, позолоченная люстра—показывали, что это помѣщеніе недешево.

На большомъ столѣ, заваленномъ бумагами, письмами, записками, медленно оплывала стеариновая свѣча, мѣшая свой свѣтъ съ проблескомъ утреннихъ сумерокъ.

Иванъ Дмитріевичъ еще не ложился, и утро неожиданно застало его одѣтымъ со вчерашняго дня. За послѣднее время это случалось съ нимъ часто, и тѣмъ не менѣе это каждый разъ непріятно удивляло его.

Мало того, онъ всякій разъ выносилъ такое впечатлѣніе, будто онъ наканунѣ началъ что-то очень важное, но не кончилъ и, пожалуй, опоздалъ, а кончить необходимо. То-же самое испытывалъ онъ и теперь—смутно, неопредѣленно и тѣмъ болѣе му-

чительно. Онъ ходилъ уже часа полтора изъ угла въ уголъ, все ускоряя шаги и сосредоточенно-тупо глядя передъ собой.

Иванъ Дмитріевичъ былъ человѣкъ средняго роста, скорѣе полный, чѣмъ худой, стройный и сильный. На видъ ему можно было дать лѣтъ сорокъ, хотя ему не было и тридцати двухъ. Наружность его была одна изъ выгодныхъ съ перваго взгляда: высокій, умный лобъ, на который падали кольца темныхъ съ блескомъ волосъ; матово-блѣдное, продолговатое лицо съ нѣсколько выдающимися скулами, неправильнымъ носомъ съ подвижными ноздрями, красиво очерченными губами и характернымъ твердымъ подбородкомъ. Большіе сѣрые глаза его, становившіеся въ иныя минуты совершенно темными, были прекрасны, но взглядъ ихъ производилъ тяжелое впечатлѣніе. Опытному наблюдателю легко было подмѣтить, что особенность этихъ, такъ непріятно поражавшихъ, глазъ заключалась въ томъ, что они никогда не соотвѣтствовали общему выраженію лица, были *внѣ его* и глядѣли упорно и тяжело, уставившись на предметъ, но не видя его и не стѣсняясь имъ, куда-то вдаль сквозь него.

Въ иное время лицо Ивана Дмитріевича казалось гораздо моложе, какъ это свойственно очень нервнымъ, впечатлительнымъ и увлекающимся натурамъ. Самая манера держаться мѣнялась тогда у него: походка дѣлалась увѣреннѣе и спокойнѣе, исчезала привычка поводить плечами какъ-бы отъ внезапнаго ощущенія холода, голова нѣсколько закидывалась назадъ, и слегка сощуренные глаза *прилично*-самоувѣренно глядѣли впередъ.

Онъ зналъ это за собой и очень дорожилъ такими минутами, но онѣ становились все рѣже и рѣже. Онъ дѣлался такимъ только тогда, когда выходилъ на улицу, оживленную толпой. Поэтому онъ съ нѣкоторыхъ поръ полюбилъ улицу, не вообще улицу, а только ту, на которой много празднаго и безцѣльно снующаго люда, гдѣ можно встрѣтить знакомыхъ, слышать обычные разговоры и видѣть примелькавшіяся лица. Но, вернувшись домой, онъ весь съеживался, и та тоска, которая не покидала его цѣлый день, овладѣвала имъ окончательно и непреодолимо.

Иванъ Дмитріевичъ круто повернулъ, дойдя до угла, и оста-

новился. Въ немъ какъ-бы созрѣло какое-то рѣшеніе. Приблизившись къ столу, онъ началъ приводить въ порядокъ разбросанныя бумаги и письма. Онъ все перечиталъ въ эту ночь: маленькія записочки безъ подписи, авторовъ которыхъ онъ узнавалъ по запаху или цвѣту конвертовъ, дружескія посланія, замѣтки— и передъ нимъ полно и ярко встала вся его прошлая жизнь съ такими подробностями, которыя онъ считалъ давно забытыми и которыя теперь изумили его самого.

— Надо сжечь, громко произнесъ онъ. Думать вслухъ давно стало его привычкой, какъ и разговаривать съ самимъ собой.

Онъ взялъ розовую атласную бумажку, исписанную тонкимъ женскимъ почеркомъ, и поднесъ ее къ догоравшей свѣчѣ. Бумажка затрещала и медленно затлѣла на огнѣ, образуя красный, постепенно раздвигавшійся полукругъ. Иванъ Дмитріевичъ внимательно и задумчиво смотрѣлъ на этотъ полукругъ, который дѣлался то больше, то меньше. Вотъ онъ обратился въ сверкающее колеблющееся кольцо, потомъ въ огромное багровое пятно. Бумага почти вся сгорѣла, и огонь жегъ теперь пальцы Ивана Дмитріевича. Онъ досадливо отдернулъ руку и выронилъ обуглившійся уголокъ. Неторопливо собралъ онъ цѣлую пачку разрозненныхъ листковъ и отнесъ ихъ къ камину. Потомъ вернулся опять къ столу и разсѣянно взглянулъ на него. На немъ еще виднѣлось нѣсколько писемъ.

— И это сожгу, произнесъ онъ опять вслухъ.—Нѣтъ, всѣ не надо. Выберу самое хорошее и оставлю на память.

Онъ развернулъ одно письмо и прочелъ его; оно было коротко. Также скоро прочелъ онъ и второе и, наконецъ, волнуясь и спѣша, взялся за третье. Вынимая его, онъ разорвалъ конвертъ отъ нетерпѣнія, но съ первыхъ-же строкъ не сталъ читать дальше. На лицѣ его явилось выраженіе тупой боли и злобы.

— Что же это? тихо проговорилъ онъ:—точно ихъ подмѣнили. Но вѣдь я помню-же, что съ трепетомъ получалъ ихъ, перечитывалъ по нѣскольку разъ и берегъ, берегъ до сихъ поръ. Почему же тогда они казались другими? Почему они были свѣтлѣе,

теплѣе, почему я такъ ждалъ, такъ горячо желалъ ихъ и дорожилъ ими, какъ святыней?

Онъ съ тоской смотрѣлъ на пожелтѣвшіе, казенно-продолговатой формы конверты, съ твердо и четко написаннымъ адресомъ.

— Ивану Дмитріевичу Балангину, нѣсколько разъ тупо повторилъ онъ, приглядываясь къ почерку.

Онъ закрылъ глаза, и та, которая писала эти письма, поразительно ярко и жизненно предстала въ его воображеніи. Онъ помнилъ о ней и ночью, когда разбиралъ бумаги, но тогда его подавляли мелкія, лишнія, какъ ему казалось, воспоминанія. Теперь она одна выдѣлилась изъ всего пережитаго, ненужнаго.

Одна она была самое нужное, самое главное, требовавшее исключительнаго вниманія. И теперь мысли о ней всецѣло поглотили его.

II.

Десять лѣтъ тому назадъ Иванъ Дмитріевичъ въ первый разъ встрѣтилъ случайно эту женщину и съ тѣхъ поръ никогда уже не могъ забыть ея. Онъ увидѣлъ ее на балу въ домѣ своихъ близкихъ родственниковъ. Она сразу не понравилась ему. Было что-то высокомѣрное и какъ будто враждебное во всей ея стройной фигурѣ, въ гордо поднятой головѣ, въ тонкихъ, слегка вздрагивавшихъ ноздряхъ, въ снисходительно-привѣтливой улыбкѣ. Уже по тому, какъ вошла она, какъ, медленно оглянувъ все общество, отыскала хозяйку дома, какъ спокойно подошла къ ней и протянула маленькую сильную руку, какъ засмѣялась въ отвѣтъ на любезность одного изъ кавалеровъ,—онъ заключилъ, что она чрезвычайно много о себѣ думаетъ, и съ непріязнью посмотрѣлъ на нее.

Никакъ нельзя было назвать ее красивой: слишкомъ ужь неправильны, почти неожиданны были нѣкоторыя черты ея подвижнаго, выразительнаго лица. Но все оно было такъ ярко, такъ озарено изнутри какимъ-то чуднымъ огнемъ, такъ лишено

всякой пошлости, что онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что его наблюденія послужили къ выгодѣ незнакомки и что кругомъ нѣтъ ни одной женщины, которая могла бы быть лучше ея, хотя многія были красивѣе ея. Особенно понравились ему ея глаза. Онъ только теперь хорошо разглядѣлъ ихъ и такъ-сказать понялъ ихъ. Большіе, темные, они смотрѣли изъ-подъ короткихъ густыхъ рѣсницъ, свѣтя лучистымъ, тихимъ блескомъ, который какъ-бы освѣщалъ то, на чемъ они останавливались. Въ выраженіи этихъ глазъ, въ томъ, какъ они раскрывались, взглядывая на предметъ, и въ положеніи прямыхъ, чуть надломленныхъ посрединѣ бровей, лежало что-то до такой степени привлекательное, побѣдоносное, торжествующее и въ то-же время до того неизъяснимо-грустное, что онъ невольно залюбовался ими и тутъ-же сказалъ себѣ, что она должна быть добра и умна.

Она много и охотно танцовала, весело смѣялась и заставляла смѣяться другихъ. Въ ея манерѣ держать себя была замѣтна та привычка къ большому обществу, которою обусловливается отсутствіе робости и полное самообладаніе. Онъ узналъ, что она была небогатая дѣвушка, учившаяся въ одной гимназіи съ его сестрою, что она поступила теперь на курсы, очень серьезно занимается, что зовутъ ее Анна Леонтьевна и что ей двадцать лѣтъ. Въ концѣ вечера онъ былъ ей представленъ и пригласилъ ее танцовать. Она отвѣтила, что устала и что если онъ не соскучится, то она охотно поболтаетъ съ нимъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ, издали смотря на танцующихъ. Онъ съ радостью согласился. Они сѣли на маленькій диванчикъ въ слабо-освѣщенной гостиной, гдѣ мягкіе ковры и драпри заглушали звуки. Анна Леонтьевна тихо и не спѣша заговорила съ нимъ. Все, что она говорила, было очень обыкновенно, и онъ зналъ это, но все пріобрѣтало какое-то особенное значеніе, благодаря ея спокойному, ласкающему слухъ голосу и сіяющему, до нѣжности грустному взгляду прекрасныхъ глазъ. Онъ и самъ не замѣтилъ, какъ разговорился съ ней, какъ почувствовалъ желаніе раскрыть передъ нею свою душу и какъ можно скорѣе разсказать ей все. Она слушала молча, внимательно слѣдя за его

мыслью и какъ-бы боясь потерять хоть одно слово изъ того, что̀ онъ говорилъ ей. И лицо ея, и поза, и протянутая къ нему рука—все въ ней было полно пониманія, участія и привѣта. Онъ сознаъ это всѣмъ существомъ своимъ, и душа его затрепетала отъ прилива благодарности и нѣжности. Ему вдругъ показалось, что онъ очень давно знаетъ ее и любитъ ее такъ, какъ сильнѣе и лучше любить нельзя. Какое-то томительное, тревожное волненіе охватило его.

— Анна Леонтьевна, робко проговорилъ онъ, чувствуя, какъ сердце его забилось скоро-скоро.—Анна Леонтьевна, послушайте, черезъ три года я кончу курсъ...

— Да, ну такъ что̀ же?

— Подождите меня, не выходите до тѣхъ поръ замужъ, ужасно смутясь, почти плача, договорилъ онъ.

Слабая улыбка показалась на губахъ Анны Леонтьевны. Потомъ эта улыбка сдѣлалась шире, заиграла въ углахъ рта, отразилась на щекахъ. Анна Леонтьевна неслышно засмѣялась. Но глаза ея не смѣялись. Они глядѣли серьезно, почти строго и наконецъ остановились на немъ. Ее поразило выраженіе тоскливой мольбы и робкаго смущенія на этомъ молодомъ лицѣ, и ей стало невыразимо жаль и его, и себя, и всѣхъ кругомъ.

— Къ тому времени, какъ вы кончите курсъ, все улыбаясь, сказала она,—я буду ужъ стара, а вы будете еще такъ молоды, что не захотите жениться на такой старухѣ.

Онъ попробовалъ тоже улыбнуться и не могъ. Жгучее до боли чувство стыда за свою молодость, за то, что она считаетъ его мальчишкой и не можетъ серьезно отнестись къ его словамъ, поднялось въ его груди. Онъ готовъ былъ зарыдать. Анна Леонтьевна угадала, что̀ происходитъ въ немъ. Она взяла его руки и сочувственно-крѣпко пожала ихъ.

Онъ молчалъ, объятый глубокимъ волненьемъ.

Анна Леонтьевна скоро уѣхала.

Съ того времени, въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ не зналъ о ней ничего и нигдѣ не встрѣчалъ ея. Но въ душѣ его навсегда поселился образъ этой женщины съ ласковымъ взглядомъ тем-

ныхъ, грустно-торжествующихъ глазъ и звучнымъ шопотомъ задушевнаго голоса. Иногда, засыпая, онъ вызывалъ въ своей памяти томительное, до боли сладостное ощущеніе ея женской ласки, полной материнской нѣжности и братскаго участія. Чувство глубокой благодарности постепенно выросло въ немъ въ страстное желаніе когда-нибудь, гдѣ-нибудь найти ее, упасть къ ея ногамъ и сказать ей, что онъ не могъ забыть ея, что, какъ тогда, онъ любитъ ее.

III.

Но почему же такъ случилось? почему ея ласка такъ тронула его? въ чемъ была ея сила, и почему эта сила покорила его? Онъ невольно еще дальше заглянулъ въ свое прошедшее. Ему вспомнилось его дѣтство. Какъ оно далеко! Любитъ-ли онъ эту пору своей жизни? Должно-быть любитъ, хотя его дѣтство не было богато тѣми яркими и радостными впечатлѣніями, которыя съ такимъ восторгомъ и удовольствіемъ вспоминаютъ другіе. Тамъ все-таки было что-то хорошее, теплое, ясное, но неуловимое, почти не поддающееся выраженію. Почему изъ своей дѣтской жизни онъ не помнитъ ничего яркаго, рельефнаго? Все было слишкомъ обыкновенно, буднично, мутно, а главное нѣсколько мучительно.

Только одно воспоминаніе заставляетъ его сердце биться сильнѣе. Какъ хорошо помнитъ онъ тѣ вечера, когда онъ еще семилѣтнимъ ребенкомъ, лежа въ своей дѣтской, съ бѣлымъ пологомъ, кроваткѣ, съ нетерпѣливымъ трепетомъ ожидалъ возвращенія своей матери изъ театра или съ бала. Онъ знаетъ, что она зайдетъ къ нему. Заслышавъ шелестъ ея шелковаго платья, онъ напряженно закрывалъ глаза, между тѣмъ какъ его сердце билось, какъ птичка въ клѣткѣ. Вотъ она подошла, наклоняется къ нему и тихо, нѣжно, боясь разбудить, цѣлуетъ его въ полуоткрытыя губки. Онъ не можетъ далѣе притворяться. Онъ вскидываетъ рученки, крѣпко обвиваетъ ими ея шею и, задыхаясь

и захлебываясь отъ непонятнаго волненія и чувства горячей дѣтской любви, лепечетъ въ забытьи безсвязныя, страстныя рѣчи. Она наскоро креститъ его, шепчетъ, что она недовольна тѣмъ, что онъ такъ долго не спитъ, и онъ увѣряетъ, что заснетъ сейчасъ-же, «только не уходи, только не уходи». Онъ провожаетъ ее долгимъ, полнымъ любви, мольбы и тихаго укора, взоромъ и долго еще видитъ передъ собой ея удаляющійся образъ и слышитъ шелестъ ея платья. Онъ засыпаетъ наконецъ измученный и усталый, но счастливый и утѣшенный ея рѣдкой лаской.

— Бѣдный ребенокъ! бѣдный маленькій Ваня!

— Ахъ! да вѣдь это онъ самъ!

Она умерла рано, когда ему не было и девяти лѣтъ, но смерть ея не произвела на него сильнаго впечатлѣнія, по крайней мѣрѣ онъ не помнитъ его. Можетъ-быть онъ несовсѣмъ понялъ, что случилось. И притомъ мать всегда была для него прекрасной мечтой, и смерть не могла разрушить этой мечты. Онъ закрывалъ вечеромъ глаза и вызывалъ въ своей памяти ея образъ, который сталъ еще лучезарнѣе, еще плѣнительнѣе. Отца онъ никогда не любилъ. Ребенкомъ онъ не зналъ его, рѣдко видѣлъ и боялся его оффиціальной, холодной наружности и того равнодушнаго, почти брезгливаго вида, съ которымъ онъ иногда ласкалъ его. Взрослымъ онъ попробовалъ сойтись съ нимъ, но это не удалось. Они не понимали другъ друга и втайнѣ чувствовали, что если поймутъ, то сдѣлаются врагами. Каждый замкнулся въ себѣ, ревниво охраняя свой внутренній міръ.

Онъ росъ одиноко и сиротливо. Одиннадцати лѣтъ его отдали въ гимназію. Потянулись длинные, скучные, однообразные годы ученія. Казалось, и конца имъ не будетъ. Онъ припоминаетъ ихъ теперь, и въ его воображеніи они являются длиннымъ, темнымъ корридоромъ съ высокими, сѣрыми стѣнами и блѣднымъ просвѣтомъ впереди. Просвѣтъ этотъ—надежда, что годы эти пройдутъ когда-нибудь.

Сколько разъ приходилось ему слышать, какъ люди съ восторгомъ вспоминаютъ пору ученья и жалѣютъ, что она мино-

вала. Онъ не понималъ ихъ, и сожалѣніе это казалось ему страннымъ.

Онъ учился однако хорошо. Учителя говорили, что онъ очень прилеженъ, и жалѣли только, что̀ онъ разсѣянъ. Но онъ не былъ разсѣянъ. Онъ былъ подавленъ всѣмъ, что̀ его окружало, и всѣмъ, что̀ его заставляли учить. Онъ понималъ и легко усвоивалъ объясненія учителей, но онъ не понималъ самаго главнаго, чего-то такого, безъ чего отнимался всякій смысль отъ того, что̀ было вокругъ него и въ немъ. Это непониманіе дѣлало его ко всему безучастнымъ.

Больше, чѣмъ безучастнымъ: оно дѣлало его несчастнымъ. Мысль о томъ, что онъ одинъ, совершенно одинъ, уже тогда смутно представлялась его уму. Но онъ еще многаго ждалъ отъ жизни. Какъ онъ мечталъ объ университетѣ! Тамъ настоящая наука, истинное знаніе. Тамъ, наконецъ, товарищество, свои традиціи, живые интересы и еще что-то, о чемъ ему говорили всѣ учащіеся и учившіеся въ университетѣ. Но университетъ жестоко обманулъ его. Вмѣсто науки, онъ нашелъ тамъ полунауку. Съ товарищами онъ какъ-то не сходился. Университетъ оказался той-же гимназіей. Только учителя были поважнѣе и назывались профессорами, а ученики были постарше и имѣли званіе студентовъ. Потянулась та-же скучная, однообразная канитель. Какъ и въ гимназіи, онъ нетерпѣливо ждалъ каждый годъ наступленія лѣта, чтобъ уѣхать въ деревню, гдѣ онъ чувствовалъ себя легко и хорошо, потому-что никто не мѣшалъ ему тамъ жить, какъ ему хотѣлось. Отецъ давалъ ему полную свободу. Лѣто онъ посвящалъ чтенію того, что̀ ему нравилось и занимало его. Благодаря чтенію, онъ еще яснѣе началъ сознавать всю нелѣпость тѣхъ условій, которыми люди обставили свою жизнь.

Что̀ же было нужно?

Онъ не зналъ тогда, какъ не знаетъ и теперь. Онъ зналъ только, что такъ жить нельзя, что должно быть что-то совершенно другое.

Отецъ его умеръ, когда онъ былъ на послѣднемъ курсѣ. Университетъ сдѣлался для него невыносимъ, и онъ едва не

оставилъ его. Онъ хотѣлъ бросить все и уѣхать въ имѣніе, оставленное ему отцомъ, но пока онъ собирался, время шло, и онъ кончилъ курсъ. Несмотря на то, что онъ всѣми силами торопился покончить съ университетомъ, онъ почувствовалъ, что ему почти жаль университетскихъ лѣтъ, потому-что теперь предстоитъ рѣшеніе, которое онъ хотѣлъ-бы отодвинуть какъ можно дальше. Онъ понималъ, что не готовъ къ нему и не сладитъ съ нимъ. Что̀ же это было за рѣшеніе? Надо было рѣшить, какъ жить и чѣмъ жить.

До сихъ поръ жизнь шла «по планту», какъ говорилъ университетскій швейцаръ Карпычъ, т. е. по извѣстной программѣ, составленной кѣмъ-то, кому никакого не было дѣла до него, Ивана Дмитріевича, но которой онъ подчинялся, находя, что это представляетъ нѣкоторыя удобства.

Теперь, въ первый разъ предоставленный самому себѣ, онъ не то, что боялся, а недоумѣвалъ. Что̀ дѣлать? за что̀ приняться? какъ жить? что̀ признать за лучшее и что̀ выбросить изъ жизни? Но пока онъ колебался и мучился всѣми этими неразрѣшимыми вопросами, жизнь распорядилась за него и устроилась опять «по планту», независимо отъ него самого и въ такой формѣ, о которой онъ и не думалъ.

IV.

И по положенію, и по связямъ, и по состоянію, которое ему оставилъ отецъ, Иванъ Дмитріевичъ принадлежалъ къ тому кругу, который принято называть порядочнымъ, и къ числу тѣхъ людей, какими слѣдуетъ быть. Благодаря всему этому, ему предложили мѣсто, а онъ принялъ его, какъ принялъ бы въ то время все, что̀ бы ему ни предложили. Онъ рѣшительно не зналъ тогда, куда дѣвать себя.

Мѣсто, которое онъ занялъ, было создано именно для такихъ людей, какими слѣдуетъ быть.

Оно не требовало ни особенныхъ умственныхъ способностей,

ни усидчиваго труда, и притомъ обладало еще огромнымъ преимуществомъ: на этомъ мѣстѣ можно было мало работать и много получать. Кромѣ того, у Ивана Дмитріевича, какъ у человѣка, какимъ слѣдуетъ быть, находилось въ подчиненіи нѣсколько человѣкъ, какими не слѣдуетъ быть. Они избавляли его отъ всякой работы. Впрочемъ, онъ былъ такъ наивенъ, что въ началѣ своей служебной карьеры вздумалъ было серьезно заняться дѣломъ. Но онъ скоро увидѣлъ, что дѣло это было такого сорта, что скорѣе теряло, чѣмъ выигрывало отъ серьезнаго къ нему отношенія. Тогда онъ попробовалъ исполнять возложенныя на него обязанности по возможности добросовѣстно, т. е. просиживалъ извѣстное количество часовъ и дѣлалъ самъ то, что̀ могли за него сдѣлать другіе. Но онъ скоро замѣтилъ, что это обижаетъ его подчиненныхъ, почти пугаетъ ихъ. Тагда онъ сталъ поступать, какъ всѣ, занимавшіе подобныя должности: онъ старался какъ можно меньше времени посвящать службѣ и какъ можно больше бездѣлью, а всю работу взваливалъ на мелкихъ чиновниковъ, которые, впрочемъ, не только не обижались, но даже чему-то радовались.

У него образовался большой кругъ знакомыхъ, все такихъже людей, какъ онъ самъ. Что̀ за жизнь велъ онъ тогда! Онъ видитъ ее отсюда, и ему становится стыдно и гадко. И однако это пошлая, безобразная, нелѣпая жизнь, наполненная бездѣльемъ, кутежами, попойками, некрасивыми и скандальными исторіями, нравилась ему тогда. Нѣтъ, не нравилась. Она спасала его отъ другого, чего онъ боялся, она не давала ему думать, она такъ занимала все его время, такъ отупляла его умъ и чувства, что онъ становился другимъ человѣкомъ, забывался, и въ этомъ забвеніи было его спасеніе. Но все-таки и тогда червякъ, сосавшій его сердце, не умиралъ совсѣмъ. Онъ жилъ и втихомолку дѣлалъ свое дѣло.

Неясная, безпричинная и тѣмъ болѣе ужасная тоска и тогда посѣщала его. Онъ сдѣлался изобрѣтателенъ на способы къ развлеченію. И однако все такъ скоро надоѣдало ему. Онъ начиналъ

уставать отъ этой жизни. Онъ готовъ былъ бросить ее, и если еще не бросилъ, такъ только потому, что боялся.

Да, онъ боялся.

И вдругъ все оборвалось само собою. Во-первыхъ, онъ увидѣлъ ее. Это было вечеромъ. Онъ пошелъ отъ нечего дѣлать въ театръ по ѳбыкновенію поздно, къ третьему акту. Онъ сидѣлъ въ креслахъ, разсѣянно любуясь своими ногтями и изображая на лицѣ приличное пренебреженіе и равнодушную скуку. Онъ, конечно, не имѣлъ наивной, мѣщанской привычки не сводить глазъ со сцены, и потому, когда третій актъ начался, онъ все еще любовался своими ногтями, повидимому нимало не интересуясь тѣмъ, что̀ дѣлалось на подмосткахъ. Вдругъ онъ услышалъ голосъ, который заставилъ его поднять голову. Со сцены на него глядѣли глаза. Они глядѣли на всѣхъ находившихся въ театрѣ и, казалось, видѣли всѣхъ вмѣстѣ и каждаго отдѣльно. Къ этимъ глазамъ невольно приковывались взоры всѣхъ и его тоже. Гдѣ онъ видѣлъ эти глаза? чьи они? Онъ не помнилъ и нетерпѣливо ждалъ конца пьесы.

Представленіе кончилось. Онъ не пошелъ, по обыкновенію, за кулисы и ждалъ у двери, на которой стояло: «Входъ посторонними лицамъ воспрещается».

Артисты выходили одинъ за другимъ, спѣша домой, сохраняя еще на лицахъ слѣды тѣхъ выраженій, которыя у нихъ были на сценѣ. Вотъ и она. Она не видитъ его. За нею идутъ нѣсколько человѣкъ, шумя, смѣясь, что-то громко разсказывая. Онъ бросился за ихъ веселой толпой на подъѣздъ, взялъ извозчика и приказалъ ѣхать за ними. Онъ отсталъ, но видѣлъ, какъ вся компанія вошла въ дорогую гостиницу. Онъ почти вбѣжалъ туда.

— Кто дама, которая только-что пріѣхала? спросилъ онъ швейцара.

— Артистка Анна Леонтьевна Онѣгина, отвѣтилъ тотъ.

Онъ сбросилъ ему на руки шинель и сказавъ:—Я ее знаю,— пошелъ по лѣстницѣ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился.

— Въ какомъ номерѣ?

— Въ бель-этажѣ, прямо противъ лѣстницы, отдѣленіе номеръ второй.

Онъ взбѣжалъ наверхъ.

Передъ нимъ открытыя двери, изъ которыхъ несутся шумные голоса. Лакеи накрываютъ столъ. Онъ дошелъ до дверей гостиной и остановился. Ему стало досадно на себя за свою глупость. Въ какое неловкое положеніе онъ себя ставитъ! Но уже на встрѣчу ему съ дивана поднимается она, подходитъ и привѣтливо протягиваетъ ему руку.

— Здравствуйте, *женихъ!*

Послѣднее слово она говоритъ шопотомъ, только для него и говоритъ такъ, что ему сразу дѣлается понятно, что она помнитъ его такимъ, какимъ онъ былъ тогда, и дорожитъ этимъ воспоминаніемъ. Ему стало необыкновенно хорошо отъ этой мысли. Какъ эта женщина родна и близка ему! и какая она чудная красавица! Какъ это тогда онъ не замѣтилъ ея красоты? Онъ смотрѣлъ на нее и любовался ею. Она почти не измѣнилась. Только стала полнѣе, какъ будто выше, да глаза глядятъ еще грустнѣе и все та-же торжествующая улыбка. Какъ онъ любитъ и эту улыбку, и эти глаза, которые такъ похожи на его собственные. Въ цѣлый вечеръ ему не удалось поговорить съ нею наединѣ, но онъ чувствовалъ, что между нимъ и ею все время поддерживается какое-то таинственное общеніе. Мысль объ этомъ наполняла его сердце неизъяснимой радостью. Съ того дня онъ сталъ бывать у нея каждый день. Онъ приходилъ въ назначенный ею часъ, иногда немного раньше, иногда позже, и сидѣлъ, пока ему позволяли. Они говорили немного, да и о чемъ стали бы они говорить другъ другу? То, что̀ нужно было сказать, они уже сказали. По крайней мѣрѣ онъ зналъ, что она понимаетъ его, почти читаетъ въ душѣ его. Могъ-ли онъ не быть ей благодарнымъ? могъ-ли онъ не любить ея? Она одна пожалѣла его не тѣмъ обиднымъ сожалѣніемъ, къ которому онъ не могъ подать повода, и которое было бы ему невыносимо, а пожалѣла такъ-же, какъ и онъ жалѣлъ ее, чувствуя, что съ каждымъ днемъ растетъ и

укрѣпляется ихъ духовное сближеніе, и радуясь, что и она угадала въ немъ родную душу.

Рядомъ съ ней онъ становился опять тѣмъ благодарнымъ мальчикомъ, который въ первое свиданіе съ ней затрепеталъ отъ прилива невѣдомаго, неповторявшагося потомъ и не всѣмъ дающагося счастья. Черезъ двѣ недѣли она сказала ему, что уѣзжаетъ въ провинцію.

Онъ почти испугался. Что̀ будетъ съ нимъ?

— Я поѣду за вами.

Она подняла на него глаза, не удивляясь, а какъ-бы спрашивая о чемъ-то, и тихо промолвила:

— Зачѣмъ?

Зачѣмъ? Да развѣ онъ зналъ, зачѣмъ. Онъ хотѣлъ объяснить ей, почему ему нужно ѣхать за нею, хотѣлъ высказать что-то такое, что̀ было необходимо для нихъ обоихъ, но взглянулъ на нее и ничего не сказалъ. Большіе, грустные глаза ласково, нѣжно смотрѣли на него, какъ-бы умоляя о пощадѣ.

— Она несчастна! съ тоской подумалъ онъ.

Онъ остался въ Петербургѣ.

V.

Черезъ недѣлю онъ подалъ въ отставку. Онъ больше не могъ служить. Онъ разорвалъ всѣ прежнія знакомства и повелъ скромную, уединенную жизнь.

— Балангинъ остепенился, говорили про него.

— У него разстроены дѣла, говорили другіе.

Онъ соглашался со всѣми, не находя нужнымъ возражать. Ему было не до того. Въ немъ совершалась важная внутренняя работа.

Онъ сталъ внимательно присматриваться къ людямъ, стараясь уяснить себѣ, какъ разрѣшали они тѣ вопросы, которые съ нѣкоторыхъ поръ волнуютъ и мучатъ его. Ему стало казаться, что всѣ они что-то скрываютъ и притворяются. Можетъ-быть имъ извѣстно то, отъ незнанія чего онъ такъ страдаетъ, но они не

хотятъ теперь и не захотятъ никогда подѣлиться съ нимъ. Какая ужасная мысль! Вся его жизнь стала тогда представляться ему однимъ изъ тѣхъ томительныхъ, скучныхъ и неудачныхъ дней, которые бываютъ у каждаго человѣка. Безконечно долго тянется такой день. Съ тоскливымъ нетерпѣніемъ ждешь ночи, а съ нею сна и отдохновенія.

А между тѣмъ иногда у него являлось желаніе остановить время, чтобъ рѣшить важный и необходимый для него вопросъ. Послѣ этого рѣшенія все должно было пойти по-новому. Но время летѣло съ неимовѣрной быстротой, и каждый моментъ (это впечатлѣніе выросло у него въ ощущеніе) безвозвратно уносилъ съ собою частицу его жизни. Онъ зналъ, что въ этомъ рѣшеніи его спасеніе, но зналъ также и то, что никогда не найдетъ его. Онъ тогда въ первый разъ и на всю жизнь сознаъ, что не только не понимаетъ, какъ и чѣмъ жить, но и не понимаетъ, зачѣмъ жить, и ужаснулся.

Онъ сталъ жалокъ самому себѣ. Тогда-же онъ понялъ, что тому преобладающему ощущенію, которое, какъ ему казалось, онъ испытывалъ всю жизнь, мучительному, унизительному, безотчетному и тѣмъ болѣе жестокому ощущенію было, наконецъ, найдено имя. Жалость къ самому себѣ. Онъ жалѣлъ себя съ перваго дня своей жизни, съ того момента, какъ впервые взглянулъ на свѣтъ и закричалъ безпомощно и рѣзко. О, конечно, онъ не могъ помнить того, какъ онъ родился, не могъ помнить и того, какъ его отняли отъ груди кормилицы, какъ у него прорѣзывались зубы, да и многаго не помнилъ онъ изъ своей ранней жизни, а слѣдовательно, не могъ помнить и страданія; но онъ зналъ, что страданіе было, и эта мысль угнетала его. Впрочемъ, пока онъ еще не сознавалъ ея вполнѣ ясно и отчетливо, пока она пряталась на днѣ души его, онъ еще ждалъ. Чего? Онъ и самъ не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ, и это была его вторая мука, тоже безсознательная и тоже невыносимая.

Тогда-же у него явилось предчувствіе какого-то страданія недостойнаго, пустого, мелкаго—эта мысль была унизительна—и для него страшнаго.

*

Это предвкушеніе не явившейся, но уже существующей боли, было ужасно, какъ сама боль. Уйти, избавить себя отъ этой нечеловѣческой муки стало его постоянной мыслью. Онъ создалъ себѣ особый, отдѣльный міръ. Онъ сталъ жить воображеніемъ. Какія-то неясныя идеи, вѣрнѣе—обрывки идей, носились въ его головѣ, облеченныя въ смутные, фантастическіе образы. Онъ полюбилъ ихъ. Они представляли постоянную возможность уйти изъ окружающей жизни и погрузиться въ море мечтаній.

Уйти, уйти... Но гдѣ-же исходъ? Развѣ нельзя найти себѣ какое-нибудь дѣло, полюбить его, отдать на него всѣ свои силы, создать себѣ если не жизнь, то подобіе жизни.

А деревня? Вѣдь у него есть имѣніе. Онъ поѣдетъ туда, займется хозяйствомъ, будетъ любоваться природой. Онъ любитъ и понимаетъ ее. Онъ помнитъ, съ какимъ восторгомъ онъ всякій разъ ѣхалъ изъ университета на лѣтнія каникулы.

Онъ уходилъ въ лѣсъ на цѣлый день совсѣмъ одинъ и никогда не скучалъ; мало того, былъ почти счастливъ. А садъ? Онъ любилъ этотъ запущенный, заросшій сѣдымъ репейникомъ и крапивой садъ, съ дорожками, густо покрытыми низкорослой, цѣпкой травой и блѣднорозовыми цвѣточками павилики, съ темными, почти непропускавшими солнца аллеями и искривленными, плохо принявшимися на черноземной почвѣ соснами. Только средняя дорожка, что̀ шла отъ балкона, расчищалась каждую весну. Она вся была усажена кустами лиловой и бѣлой сирени, изъ-за которой смотрѣли темнолистые приземистые каштаны съ сѣрымъ стволомъ и густыми вѣтками пышныхъ, блѣдно-палевыхъ съ малиновыми усиками цвѣтовъ. А старый домъ? а рѣка? Да, все хорошо было тамъ, и надо, какъ можно скорѣе, ѣхать туда и начать жить другой жизнью.

VI.

Онъ уѣхалъ въ деревню.

Онъ горячо и съ любовью отдавался дѣлу, вставалъ съ зарей, самъ ѣздилъ въ поле, учился хозяйству и былъ такъ занятъ, что у него не оставалось времени на размышленія, некасавшіяся хозяйства и практической стороны жизни. Ему даже некогда было читать. Журналы неразрѣзанные валялись у него на столѣ. Онъ ограничивался тѣмъ, что проглядывалъ оглавленіе и тотчасъ-же отрывался по какому-нибудь дѣлу. За то, какъ внимательно провѣрялъ онъ бирки старосты, какъ аккуратно отмѣчалъ въ сельско-хозяйственномъ календарѣ все, что̀ касалось погоды, времени сѣва, количества посѣяннаго хлѣба и урожая, на который можно было разсчитывать.

Теперь онъ смѣется, вспоминая это, а тогда онъ дѣлалъ все это совершенно серьезно, хотя по неопытности и неумѣнью нерѣдко забывалъ за пустяками то, что̀ было поважнѣе. Впрочемъ, кромѣ неопытности, тутъ была еще другая причина. Дѣло въ томъ, что хозяйство было не необходимостью и не любимыхъ занятіемъ, а только придуманнымъ средствомъ, чтобъ забыться. Это удалось ему на нѣкоторое время. Весна и часть лѣта прошли въ хлопотахъ, за которыми онъ не видалъ себя.

Въ концѣ лѣта онъ почувствовалъ сначала усталость, а потомъ скуку. Хозяйственныя заботы опротивѣли ему. Онъ тотчасъ-же и неопровержимо созналъ, что все это время онъ лгалъ самъ себѣ, и что впередъ ему уже не удастся обмануть себя. Самообманъ принесъ однако нѣкоторую пользу. Онъ сталъ лучше спать, больше ѣсть, состояніе его духа какъ будто сдѣлалось спокойнѣе.

Главное, надо постараться не думать *о томъ* и тотчасъ-же найти себѣ еще какое-нибудь дѣло. А пока онъ напишетъ ей, разскажетъ ей все, что̀ съ нимъ было, она же пусть придумаетъ что-нибудь. Да даже, если не придумаетъ ничего, а только от-

вѣтитъ, ужь это будетъ хорошо. Онъ написалъ ей и немедленно получилъ отвѣтъ. Письмо было коротко, холодно, не такое, какого онъ ждалъ, но это было ея письмо, и онъ обрадовался ему. Ему улыбалась мысль завести съ ней переписку, вызвать ее на откровенность и самому относиться къ ней совершенно искренно. Онъ чувствовалъ потребность раскрыть передъ кѣмъ-нибудь свою душу, а кто же, какъ не она, все пойметъ, все проститъ и можетъ-быть утѣшитъ. Онъ написалъ ей еще два раза; она отвѣчала. Послѣднее ея письмо онъ перечитывалъ по нѣскольку разъ. Она звала его въ Петербургъ, говорила, что въ концѣ августа непремѣнно пріѣдетъ туда и хочетъ его видѣть. Это письмо пробудило въ немъ неясную надежду на какое-то счастіе, на что-то хорошее и свѣтлое впереди. Въ этомъ письмѣ былъ намекъ на то, что̀ они оба знали и раньше, но что̀ только теперь въ первый разъ сказали себѣ. Но онъ-то почему не подумалъ объ этомъ прежде? какъ могъ онъ позволить тогда ей уѣхать безъ себя? Онъ долженъ былъ тогда-же все высказать ей. И онъ не мучился бы, не страдалъ бы такъ. Счастье было въ его рукахъ, но и въ него онъ внесъ свое обидное недоумѣніе. Онъ повѣрилъ ему только на одну минуту и въ слѣдующую уже отвернулся отъ него и тогда почувствовалъ себя еще безпріютнѣе, еще несчастнѣе. Но все еще можно поправить, все можно вернуть. Къ ней, къ ней! Чего онъ хотѣлъ отъ этой женщины? кѣмъ представлялъ онъ ее себѣ? женой, хозяйкой дома, матерью своихъ дѣтей? любовницей? Ничего подобнаго ему не приходило въ голову. Ему хотѣлось только одного: знать, что она близко, что онъ, когда хочетъ, можетъ прійти къ ней, видѣть ее, сѣсть у ея ногъ, положить къ ней на колѣни свою бѣдную, усталую голову и плакать, плакать до изнеможенія, до потери сознанія. Онъ отдохнетъ около нея. Онъ, какъ тогда въ Петербургѣ, будетъ по цѣлымъ днямъ сидѣть у нея и чувствовать, что рядомъ бьется родное ему сердце, что на него смотрятъ ея милые, чудные глаза. Онъ самъ себѣ не умѣлъ разсказать, что̀ звало и манило его къ ней. Онъ зналъ только, что около нея

жизнь, и что она любитъ его. Онъ тогда былъ увѣренъ въ этомъ.

Въ концѣ августа онъ полетѣлъ въ Петербургъ. Онъ пріѣхалъ счастливый, веселый, полный надеждъ. Онъ никогда не помнилъ себя такимъ. У него точно выросли крылья. Онъ справился о ней въ гостиницѣ, гдѣ она обыкновенно останавливалась. Ея не было. Вѣрно, еще не пріѣхала. Онъ подождетъ, будетъ ждать сколько угодно. Вѣдь онъ все-таки увидитъ ее. Какъ они встрѣтятся? что̀ онъ скажетъ ей? Его восторженное настроеніе продолжалось, но и нетерпѣніе увеличивалось. Онъ написалъ ей по тому адресу, куда писалъ прежде, и не получилъ отвѣта. Имъ овладѣло безпокойство. Что̀ съ ней? или она не хочетъ? можетъ-быть больна, уѣхала еще куда-нибудь? Онъ сталъ наводить справки. То, что̀ онъ узналъ, было ужасно. Она умерла. Онъ сначала не повѣрилъ. Она была вся жизнь, и рядомъ съ ней не было мѣста представленію о смерти. Отчего онъ ни разу не подумалъ, что она могла умереть?

Умерла! Тупая, безсильная ярость къ чему-то безсмысленному, слѣпому и неумолимому поднялась въ немъ. Это была страшная несправедливость, которая возмущала всю его душу и съ которой онъ не могъ помириться. Развѣ онъ можетъ простить ея смерть? Тутъ не одно только горе, страданіе,—тутъ безпощадный, страшный приговоръ ему самому.

Онъ остался въ Петербургѣ, не зная, зачѣмъ, но зная, что уѣхать нельзя. Онъ живетъ здѣсь вотъ ужъ три мѣсяца, безучастно относясь ко всему окружающему. Онъ не имѣетъ опредѣленныхъ привычекъ, не заботится о своихъ удобствахъ, не думаетъ о дѣлахъ. Онъ отлично сознаетъ, почему это такъ. Очень просто. Онъ еще не пришелъ къ окончательному рѣшенію, но знаетъ, что все это на-время и на короткое время. Онъ позволяетъ лакеямъ распоряжаться своей особой. Они сами назначили часъ его завтрака, обѣда, ужина. Онъ ничего не имѣетъ противъ этого. Его единственный протестъ развѣ только въ томъ, что онъ не завтракаетъ, не обѣдаетъ и не ужинаетъ. Да, у него плохой аппетитъ. И что за безпорядокъ кругомъ! Точно онъ се-

годня уѣзжаетъ. Да вѣдь онъ и вправду не-сегодня-завтра уѣдетъ. Всѣ это знаютъ. Вся прислуга знаетъ это, и на лицѣ служащаго ему оффиціанта онъ каждый день читаетъ вопросъ: изволите ѣхать? Нѣтъ еще. Но не потому, чтобъ онъ откладывалъ. Онъ только твердо увѣренъ, что онъ тутъ нипричемъ, что все сдѣлается само собой, не спросясь его, и что ни отдалить, ни приблизить минуты онъ не можетъ.

Онъ это зналъ уже тогда, когда ему сказали, что ея нѣтъ. Онъ зналъ это и тогда, когда покупалъ себѣ револьверъ, хорошенькую любимую имъ игрушку, и когда позднѣе онъ пріобрѣлъ флаконъ съ хлороформомъ. Вотъ почему онъ не спѣшитъ. Тутъ что-то сильнѣе его. Оно всегда можетъ уничтожить его, и онъ безсиленъ помѣшать своему уничтоженію. Нужно только, чтобъ оно не застало его врасплохъ. Надо сжечь всѣ бумаги и письма. Это надо сдѣлать непремѣнно сегодня и даже сейчасъ, потому-что онъ можетъ не успѣть. Сжечь, сжечь!

VII.

Вотъ о чемъ думалъ Иванъ Дмитріевичъ въ это холодное, сѣрое ноябрьское утро. Свѣча почти вся сгорѣла, и бумага, которою она была обернута, начинала тлѣть. Иванъ Дмитріевичъ потушилъ ее. Который часъ? Богъ знаетъ. Онъ давно потерялъ счетъ времени. Да и на что̀ ему знать время? Развѣ не все равно—вечеромъ или утромъ, днемъ или ночью ходить по комнатѣ и говорить съ самимъ собою. Онъ позвонилъ и велѣлъ затопить каминъ. Пока слуга растапливалъ его, Иванъ Дмитріевичъ переодѣлся. Слуга ушелъ.

Иванъ Дмитріевичъ взялъ приготовленную имъ пачку писемъ и бумагъ и, положивъ ее на огонь, сѣлъ на обитый ковромъ полъ тутъ-же у камина и, не сводя глазъ, смотрѣлъ, какъ она горѣла. Онъ смотрѣлъ на то, какъ каждый листокъ поднимался кверху, завертывался огненной стружкой, обливался сначала ярко-розовымъ свѣтомъ, потомъ вдругъ вспыхивалъ весь ровнымъ

желтымъ пламенемъ, отрывался и уносился въ трубу. А вслѣдъ ему уже спѣшилъ другой такой-же листокъ, а потомъ третій, четвертый и еще, еще—безъ конца. Наконецъ они всѣ сгорѣли. Огонь весело трещалъ въ каминѣ. Огненныя искры поднимались отъ дровъ и, закрутившись, стремительно улетали вверхъ. Иванъ Дмитріевичъ вдругъ почувствовалъ, что у него на душѣ стало легко, почти весело. Онъ обрадовался этому чувству. Неожиданно мысли его приняли игривое направленіе. Ему захотѣлось смѣяться, шалить. На него и прежде находили такіе порывы, но это было уже давно. Тогда еще онъ кутилъ, жуировалъ здѣсь, въ Петербургѣ, поддерживалъ дружескія связи со «всѣми нашими» и увлекался Миной.

Кстати, Мина! Онъ поѣдетъ къ ней и сегодня-же. Какъ это онъ могъ совсѣмъ забыть ее, эту пикантную, веселенькую Мину, русскую, выдававшую себя за француженку и извѣстную въ ихъ кружкѣ умѣньемъ болтать самый безцеремонный, милый вздоръ, который тѣмъ болѣе возбуждалъ смѣхъ, чѣмъ былъ безсмысленнѣе. Разумѣется, онъ поѣдетъ къ ней. Она развлечетъ его. Она такая смѣшная. Припоминая анекдоты, которые ходили на ея счетъ между молодежью, онъ искренно и весело засмѣялся. Лицо его еще сохраняло веселое, лукавое, какъ-бы подмигивающее выраженіе, когда онъ садился на извозчика.

— Куда прикажете, ваше сіятельство?

Иванъ Дмитріевичъ назвалъ улицу и домъ.

Знакомый извозчикъ, который возилъ его уже нѣсколько лѣтъ, усмѣхнулся и, почтительно-фамильярно обернувшись къ нему, произнесъ:

— Давненько не изволили бывать, Иванъ Дмитріевичъ.

— Что дѣлать, братецъ,—дѣла. Не до того было, отвѣтилъ привычной фразой Балангинъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ онъ такъ привыкъ ссылаться на какія-то невѣдомыя ему самому дѣла, что, кажется, и самъ теперь сталъ вѣрить, что эти дѣла были дѣйствительностью, а не фикціей.

Веселое настроеніе духа продолжалось.

Воспоминанія были все пріятныя, какъ-то отдѣльно стоявшія

отъ всего остальнаго, неимѣвшія никакой связи съ тѣми тупыми, болѣзненными ощущеніями, которыя переполняли повременамъ его внутренній міръ.

«Très-crâve, la petite! du galbe et du geste!» вспомнилось ему вдругъ. Эту фразу онъ слышалъ отъ француза, ужинавшаго какъ-то съ нимъ и съ Миной. Она очень понравилась ему тогда, и теперь онъ съ удовольствіемъ повторилъ её.

Du galbe, du galbe...

Что̀ это такое galbe? Да, это вотъ что̀! И въ воображеніи его нарисовались густо напудренныя плечи Мины, выступавшія изъ низко вырѣзаннаго корсажа, полная шея, туго перетянутая талія, соблазнительно колеблющаяся походка и пухлыя бѣлыя руки съ ямочками на локтяхъ, подкрашенныхъ карминомъ.

Мина давно не видала его и обрадовалась ему. Онъ пробылъ у нея цѣлый день, удивляя ее своимъ веселымъ расположеніемъ духа, болтая съ ней всякій вздоръ и увѣряя, что она прелесть, и онъ не шутя влюбленъ въ нее. Вечеромъ онъ вздумалъ повезти ее ужинать въ ресторанъ. Мина сидѣла на диванѣ передъ столомъ, на которомъ стояли закуски, фрукты и ликёры.

Иванъ Дмитріевичъ не садился за столъ и ходилъ по комнатѣ. Ему не хотѣлось ѣсть, и видъ стола, заставленнаго блюдами, раздражалъ его. Онъ взглянулъ на Мину, которая лѣниво ощипывала вѣточку винограда и пила маленькими глотками ликёръ. Лицо ея показалось ему глупымъ, грубымъ. Что-то брезгливое и злое поднялось въ его душѣ. Онъ хотѣлъ сказать ей какую-нибудь дерзость, но удержался и только замѣтилъ:

— Вы очень раскраснѣлись. Это къ вамъ нейдетъ. Вы много пьете.

— Вовсе нѣтъ. Здѣсь жарко.

Иванъ Дмитріевичъ вынулъ изъ бумажника три радужныхъ, сложилъ ихъ вѣеромъ и, подсѣвъ къ Минѣ, сталъ обмахивать ея лицо и шею.

— Подарите мнѣ одну, жеманясь шепнула она.

Иванъ Дмитріевичъ пожалъ плечами.

Мина надула губки.

Ему показалось, что онъ обидѣлъ ее. За что̀ же? И потомъ ему совсѣмъ не нужны эти деньги, онъ знаетъ это. А ей можетъ-быть и вправду нужны. Да, наконецъ, пусть покупаетъ себѣ, что̀ вздумается, если это ее тѣшитъ. Онъ положилъ передъ ней всѣ три бумажки. Она сначала не повѣрила; потомъ свернула ихъ въ тонкую трубочку и съ торжествомъ засунула за корсажъ.

— Вотъ теперь вы милый, сказала она.—Поѣдемте кататься. Здѣсь скучно.

— Отличная мысль. Поѣдемъ, тотчасъ-же согласился Иванъ Дмитріевичъ.

Дорогой Мина развеселилась и безъ умолку болтала. Иванъ Дмитріевичъ ея не слушалъ.

— Поѣдемте въ «Каскадъ», предложила Мина.

— Ахъ, полно, пожалуйста, съ какой стати, съ досадой возразилъ Иванъ Дмитріевичъ. Ему вдругъ неудержимо захотѣлось вернуться къ себѣ въ номеръ, сѣсть передъ пылающимъ каминомъ, чувствовать себя совершенно одинокимъ—онъ любилъ это чувство полнаго одиночества—и думать тупо, напряженно, все объ одномъ.

— Если еще не надоѣло, ты можешь ѣхать, куда угодно, обернулся онъ къ Минѣ:—а я сейчасъ хочу домой.

— Ужинъ, бутылку лафита и затопить каминъ, приказалъ онъ, вернувшись къ себѣ. Когда все было исполнено, онъ заперъ номеръ, отыскалъ въ письменномъ столѣ уцѣлѣвшія отъ сожженія письма и, держа ихъ въ рукѣ, опустился по своей привычкѣ на полъ у камина. Онъ зналъ эти письма наизусть и не хотѣлъ читать ихъ и возобновлять непріятное впечатлѣніе, полученное имъ при чтеніи ихъ сегодня утромъ. Онъ теперь понялъ, почему прежде они казались ему иными.

Прежде изъ-за строкъ этихъ писемъ онъ видѣлъ ея глаза, ея улыбку, мягкій жестъ руки, которымъ она обыкновенно сопровождала свою рѣчь. Прежде рядомъ съ этими письмами являлось представленіе чего-то яркаго, жизненнаго, свѣтлаго и теплаго, что̀ животворило ихъ и дѣлало ихъ такими, какими онъ

любилъ и берегъ ихъ. А теперь онъ смотритъ на нихъ и въ воображеніи его встаетъ что-то холодное, страшное, застывшее, мертвое... Онъ вздрогнулъ и бросилъ ихъ въ огонь. Онъ не смотрѣлъ, какъ они горѣли. Онъ думалъ о другомъ. Онъ думалъ о томъ, что онъ любилъ эту женщину, хотя самъ не понималъ того, какъ и за что̀ любилъ ее. Онъ зналъ только, что съ ней все было тепло и свѣтъ, а безъ нея все—ココмракъ и холодъ. А она? любила-ли его она? Нѣтъ, она не любила его, да и никого не любила эта женщина-сфинксъ съ свѣтлымъ челомъ, съ страдальческимъ выраженіемъ сіяющаго торжествомъ лица, съ затаенной грустью въ глубокихъ, блещущихъ глазахъ. А можетъ-быть и она любила его? Но все равно. Онъ только зналъ, что безъ нея онъ не живетъ и не жилъ всѣ эти ужасные, какъ кошмаръ, мѣсяцы, и не будетъ жить, по крайней мѣрѣ не останется больше здѣсь. Надо уйти отсюда и какъ можно скорѣе, завтра-же. Но куда уйти? И вдругъ лицо его освѣтилось надеждой, почти радостью. Онъ уѣдетъ заграницу.

Какъ могла ему не прійти раньше эта мысль? Какъ могъ онъ, человѣкъ независимый, ничѣмъ несвязанный, обладающій состояніемъ, не подумать объ этомъ раньше? Кстати о состояніи. Онъ даже не знаетъ, есть ли оно у него, и какое. Все это время онъ не давалъ себѣ труда прочитывать аккуратно присылаемыя изъ имѣнія письма управляющаго. Можетъ-быть у него ничего нѣтъ. Но это, разумѣется, нисколько не мѣняетъ дѣла. Онъ твердо вѣрилъ въ то, что, при сильномъ желаніи, разстоянія и препятствія не существуютъ. Онъ не могъ себѣ представить, чтобъ можно было захотѣть уѣхать и чтобъ отъѣзду могло помѣшать такое ничтожное обстоятельство, какъ неимѣніе денегъ. Онъ не зналъ, что̀ сдѣлалъ бы въ такомъ случаѣ: взялъ бы взаймы, заработалъ бы, наконецъ отправился бы пѣшкомъ. Все равно, способы сами найдутся. Нужна только воля. Воля, онъ зналъ это, у него была, и несокрушимая. Но у него, вѣроятно, найдутся и деньги. Можно заложить имѣніе, если оно еще не заложено. Ахъ, да что̀ объ этомъ думать! Это самое послѣднее. Заграницу, заграницу! Вотъ гдѣ онъ обновится душой и сдѣлается другимъ человѣ-

комъ. Тамъ совсѣмъ другая жизнь, другіе люди. Тамъ небо, лѣсъ, рѣки, все должно быть другое. А горы? а море? Онъ никогда не видалъ ихъ. Онъ зналъ ихъ только по картинамъ, но всегда любилъ ихъ, не отдавая себѣ въ томъ отчета. Заграницу, заграницу! Иванъ Дмитріевичъ почувствовалъ, что усталъ.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ положительно ничего не дѣлаетъ и все время проводитъ, лежа на диванѣ, или сидя въ мягкомъ креслѣ, но никогда раньше не испытывалъ онъ такого болѣзненнаго, мучительнаго утомленія. Все тѣло его ныло, какъ разбитое, и каждое его движеніе сопровождалось ощущеніемъ ужасной усталости, почти страданія.

Каминъ тихо погасалъ. Послѣднія головни, догорая, обращались въ кучу сѣраго пепла. Пламя, отражаясь на бѣлыхъ, тюлевыхъ гардинахъ, обливало ихъ ровнымъ, нѣжно-розовымъ заревомъ.

Иванъ Дмитріевичъ поднялся съ пола, поспѣшно раздѣлся и бросился въ холодную постель. Онъ заснулъ мгновенно тѣмъ тяжелымъ сномъ, который вотъ ужъ два мѣсяца посѣщалъ его. Этотъ сонъ продолжался отъ двухъ до четырехъ часовъ и былъ такъ крѣпокъ, что ничто не могло нарушить его. Сознаніе иногда бодрствовало. Иванъ Дмитріевичъ слышалъ и понималъ все, что дѣлалось кругомъ, — слухъ становился при этомъ особенно тонокъ,—но тѣло его продолжало сохранять неподвижность. Онъ не могъ раскрыть ротъ, поднять отяжелѣвшія вѣки, переложить ногу, протянуть руку.

Каждый разъ послѣ такого сна Ивану Дмитріевичу казалось, что съ пробужденіемъ прекращался какой-то дикій, угнетающій кошмаръ. Такимъ сномъ заснулъ онъ и теперь.

VIII.

Проснувшись на другой день, Иванъ Дмитріевичъ медленно провелъ рукой по покрытому мелкими каплями холоднаго пота лбу съ прилипшими къ вискамъ влажными волосами и рѣшилъ,

что надо ѣхать. Куда? Объ этомъ онъ не думалъ. Онъ сталъ одѣваться такъ, какъ обыкновенно одѣвался за послѣднее время. Быстро причесавшись, онъ бросался въ кресло, какъ-бы желая отдохнуть отъ только-что испытаннаго напряженія, пока также стремительно не начиналъ умываться, послѣ чего опять садился отдыхать.

Такимъ образомъ туалетъ его длился иногда цѣлые часы. Онъ всегда имѣлъ привычки порядочнаго человѣка и сохранялъ ихъ и теперь независимо отъ себя самого, единственно потому, что всегда такъ было, и никогда не было иначе. Но на этотъ разъ онъ видимо заботился о своей внѣшности. Онъ причесался къ лицу, выбралъ красивый галстухъ, даже надушился, чего уже давно съ нимъ не случалось.

Было уже поздно, когда Иванъ Дмитріевичъ былъ наконецъ готовъ. На улицахъ скоро зажгутъ газъ. Иванъ Дмитріевичъ оглянулся кругомъ. Въ комнатѣ стоялъ тотъ сѣрый полумракъ, который былъ такъ ненавистенъ ему. На его мутномъ фонѣ, какъ черное пятно, выдѣлялся потухшій каминъ. Нетронутый ужинъ и непочатая бутылка лафита еще стояли на столѣ. Ивану Дмитріевичу вдругъ показалось, что здѣсь и сыро, и холодно, и неуютно. Ему стало жутко. Голова его была тяжела, въ глазахъ его стоялъ какой-то туманъ. Онъ поспѣшно накинулъ шинель и вышелъ изъ номера.

Спускаясь по лѣстницѣ, онъ замѣтилъ, что голова его сильно кружится. Что, если онъ упадетъ? Онъ принудилъ себя посмотрѣть внизъ и ужаснулся. Это не лѣстница. Онъ не различаетъ ступенекъ. Онъ видитъ только что-то безконечно длинное, бѣлое. Да это ледяная гора! Онъ катится по ней быстро, быстро до самаго низу, разбиваясь вдребезги. И тамъ внизу уже не будетъ его, а только то, что̀ останется отъ него: окровавленные куски мяса, раздробленныя кости и цѣлыя лужи крови, его крови! Иванъ Дмитріевичъ тряхнулъ головой, чтобъ отогнать отъ себя это ужасное представленіе. Что̀ это съ нимъ? ужъ не бредитъ-ли онъ? Нѣтъ, это все разстроенные нервы. Этотъ проклятый сонъ не освѣжаетъ его, онъ только утомляетъ и уноситъ его послѣд-

нія силы. Вдругъ подавляющая мысль посѣтила его. Неужели сейчасъ будетъ то? Не можетъ быть. То всегда является внезапно, неожиданно, то поражаетъ вдругъ, какъ громъ. Нѣтъ, это голова болитъ, голова кружится. И въ то-же мгновенье мучительная, невыносимая тоска по чемъ-то невѣдомомъ, родномъ и далекомъ поднялась въ его груди и захватила дыханіе. Вся душа его устремилась въ восторженномъ порывѣ отъ земли къ небу. Огненная стрѣла упала сверху и пронизала его мозгъ. Страшный нечеловѣческій вздохъ, почти вопль вырывается изъ его груди. Этого вопля не выдерживаетъ слабое тѣло и, все сотрясаясь, неживое упадаетъ на землю.

Иванъ Дмитріевичъ очнулся у себя въ номерѣ. Онъ лежалъ на диванѣ. Подъ головой у него была подушка. У стола сидѣлъ докторъ. У дверей въ той позѣ, которая выражаетъ постоянную готовность летѣть и все исполнить, стоялъ лакей. Иванъ Дмитріевичъ открылъ глаза, но тотчасъ-же опять закрылъ ихъ. Онъ закрылъ ихъ не потому, что хотѣлъ спать, и не потому, что свѣтъ зажженной свѣчи утомлялъ его, но потому, что ему хотѣлось, чтобъ его приняли за спящаго и оставили въ покоѣ.

Несводившій съ него глазъ докторъ замѣтилъ его взглядъ и наклонился къ нему.

— Ну, какъ вы себя чувствуете?

Иванъ Дмитріевичъ сообразилъ, что доктору извѣстно, что онъ не спитъ.

Онъ раскрылъ глаза.

— Благодарю. Совершенно хорошо. Голова закружилась.

Говоря это, онъ ощущалъ, какъ имъ все болѣе и болѣе овладѣваетъ знакомое ему и непріятное чувство смущенія. Оно всегда являлось у него послѣ припадка, и онъ никогда не могъ преодолѣть его, хотя, странное дѣло, почти любилъ свою болѣзнь и въ глубинѣ души даже гордился ею.

— Вы вѣрно хотите спать, сказалъ докторъ:—спите. Мы не будемъ вамъ мѣшать.

— Который часъ?

— Семь часовъ.

Иванъ Дмитріевичъ проспалъ два часа. Онъ давно уже не спалъ такимъ хорошимъ, крѣпкимъ и здоровымъ сномъ. Онъ чувствовалъ, что отдохнулъ и былъ бодрѣе обыкновеннаго. Правда, голова все еще была тяжела, немного ныла спина и болѣлъ затылокъ, какъ всегда послѣ припадка, но въ общемъ ему было хорошо. Чувство глубокаго, торжественнаго покоя охватило все его существо. Онъ испытывалъ то ощущеніе, которое бываетъ у выздоравливающихъ послѣ тяжелой болѣзни, когда человѣкъ еще слабъ и безпомощенъ, но силы его прибавляются постепенно и замѣтно, и все наболѣвшее тѣло отдыхаетъ въ сладкой, лѣнивой истомѣ. Иванъ Дмитріевичъ вспомнилъ, что упалъ, собираясь уходить. Куда же онъ шелъ? Онъ забылъ, но онъ знаетъ, что долженъ ѣхать. Куда же это онъ хотѣлъ ѣхать? Ну, все равно. Тамъ на лѣстницѣ онъ узнаетъ. Только надо скорѣе. Онъ сошелъ внизъ. Предупредительный швейцаръ почтительно, но съ сознаніемъ собственной необходимости, распахнулъ передъ нимъ тяжелую дверь. Иванъ Дмитріевичъ вышелъ на подъѣздъ и вспомнилъ. Онъ зналъ теперь, куда ему нужно ѣхать.

— На московскій вокзалъ, сказалъ онъ, садясь на извозчика.

IX.

Иванъ Дмитріевичъ торопливо расхаживалъ по вокзалу. Выраженіе ожиданія, написанное на всѣхъ окружавшихъ его лицахъ, невольно сообщилось и ему. Время отъ времени онъ нетерпѣливо и тревожно поглядывалъ на дверь: вотъ-вотъ она отворится, и войдетъ кто-то, кого онъ ждетъ. Но дверь отворялась и затворялась, пропуская незнакомыхъ ему людей. Иванъ Дмитріевичъ зналъ, что ждать ему некого и что съ одной стороны даже хорошо, что онъ никого не ждетъ; тѣмъ не менѣе вся фигура его выражала стремительность и нетерпѣливое порыванье впередъ. Замѣтивъ, что многіе уже запаслись билетами, онъ подошелъ къ кассѣ второго класса и протянулъ трехрублевую бумажку.

— Билетъ.

— Куда изволите ѣхать? сухо освѣдомился кассиръ.

Иванъ Дмитріевичъ молчалъ, точно не слыхалъ вопроса.

— Куда ѣдете? еще суше повторилъ тотъ.

Иванъ Дмитріевичъ съ секунду растерянно глядѣлъ на него. Онъ не помнилъ ни одной станціи по этой желѣзной дорогѣ. Вдругъ хитрая усмѣшка мелькнула у него на губахъ.

— Видите-ли, я провожаю даму, заговорилъ онъ,—и мнѣ все равно, до какой станціи. Не очень далеко, понимаете?

— Такъ возьмите билетъ до Ипатовки.

— До Ипатовки? Отлично.

Онъ взялъ билетъ и повернулся, чтобъ уйти.

— Сдачу забыли, крикнулъ ему вслѣдъ кассиръ.

Иванъ Дмитріевичъ вернулся. Неловко, торопясь и волнуясь, онъ сталъ собирать мелочь, плохо попадая дрожащими пальцами въ отдѣленія кошелька и чувствуя, что на лицѣ его выступаетъ глупая, совсѣмъ ненужная улыбка, а нижняя губа отпадаетъ и вздрагиваетъ, несмотря на его усилія придать лицу твердое и спокойное выраженіе. Кассиръ съ любопытствомъ посматривалъ на него сквозь окошечко.

— Послушайте, вѣдь вамъ придется остаться тамъ на станціи всю ночь, сказалъ онъ:—встрѣчный поѣздъ пойдетъ только въ восемь часовъ утра.

— Это ничего, все равно, отвѣчалъ Иванъ Дмитріевичъ, между тѣмъ какъ на лицѣ его появилось просительное, робкое, почти униженное выраженіе. Онъ вышелъ на платформу. Царствовавшая здѣсь обычная суетня развлекла его.

Артельщики, вносившіе вещи, пассажиры, отыскивавшіе мѣста, кондукторы, опрашивавшіе билеты, шумъ, говоръ, толкотня— все это встряхнуло и ободрило его.

Онъ поправилъ на головѣ бобровую шапку, привычнымъ движеніемъ повелъ правымъ плечомъ къ уху воротникъ шинели и ловко вскочилъ на подножку вагона.

Ивану Дмитріевичу такъ часто приходилось ѣздить по желѣзной дорогѣ, что вагонъ всегда производилъ на него впечатлѣніе чего-то очень знакомаго. Въ вагонѣ онъ чувствовалъ себя дома. И теперь онъ выбралъ себѣ удобное мѣсто въ отдѣленіи

для некурящихъ, постарался получше расположиться и, устроившись, сталъ нетерпѣливо ждать, когда тронется поѣздъ. Послышался третій звонокъ.

— Наконецъ-то, вслухъ проговорилъ Балангинъ.

— Далеко изволите ѣхать?

Тутъ только Иванъ Дмитріевичъ замѣтилъ, что онъ не одинъ. Въ противоположномъ углу сидѣлъ человѣкъ высокаго роста, съ сѣдой бородой, въ широкой енотовой шубѣ и высокой шапкѣ, повидимому купецъ.

— До.... Иванъ Дмитріевичъ вынулъ билетъ и посмотрѣлъ на него:—до Ипатовки.

— По дѣлу изволите ѣхать, или въ имѣніе?

— Въ имѣніе, не задумываясь, отвѣтилъ Иванъ Дмитріевичъ.

— Такъ-съ.

Купецъ помолчалъ.

— А позвольте спросить, началъ онъ опять,—вамъ сколько верстъ въ сторону?

— Близко.

— Лошадей своихъ имѣете, или на обывательскихъ?

— Свои.

Разговоръ опять прекратился.

— Скажите, пожалуйста, вдругъ спросилъ Иванъ Дмитріевичъ,—вѣдь, кажется, здѣсь недавно бросился человѣкъ подъ поѣздъ?

— Да вѣдь что̀ же, развѣ въ нонѣшнее время рѣдкость, словоохотливо отвѣчалъ купецъ.—А это что точно случай былъ, и ежели про то самое изволите говорить, такъ и человѣка того даже очень хорошо знаю: артельщикъ нашъ, Михайлой звать.

— Съ чего же это онъ?

— Да какъ вамъ сказать? Сомнительный былъ человѣкъ, однако ни въ чемъ не замѣченъ. Такъ, глупый былъ человѣкъ, ну, и померъ глупо.

— Почему же глупо?

— Безъ всякаго соображенія Бросился онъ на всемъ ходу, какъ разъ значитъ между вагонами, ну, буферами всего въ мел-

кій порошокъ и стерло. Что̀ муки одной принялъ человѣкъ. Однако голова осталась.

— Живая? неожиданно для самого себя спросилъ Иванъ Дмитріевичъ, смутно чувствуя, что говоритъ какую-то нелѣпость.

Купецъ, сощурившись, насмѣшливо посмотрѣлъ на него и залился непріятнымъ, жиденькимъ смѣхомъ.

— Помилуйте, что̀ вы это? Какъ можно, чтобъ мертвая голова была живая? Мертвая-съ, какъ есть мертвая. А только что не такъ эти дѣла дѣлаются.

— А какъ же?

— Съ разсчетомъ. Безъ разсчета никакъ нельзя. Чтобъ все, значитъ, гладко и безъ сумлѣнія.

— Да вѣдь онъ умеръ?

— Это точно-съ. Только мука эта совсѣмъ лишняя. Ну, и деньги, что̀ съ собой везъ, долженъ былъ хозяину предоставить, коли ужъ такая его мысль была. Да что, несообразительный совсѣмъ былъ человѣкъ-съ!

Иванъ Дмитріевичъ отвернулся. Приложивъ горячій лобъ къ холодному, запотѣвшему стеклу, онъ пристально вглядывался въ непривѣтную, холодную, темную ночь. Равномѣрное колыханье вагона тихо убаюкивало его. Въ ушахъ зазвучала знакомая, давно забытая пѣсня. Что̀ это за пѣсня? Мать-ли пѣвала ее ему, укачивая его на рукахъ своихъ, няня-ли унимала ею его дѣтскія слезы? Богъ-вѣсть откуда приходятъ и куда уносятся эти звуки.

Глаза его закрылись и устремились внутрь его самого. Что̀ это болитъ и бьется, дрожитъ и звенитъ въ самой глубинѣ его существа? То болитъ и бьется его сердце, то дрожатъ и звенятъ, накипая, слезы. Онѣ поднимаются къ самому горлу, щекотятъ и щиплютъ внутри его, и заодно съ ними со дна души его встаютъ какія-то давно зарытыя, схороненныя, могучія силы, и что-то молодое, свѣжее, жгучее и больное растетъ въ груди и давитъ ее, и тѣснитъ, и мѣшаетъ дышать. Онъ-ли это сидитъ въ вагонѣ, или другой какой человѣкъ? Нѣтъ, это не онъ. Настоящій онъ остался тамъ, гдѣ-то назади, далеко, далеко, силь-

*

ный, бодрый, здоровый, радостный. Что тамъ вдали свѣтлое, яркое, ласкаюшее и нѣжащее, какъ солнечный лучъ? что оставилъ онъ тамъ назади и отчего съ любовью и грустью оглядывается онъ туда?

Молодость, молодость!

И, по необъяснимой, но вѣрной и понятной аналогіи, передъ нимъ встаетъ далекій зеленокудрый красавецъ-лѣсъ съ прилегающими къ нему желтыми полосами волнующейся ржи, съ изумрудной опушкой изъ молодыхъ съ тонкими вершинками березокъ, съ таинственнымъ мракомъ прохладной чащи, съ цѣлыми потоками горячаго, сверкающаго свѣта. Яркое солнце дрожитъ и смѣется сквозь вѣтви деревьевъ, серебря и золотя тонкія, молоденькія, отдѣльныя вѣточки съ смолистыми блѣдными листочками, рисующимися на безоблачномъ фонѣ неба. Вотъ оно прорвалось сквозь чащу, горячей, сверкающей волной хлынуло на притаившуюся въ глубинѣ лѣса, за высокими, хмурыми соснами и искривленными живописными березами, полянку и потопило ее въ цѣломъ морѣ золота. Свѣтъ заструился, замигалъ, заигралъ въ высокой цвѣтущей травѣ, на высоко-поднятыхъ блѣдно-желтыхъ верхушкахъ сухихъ былинокъ, загорѣлся брилліантами въ темнозеленыхъ чашечкахъ трилистника, гдѣ еще не успѣла высохнуть роса, и всему придалъ и жизнь, и душу, и краски. Хочется лечь въ душистую, мягкую траву, закинуть голову и смотрѣть, смотрѣть безъ конца въ голубое, безоблачное, пыльное отъ зноя небо.

А кругомъ тихо-тихо.

Это волшебная тишина, и ничто не можетъ нарушить ее, но все дѣлаетъ ее еще болѣе торжественной: и легкій шелестъ шепчущихъ наверху листьевъ, и стрекотанье и жужжанье насѣкомыхъ въ травѣ, и тяжело-шуршащій полетъ шмеля, и веселое щебетанье лѣсной птички.

А кругомъ тихо-тихо.

И, благодаря этой тишинѣ, каждый звукъ получаетъ особенное значеніе и долго стоитъ и дрожитъ въ воздухѣ, независимо отъ другихъ звуковъ и въ то-же время сливаясь съ ними въ

одну общую и стройную гармонію. И заодно со всей природой живетъ, и дрожитъ, и бьется его сердце. Онъ прислушивается къ его ударомъ и считаетъ ихъ.

Они становяться все тише, все рѣже. Ахъ, что̀ это дѣлается съ его сердцемъ? отчего сжимается оно? Вотъ сейчасъ что-то оборвется въ немъ, и оно въ послѣдній разъ стукнетъ и замретъ въ мучительной, безысходной, непосильной тоскѣ...

X.

— Станція Ипатовка, поѣздъ стоитъ восемь минутъ! прозвучалъ заученый, пѣвучій возгласъ кондуктора.

Иванъ Дмитріевичъ встрепенулся. Купецъ, нагруженный кульками, съ трудомъ пролѣзалъ въ узкую дверь. Иванъ Дмитріевичъ поднялся, хотѣлъ-было надѣть шинель, но раздумалъ. Онъ сложилъ ее мѣхомъ вверхъ, свернулъ комомъ и сунулъ въ уголъ дивана. Выйдя на тормазъ, онъ оглянулся. Направо была станція; тусклые фонари насмѣшливо мигали въ темнотѣ, окутанные вырывавшимся изъ дверей паромъ. Налѣво безконечно бѣлѣла, выдѣляясь изъ мрака, снѣжная пелена.

Никто не увидитъ его.

Онъ сунулъ голову подъ желѣзный прутъ, запиравшій сходни вагона, и спрыгнулъ на снѣгъ. Онъ почувствовалъ, что сразу окунулся въ сырость, холодъ и мракъ. На одну секунду онъ было остановился въ раздумьи, но вдругъ, какъ-бы почуявъ за собой погоню, побѣжалъ такъ быстро, какъ только несли его ноги, скользя, спотыкаясь и увязая въ рыхломъ снѣгу. Онъ бѣжалъ, пока не усталъ. Тогда онъ остановился и обернулся назадъ. Саженяхъ въ десяти отъ него, мѣрно и тихо дыша, отдыхало чудовище. Онъ замѣтилъ чернѣвшуюся шпалу, съ которой смело снѣгъ, и опустился на нее на колѣни. Онъ вспомнилъ, что на головѣ у него шапка. Она показалась ему лишнею. Онъ снялъ ее и положилъ рядомъ. Внезапный порывъ вѣтра поднялъ его волосы. Онъ почувствовалъ, какъ вдругъ остыли у него

виски, вся кожа стала какъ будто втягиваться внутрь, и кровь медленно потекла отъ головы къ сердцу, которое дѣлалось все шире и тяготило болѣзненно-нывшую грудь. Онъ ждалъ. Ему казалось, что передъ нимъ безконечно долгое время.

«Захочу и сейчасъ встану, и уйду», вдругъ мелькнуло у него въ головѣ: «двадцать разъ еще успѣю встать и уйти, даже когда онъ двинется». Эта мысль подѣйствовала на него успокоительно. Онъ все стоялъ на колѣняхъ, закинувъ назадъ голову, крѣпко ухвативъ руками борты разстегнутаго сюртука и чувствуя, какъ постепенно холодѣетъ. Онъ не сводилъ глазъ съ фонарей паровоза, и въ утомленныхъ и расширенныхъ зрачкахъ его стоялъ непрерывный, яркій, мигающій свѣтъ. Огненнымъ дождемъ сыплются сверху, съ боковъ искры.

Что̀ это за яркія точки тамъ вдали? Ихъ двѣ, и онѣ не огненнаго, а нѣжно-золотистаго цвѣта. Ахъ! это ея глаза ласково, любовно смотрятъ на него. Вотъ они загораются, темнѣютъ, потухаютъ и вновь вспыхиваютъ тихимъ, лучистымъ, знакомымъ ему свѣтомъ. Милые, чудные! Онъ оторвалъ отъ груди похолодѣвшія руки и въ порывѣ невыразимой любви, тоски и надежды съ мольбой протянулъ ихъ навстрѣчу этому свѣту. Но свѣтъ погасъ. Огненныя искры закружились, замигали, заплясали передъ его глазами и тоже унеслись куда-то. Со станціи донесся звухъ звонка, потомъ свистокъ кондуктора. Что-то тяжелое, грузное заскрипѣло, повезлось, охнуло... Безумный, сотрясающій душу ужасъ овладѣлъ стоявшимъ на колѣняхъ человѣкомъ.

«Встать и бѣжать!» ярко, какъ молнія, блеснуло у него въ мозгу. Но онъ не всталъ и не побѣжалъ. Онъ еще ниже опустился на колѣни, еще крѣпче прижалъ къ груди застывшія руки и весь перегнулся назадъ, какъ-бы подставляя грудь подъ неотразимый ударъ. Что̀ это? молнія? Широкія полосы ровнаго, блѣднаго свѣта одна за другой медленно проносятся передъ его глазами. Мысли самыя неожиданныя вихремъ закружились въ его головѣ. Давно забытыя впечатлѣнія болѣзненно-ярко и живо встали въ его умѣ. Безчисленные образы, быстро смѣняя другъ друга, понеслись передъ нимъ, сталкиваясь, мѣшаясь,

путаясь, и наконецъ слились въ безформенный, безсмысленный и утомительный хаосъ.

Что̀ онъ? гдѣ онъ? что̀ это гремитъ, шумитъ ему навстрѣчу? У него кружится голова и шибко стучатъ виски. Онъ чувствуетъ, что земля дрожитъ подъ нимъ, и что-то гулко и страшно отдается кругомъ. Будто онъ съ головокружительной быстротой скользитъ на колѣняхъ внизъ, прямо навстрѣчу чему-то страшному, неизбѣжному, неумолимому, какъ судьба.

Онъ сдѣлалъ усиліе остановиться и не могъ. Ноги, не слушаясь его, скользили все дальше, все быстрѣе. Онъ уже не видалъ передъ собой фонарей паровоза и понялъ, что они выше линіи его глазъ. На одно мгновенье въ головѣ его явилось ужасное сознаніе конца, смерти. Ему показалось, что черепъ его раздвигается, а мозгъ леденѣетъ и, сжимаясь, превращается въ яркій, прозрачный шаръ, свѣтъ котораго безпощадно разоблачаетъ самые темные уголки его сознанія. И опять свѣтлыя стальныя полосы понеслись у него передъ глазами. Двѣ яркія точки, потухая, сіяли вдали. Чье-то горячее дыханіе обдавало его. Широко раскрывъ отъ ужаса глаза, онъ не мигая глядѣлъ впередъ. Протянутыя руки, безсильныя оттолкнуть надвигавшуюся опасность, коченѣя, ловили воздухъ. Тяжелый, страшный вздохъ гиганта-паровоза въ послѣдній разъ потрясъ слухъ человѣка, окуталъ его собой, заключилъ въ горячія и влажныя объятія и безвозвратно повлекъ въ темную, бездонную пропасть.

Назади станція тонула во мракѣ. Преодолѣвъ препятствіе, паровозъ прибавилъ ходу и съ однообразнымъ шумомъ и лязгомъ, ровно и быстро понесся по рельсамъ, тяжело дыша и содрогаясь всѣмъ своимъ огромнымъ тѣломъ. Страшные глаза-фонари зловѣще, безучастно глядѣли впередъ, въ нѣмую мглу.

Маркъ Басанинъ.

Москва, 1888.

ЗАРНИЦА

Въ дни дѣтства, помню я, бывало, передъ сномъ,
Встревоженъ отблескомъ далекихъ молній ночи,
Я ложе покидалъ и, стоя предъ окномъ,
Въ мерцающую даль вперялъ съ тревогой очи.
Полна казалась мнѣ грозой ночная тишь;
Но отворялася сосѣдняя свѣтлица,
И няня старая входила... „Что̀ не спишь?"
Шептала мнѣ она: „не бойся—то̀ зарница.
Ни бури, ни грозы не будетъ"... И внималъ
Я съ дѣтской вѣрою словамъ успокоенья.
—Зарница! отходя ко сну, я лепеталъ—
И тихія ко мнѣ слетали сновидѣнья.

Съ тѣхъ поръ прошли года—и много шумныхъ грозъ
Надъ головой моей сбиралося... и много
Невзгодъ и радостей въ душѣ я перенесъ,
Тревожно проходя житейскою дорогой.
Какъ знойный лѣтній день, сверкая и гремя,
Въ убранствѣ облаковъ, клубящихся въ лазури,
Мѣняя блескъ и тѣнь, и тишину, и бури,
Крылатымъ праздникомъ промчалась жизнь моя;
И вечеръ наступилъ, и зарево заката
Ужь погружается въ ночную глубину;
Душа безмолвіемъ и сумракомъ объята;
Пора мнѣ отдохнуть, пора идти ко сну...

И вотъ въ холодной тьмѣ надвинувшейся ночи
Я призываю сонъ и отдыхъ—но порой
Бродящія мечты мнѣ вновь сверкаютъ въ очи,
И вспыхиваетъ страсть съ надеждой и тоской.
И вновь, какъ въ дѣтства дни, тревогой тѣхъ мерцаній
Душа испугана, и кто-то въ тишинѣ
Знакомыя слова—слова старухи-няни:
„Не бойся, не томись"—любовно шепчетъ мнѣ.
И меркнутъ призраки, и гаснутъ въ отдаленьи
Ненужныхъ, позднихъ грезъ обманные огни...
—Зарница! говорю я въ тихомъ утомленьи—
А голосъ надо мной твердитъ: „усни, усни!"

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

СКАЗКИ ТАВОЛГИНА

ГЛАВА ИЗЪ РОМАНА «КАРЬЕРА ОЛАДУШКИНА»

Когда редакція «Краснаго цвѣтка» обратилась ко мнѣ, я былъ въ большомъ затрудненіи. Единственная моя статья о Гаршинѣ была уже предоставлена другому сборнику, посвященному его памяти. Написать что-нибудь новое я не могъ по разнымъ обстоятельствамъ. А между тѣмъ мнѣ хотѣлось исполнить просьбу «Краснаго цвѣтка».

Мои воспоминанія о Гаршинѣ очень скудны, я его мало зналъ. Перебирая въ памяти наши немногочисленныя встрѣчи и бесѣды, я натолкнулся на слѣдующій эпизодъ. Дѣло было года три или четыре тому назадъ. Я тогда писалъ романъ, который конечно никогда не увидитъ свѣта, да и меня уже давноересталъ занимать. Но тогда я имъ очень увлекался. На бѣду, кромѣ моихъ обыкновенныхъ занятій, имѣющихъ мало общаго съ беллетристикой, меня стали одолѣвать и другія беллетристическія темы, которыя не укладывались въ рамки задуманнаго романа. Между прочимъ меня особенно мучилъ планъ сказки или полуфантастическаго разсказа. Мнѣ казалось, да и теперь кажется, что самая тема разсказа заслуживаетъ художественной обработки, но я не питалъ никакихъ иллюзій насчетъ своихъ собственныхъ художественныхъ силъ. Съ романомъ я бы справился, такъ какъ здѣсь меня могъ выручить именно сравнительно большой размѣръ задуманной вещи: слабость той или другой главы, образа, картины могла бы искупиться другими, болѣе удачными частями произведенія. Притомъ же большое произведеніе до-

пускаетъ нѣкоторое разнообразіе пріемовъ, и, разъ я не имѣлъ чрезмѣрныхъ претензій, могло бы выйти недурно. Другое дѣло маленькій разсказъ. Онъ мнѣ представлялся сжатымъ, сильнымъ, равномѣрно-художественнымъ отъ первой до послѣдней строчки. Это превышало мои силы, а между тѣмъ сказка не давала мнѣ покоя, мѣшала, и надо было съ этимъ кончить. Разсказывая про эту свою бѣду одному пріятелю, я, не думая объ этомъ раньше, и только тутъ, въ теченіи разговора наведенный на эту мысль, сказалъ ему, что изъ всѣхъ нашихъ молодыхъ беллетристовъ только Гаршинъ могъ бы какъ слѣдуетъ справиться съ темой моей сказки; что къ характеру его таланта и къ складу его мысли она вполнѣ подходитъ, и мнѣ хочется предложить эту тему ему. Пріятель разсказалъ Гаршину, и тотъ при первой-же нашей встрѣчѣ (я жилъ тогда не въ Петербургѣ) заговорилъ объ этомъ. Но меня вдругъ обуяла нелѣпо-жадная и ревнивая любовь къ своему дѣтищу, въ чемъ я тутъ-же откровенно признался покойнику. Сказку я втиснулъ въ свой романъ въ совершенно сыромъ видѣ. Эта «глава изъ романа» была потомъ напечатана въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Если читатель взглянетъ на нее независимо отъ моего изложенія, то согласится, я думаю, что тема сказки дѣйствительно соотвѣтствуетъ характеру таланта и складу мысли Гаршина и что я имѣю основаніе посвятить ее памяти такъ безобразно-рано умершаго молодого писателя. Ее-то я и рѣшился предложить редакціи «Кр. цв.».

1 октября 1888.

Н. М.

Ѣдучи на Выборгскую сторону, въ меблированныя комнаты г-жи Шильдъ, Марья Гавриловна не разъ улыбалась тою особенною, на посторонній взглядъ какъ будто даже глуповатою улыбкой, которая невольно играетъ на лицѣ человѣка, съ увѣренностью разсчитывающаго сейчасъ вотъ, черезъ какія-нибудь нѣсколько минутъ, получить нѣчто очень пріятное. Марья Гавриловна хорошо знала эти меблированныя комнаты. Знала самое г-жу Шильдъ, необыкновенно суровую на видъ, но мягкую серд-

цемъ, высокую, худую шведку, съ жиденькими, сѣдыми волосами подъ бѣлоснѣжнымъ чепчикомъ; знала горничную Мину, миловидную чухонку съ масляными голубыми глазами, твердо увѣренную, что «минѣ риходить» значитъ «я пойду», и заливавшуюся смѣхомъ, когда кто-нибудь изъ русскихъ любезно ломалъ себѣ языкъ для чухонскаго привѣтствія: «хювя пяйвя» или «хювя юётя». Приглядѣлась Дунина и къ обычнымъ жильцамъ г-жи Шильдъ, да и они къ ней приглядѣлись: высокій и мрачный, чахоточный медицинскій студентъ изъ евреевъ, при встрѣчѣ съ нею въ корридорѣ или на лѣстницѣ, почему-то всегда сердито отворачивался, а молодой шведъ-механикъ, при такихъ-же случайныхъ встрѣчахъ, краснѣлъ до самыхъ корней своихъ красныхъ волосъ. Годовыхъ жильцовъ было впрочемъ у г-жи Шильдъ мало, но многіе или почасту наѣзжали или подолгу проживали подъ ея гостепріимнымъ кровомъ. Въ числѣ ихъ былъ и Таволгинъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ какъ суровой г-жи Шильдъ, такъ и игривой Мины. Секретъ благоволенія Мины былъ очень простъ и слагался изъ двухъ моментовъ: во-первыхъ Таволгинъ былъ, какъ говорится, небогатъ да тароватъ, а во-вторыхъ у него часто бывалъ Разстановъ, онъ-же поручикъ Соломірскій или «лютнанти», какъ его величала Мина, а этотъ «лютнанти» могъ, въ числѣ нечаянно съѣденныхъ имъ женскихъ сердецъ, считать и чухонское сердце голубоглазой Мины. Гораздо труднѣе постичь причины пристрастія къ Таволгину со стороны г-жи Шильдъ. Сама она мотивировала его сходствомъ Таволгина съ ея покойнымъ мужемъ, въ удостовѣреніе чего охотно показывала портретъ покойника, висѣвшій въ ея комнатѣ. Но стоило только взглянуть на плотныя, могучія очертанія тѣла г-на Шильдъ, на его цвѣтущую розами и безмятежнымъ выраженіемъ бритую физіономію и потомъ перевести глаза на небольшую, сухую, нервную фигуру Таволгина, на его сѣрое лицо, нѣсколько калмыцкаго склада, съ узкими, блестящими глазами, и сѣрые-же, отъ сильной просѣди, длинные волосы и бороду, чтобы убѣдиться въ пылкости фантазіи г-жи Шильдъ. «Просто она влюблена въ васъ», говорила бывало Марья

Гавриловна Таволгину. Но это было чисто женское и совершенно неосновательное предположеніе, очевидно клеветавшее на почтенныя сѣдины вдовы. Иначе она, конечно, не распространяла бы своего благоволенія на ту-же Марью Гавриловну, красавицу, частую и близкую гостью Таволгина. Г-жа Шильдъ знала, что ея любимецъ женатъ, но съ женой не живетъ. Знала она это только изъ паспорта Таволгина и все-таки очень негодовала на «эту женщину», о которой не имѣла никакого понятія. Неизвѣстная жена Таволгина была уже тѣмъ виновата въ глазахъ г-жи Шильдъ, что не сумѣла оцѣнить или привязать къ себѣ такое сокровище. Однако и на солнцѣ есть пятна. Госпожа Шильдъ знала за своимъ фаворитомъ одинъ очень-очень важный недостатокъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пунктомъ несходства его съ покойнымъ Шильдомъ. А именно: покойникъ пилъ очень много холоднаго шведскаго пунша и «тоди», изрѣдка только, при случаѣ не отказываясь отъ рюмки-другой просто коньяку. Это свидѣтельствовало, по мнѣнію г-жи Шильдъ, о большой деликатности чувствъ и эстетической тонкости покойника. Пристрастіе же Таволгина къ коньяку, при сравнительномъ равнодушіи къ тоди и шведскому пуншу, неоднократно заставляло ее съ сокрушеніемъ покачивать сѣдой головой.

Дунина уже съ полгода не видала Таволгина и очень обрадовалась, найдя у себя вчера вечеромъ его записку. Она знала, что будетъ завтракать у него, и представляла себѣ, какъ онъ, проглотивъ рюмку водки, болѣзненно, почти страдальчески и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшно сморщится. Она знала, что сѣдыхъ волосъ навѣрное еще прибавилось на его головѣ за полгода, но что въ немъ все-таки неприкосновенно сохранилось нѣчто почти юношеское, что̀ объяснялось для нея однимъ изъ его любимыхъ изреченій: «настоящаго града не имамы, но грядущаго взыскуемъ.» Знала Марья Гавриловна, что онъ встрѣтитъ ее словами «моя ясная» и затѣмъ будетъ пересыпать разговоръ множествомъ разнообразныхъ ласкательныхъ именъ. Знала, что онъ будетъ вставлять въ разговоръ коротенькіе отрывки изъ разныхъ стиховъ и что въ декламацію свою введетъ то слишкомъ выразительно-

страстный, то слишкомъ торжественный оттѣнокъ, сдерживаемый внутреннею насмѣшкой надъ самою этою страстностью и торжественностью. Но, что главное, Дунина знала, что ей будетъ хорошо съ Таволгинымъ и развѣ немножко жутко. Можетъ-быть, впрочемъ, потому именно и хорошо, что немножко жутко...

Все произошло какъ по-писанному. У подъѣзда встрѣтился Марьѣ Гавриловнѣ рыжій шведъ-механикъ и, раскланиваясь, густо покраснѣлъ. Мина весело захохотала, когда Дунина сказала ей «хювя пяйвя», и потомъ серьезно прибавила: «минѣ казайть». Это значило, что она пойдетъ сказать Таволгину. Изъ боковой двери выглянуло худое лицо хозяйки, обрамленное бѣлоснѣжнымъ чепчикомъ, и по-возможности привѣтливо улыбнулось и закивало. Таволгинъ встрѣтилъ Дунину радостнымъ восклицаніемъ: «ясная моя!» и сталъ цѣловать ея руки.

— Ну, гдѣ шатались? разсказывайте, безпутный вы человѣкъ, спросила Дунина, удобно усаживаясь на привычномъ мѣстѣ въ углу дивана и весело оглядывая педантически, по-шведски чистенькую комнату съ внесеннымъ въ нее русскимъ «безпутнымъ человѣкомъ» непорядкомъ, и самого этого «безпутнаго человѣка» въ блузѣ, съ зачесанными назадъ длинными, сѣро-сѣдыми волосами.

— По Кавказу, mein liebes Kind, шатался все, по Кавказу... «и надъ вершинами Кавказа изгнанникъ рая пролеталъ»... Да постойте, чѣмъ васъ потчивать-то?

— И закусить дайте, и чаю выпью.

— Сексу, значитъ? Превосходно! Это у насъ живо...

Госпожа Шильдъ очень высоко цѣнила національные скандинавскіе обычаи и очень любила, когда кто-нибудь изъ жильцовъ требовалъ у нея «сексу», то-есть холодныя закуски на скандинавскій манеръ. Скоро Мина явилась съ подносомъ, уставленнымъ маленькими тарелочками, на которыхъ лежала разная вареная, соленая и копченая снѣдь: ломтики колбасы, ветчины, оленины, копченая лососина, салакушкина икра, кильки, сыръ, масло. Кромѣ того, госпожа Шильдъ, сверхъ штата и ожиданія, прислала спеціально для «мамзели Маріа», но вѣрнѣе въ озна-

менованіе пріѣзда Таволгина, бутылку только-что полученной домашней мамуровки. Потомъ явился и самоваръ.

— «Какое торжество готовитъ древній Римъ?» декламировалъ Таволгинъ, откупоривая водку и мамуровку и принимаясь вмѣстѣ съ Дуниной за завтракъ.

— Ну, такъ что̀ же вы на Кавказѣ-то дѣлали?

— Да ничего, милая человѣчица, ровно ничего. Если и были какія дѣлишки, такъ мимоходомъ.

— А хотите теперь работать? Я вамъ могу покровительство оказать, вотъ я какая важная стала!

И Дунина разсказала о своемъ знакомствѣ съ Латошниковымъ и о томъ, что онъ предлагаетъ устроить работу Таволгину.

— Ну его! Не хочу, да и не работается мнѣ теперь. А вы съ Латошниковымъ продолжайте, только знаете какъ? наоборотъ: вы диктуйте, а Латошъ этотъ самый пусть подъ вашу диктовку пишетъ.

— Зачѣмъ вы, Владиміръ Александровичъ, смѣетесь-то надо мной?

— И въ помышленіи не имѣю смѣяться, моя милая дѣвушка, а истинно говорю, серьезно. Вы—умница, а Латошъ не то, чтобы глупъ, а вродѣ вотъ этой тарелки: и мелко, и положить можно что угодно,—можно вотъ колбасу, а можно и лососину... Нѣтъ, я серьезно говорю, подумайте объ этомъ, право...

— Полно вамъ! Какая я писательница. У меня, какъ — гдѣ это говорится?—и «сюжету нѣтъ».

— Сюжету нѣтъ?! Цѣны вы себѣ не знаете, оттого и сюжету нѣтъ. Поройтесь-ка у себя въ головѣ... Да и пустяковое это дѣло, сюжетъ-то. На первый разъ хоть у меня возьмите, мнѣ ихъ просто дѣвать некуда: лѣзутъ, черти, въ голову, а совсѣмъ тутъ не до нихъ... Вамъ по какой части надо?

— Какъ по какой части?

— Да такъ, сюжетовъ-то? беллетристическихъ, историческихъ, философскихъ?

— Вы спрашиваете, точно: вамъ чего нужно—сыру, ветчины или рыбы?

— Ну, вотъ что, ясная моя. Кончимъ завтракать, уберемъ все это къ чорту, сядемъ къ самоварчику и «стану сказывать я сказки, пѣсенку спою, ты жь дремли, закрывши глазки»... хотите?

— Дремать вовсе не хочу, а сказки слушать хочу.

— Превосходно, chère et charmante mademoiselle! Пожалуйте вотъ еще кусочекъ сыру, — такой сыръ самъ шведскій король только по воскресеньямъ ѣстъ... Ишь какъ плачетъ-то! Точно я, когда объ васъ думаю... А вы вотъ смѣетесь! «А дѣва русская Гаральда презираетъ!» Сыръ плачетъ, я плачу, а она смѣется. «И такъ на свѣтѣ все ведется!» Ну, теперь мамуровки рюмочку. Я-то не стану, я лучше за ваше здоровье рюмочку коньяку выпью... Теперь пожалуйте сюда, на президентское кресло, вотъ вамъ чай, заваривайте, вообще хозяйничайте.

Болтая такимъ образомъ, Таволгинъ убиралъ со стола, переставлялъ самоваръ, досталъ изъ шкапчика начатую бутылку коньяку и блюдечко съ мелко нарѣзаннымъ лимономъ, выпилъ, сморщился и закусилъ кусочкомъ лимона.

Улыбка не сбѣгала съ прекраснаго лица Марьи Гавриловны, когда она слушала болтовню Таволгина и смотрѣла на его оживленную физіономію и быстрыя, нервныя движенія. Она налила чаю себѣ и ему и потомъ заявила, что готова слушать сказку.

— Вамъ въ какомъ родѣ? трагическую, комическую, волшебную, натуралистическую?

— Опять: ветчины, колбасы или рыбы?

— Нѣтъ, шутки въ сторону, моя ясная. Право, у меня хорошія темы есть, и право же вамъ надо попробовать.

— Ну, хорошо, хорошо, тамъ увидимъ.

Таволгинъ на минуту задумался, потирая себѣ лобъ своими длинными, худыми пальцами, потомъ встряхнулъ волосами, выпилъ еще рюмку и началъ:

— Ну, слушайте. «Тише! слушайте, ребята! сказка будетъ хороша!».. Называется «Три раза»... Вниманіе, Марья Гавриловна, вниманіе!... Гм... гм... Жилъ былъ... ну, скажемъ, Иксъ. Молодой человѣкъ, учится въ здѣшней, въ петербургской кон-

серваторіи, пѣвецъ. Голосъ неважный, таланта мало, учится такъ себѣ, зря, просто потому, что на эту дорогу, понимаете, попалъ, а инициативы, чтобы на какую-нибудь другую выбраться, — нѣтъ. Даже соревнованія или тамъ зависти къ талантливымъ товарищамъ нѣтъ. Вообще самый заурядный малый. Пожалуй, въ видахъ этой нынѣшней психологіи, можемъ постановить, что отецъ у него запоемъ пилъ, а бабка съ матерней стороны въ сумашедшемъ домѣ сидѣла... Вы ничего не имѣете противъ? Ну, и я тоже: въ сумашедшемъ, такъ въ сумашедшемъ... Оно, собственно, совсѣмъ ненужное постановленіе, но ничему вѣдь и не мѣшаетъ, а между тѣмъ мы такой недорогой цѣной купимъ репутацію тонкаго психологическаго пониманія... Ну-съ, такъ вотъ... И видитъ разъ Иксъ сонъ... Вы въ пророческіе сны, поди, не вѣрите? Я вѣрю, потому самъ видалъ... Видитъ онъ, моя ясная, будто входитъ къ нему старичокъ: сѣденькій, морщинистый, борода трясется, но при всемъ томъ «какъ угліе глаза». Входитъ старичокъ и говоритъ: ты, говоритъ, три раза въ жизни будешь пѣть такъ, что всѣ ахнутъ, но только, говоритъ, три раза и на третьемъ разѣ умрешь; можешь, говоритъ, этими тремя разами распоряжаться, какъ хочешь. Сказалъ это старичокъ и исчезъ, а Иксу тѣ слова въ голову запали, да и вся фигура старика изъ ума не выходитъ... Знаете что, ясная? мы лучше вотъ какъ сдѣлаемъ: пусть въ сумашедшемъ-то домѣ не бабка сидѣла, а дѣдъ, и пусть его Иксъ помнитъ, и пусть старичокъ-то этотъ будетъ на дѣда похожъ... Этакъ еще психологичнѣе и тоньше выйдетъ... Это, впрочемъ, наплевать. Главное въ томъ, что Иксъ не можетъ старика и стариковскаго пророчества забыть. Перемѣнился совсѣмъ, задумчивый ходитъ, все эту возможность ахово спѣть въ себѣ носитъ. Ну, и старикъ нѣтъ-нѣтъ да и выскочитъ, глаза выпучитъ, сѣдой бородой потряхиваетъ, все будто подмываетъ: спой да спой!... Превосходно! Хочется Иксу попробовать новую силу, а и страшно, потому, думаетъ, если старикъ правду сказалъ, такъ потомъ всего два раза останется, а тамъ смерть... Человѣкъ молодой, жить хочется, а между тѣмъ, по случаю старика этого, прежняя-то жизнь болотная, невидная и неслыш-

ная, какъ будто цѣну потеряла. Тутъ надо очень разработать: порыванiе это и страхъ, борьбу-то всю душевную и какая отсюда тоска... Ну, а отъ тоски, сами можете понимать, тянетъ къ напитку... Насчетъ этого пункта, mein liebes Kind, могу вамъ дать особыя, спецiальныя и подробнѣйшiя наставленiя, когда приметесь за работу...

Таволгинъ остановился и налилъ рюмку коньяку. Дунина укоризненно покачала головой, но не остановила и внимательно слушала. Таволгинъ проглотилъ коньякъ, поморщился и, пережавывая на закуску кусочекъ лимона, продолжалъ:

— Превосходно!.. Выпилъ Иксъ разъ, выпилъ два раза и видитъ, что напитокъ-то не только охмѣляетъ, а и осмѣляетъ, не хуже старика подмываетъ: спой, дескать. Струсилъ, напитокъ бросилъ. И совсѣмъ-было бросилъ, да разъ такой грѣхъ случился. Пирушка у одного товарища устроилась, по случаю тамъ именинъ, что-ли. Ну, честь честью — водка, селедка, хересъ, пиво..... Тутъ можете жанровую картинку вставить: веселье это и игру самолюбiй, потому у художниковъ вообще, а у художниковъ звука въ особенности, оно дьявольское. Оно и понятно— всегда на виду, передъ публикой, только имъ и ходу, что между апплодисментами и шиканьемъ. Иксъ все это видитъ и по себѣ понимаетъ, думаетъ: захоти только я!.. И не замѣтилъ онъ, милая дѣвушка, какъ въ огорченiи-то своемъ рюмочки три, четыре пропустилъ, а тамъ и задоръ взялъ. Садится, понимаете-ли, къ роялю самый что ни на есть козырной пѣвецъ изъ всей компанiи, ученикъ тоже консерваторiи, но уже, понимаете, признанная звѣзда восходящая. Поетъ онъ вещь прекраснѣйшую— сами ужъ выберите, что — голосъ у него чудеснѣйшiй. Иксъ съ нимъ конкурировать и въ помыслахъ никогда не имѣлъ, да и теперь—замѣтьте это, непремѣнно замѣтьте,—не въ конкуренцiи дѣло, а просто сила заговорила, наружу запросилась—удаль, задоръ, да и старикъ явственно въ углу стоитъ, «углiе» свои выпучилъ... Не выдержалъ Иксъ, хватилъ еще стаканчикъ, да такъ прямо съ своего мѣста, изъ-за стола, и загорланилъ, перебилъ козырнаго. Что̀ онъ запѣлъ, это опять-таки вы сами выбе

рите. Надо, чтобы что-нибудь простецкое, но такое, что всѣ ходуномъ заходили, никто даже опомниться не успѣлъ, никому даже въ голову не пришло негодовать, что какой-то тамъ Иксъ козырному мѣшаетъ.... Тишина, понимаете, сначала мертвая, а потомъ шумъ, гвалтъ: «еще! еще!» А ему безъ того удержу нѣтъ. Видитъ, что старикъ не солгалъ, значитъ всего два раза осталось, махнулъ рукой,—все равно пропадать! Стоитъ блѣдный, глаза горятъ, и такъ изъ него и льется пѣсня за пѣсней, да все удаль, все порывъ беззавѣтный, безумный... Э—эхъ, Марья Гавриловна!..

Таволгинъ энергически почесалъ у себя въ затылкѣ, потомъ потеръ лобъ и протянулъ-было руку къ коньяку, но Дунина молча переставила бутылку ближе къ себѣ, и онъ покорно опустилъ руку и продолжалъ:

— Это вотъ первый разъ и есть. Но изъ него-же второй проистекаетъ. Какъ сдѣлалъ Иксъ передышку, просто, чтобы хоть горло-то промочить, обступили его, поздравляютъ, упрекаютъ, что до сихъ поръ свой талантъ пряталъ. А онъ, какъ ошалѣлый: гордость, счастье, ужасъ, осадокъ только-что пережитой въ пѣснѣ удали,—все это въ немъ, понимаете, переплелось и ключомъ кипитъ. Въ числѣ прочихъ подходитъ къ нему дѣвушка... ахъ-дѣвушка! Примѣты: ростъ высокій, волосы черные, брови черныя-же, густыя, глаза раскрытые, ясные...

Разсказывая эти «примѣты», Таволгинъ своими узкими и блестящими калмыцкими глазами прямо смотрѣлъ въ глаза Дуниной и потомъ замолчалъ. Дуниной стало неловко подъ этимъ упорнымъ, горячимъ взглядомъ. Она даже покраснѣла.

— Ну, дальше-то, сказала она, отчасти просто для того, чтобы что-нибудь сказать и тѣмъ сбросить съ себя неловкость, а отчасти потому, что въ самомъ дѣлѣ заинтересовалась разсказомъ.

— Да что̀ дальше! Дальше начинается обыкновенная исторія, какая во всѣхъ романахъ изложена. Съ этого самаго вечера и пошло. «Онъ былъ титулярный совѣтникъ, она—генеральская дочь». То-есть онъ даже и не титулярный совѣтникъ, а она пусть въ

самомъ дѣлѣ генеральская дочь. Бываютъ такіе либеральные генералы, такъ вотъ такого надо. Онъ, понимаете, по либерализму своему снисходитъ, допускаетъ въ свой салонъ и Икса, и другихъ, а чтобы что-нибудь, mesaillance какая-нибудь, — это ему и въ голову даже не приходитъ. Ну, а она къ Иксу тайкомъ въ номера ходитъ, вотъ какъ вы ко мнѣ... Вонъ вы смѣетесь! Конечно, не такъ, а хорошо ходитъ, настояще; такъ хорошо, что даже обыкновенно. Одна только черта несовсѣмъ обыкновенная и даже, понимаете, стариннымъ, изысканнымъ романтизмомъ отдаетъ. Дѣвушка догадывается, что у героя есть на душѣ какая-то, говоря высокимъ слогомъ, роковая тайна. Она спрашиваетъ, онъ отмалчивается или отшучивается, или ссылается на нездоровье. А ей, конечно, удивительно. Вопервыхъ Иксъ поетъ и учится по-прежнему, совсѣмъ заурядно, даже пожалуй хуже прежняго, лѣнивѣе, апатичнѣе. А вовторыхъ среди самаго любовнаго экстаза онъ вдругъ поблѣднѣетъ, упретъ глаза въ одну точку, и видно, что его что-то страшно мучитъ — это передъ нимъ старикъ стоитъ, поддразниваетъ шопоткомъ такимъ: «спой, пѣснь любви теперь спой!» Ну, и не выдержалъ наконецъ парень. Это дѣло надо такъ обставить, чтобы случилось опять въ обществѣ, ну, хоть у родителей ахъ-дѣвушки или у другихъ важныхъ, понимаете-ли, людей, и чтобы былъ тутъ какой-нибудь очень высокопоставленный покровитель искусствъ: высокій этакій, горбоносый человѣкъ, въ высшемъ генеральскомъ мундирѣ, шея у него даже совсѣмъ не умѣетъ гнуться, слово скажетъ — рублемъ подаритъ, всѣ передъ нимъ на четвереинькахъ ходятъ. И Иксъ тутъ-же. Тише воды, ниже травы, разумѣется. Какъ звѣрёнокъ какой ходитъ среди этого великолѣпія — только и отрады глазу, что «она». Ужь и хороша-же! Ну, только отрада отрадой, а между прочимъ и ревность, особливо къ одному, напримѣръ, адъютанту съ аксельбантомъ или улану тамъ, «младому усачу» этакому, который все около нея шпорами брякъ-брякъ... Такъ бы его, дьявола!.. Ну, а она видитъ, что грустный онъ и злой, и ревнивый, подсѣла къ нему, «и улыбкою, словомъ ласковымъ» въ короткое время воскресила. Завела потомъ въ

маленькую гостиную за трельяжъ да тамъ съ свойственной женщинамъ дерзостью и поцѣловала! Никто однако этого не видѣлъ, кромѣ старичка одного сѣденькаго. Онъ въ углу стоялъ, огненными глазами смотрѣлъ да шепталъ: «спой! спой!».. А великолѣпна она была въ этотъ вечеръ сверхъ всякой мѣры... И ополоумѣлъ Иксъ. «Я-жь, думаетъ, вамъ, чертямъ, покажу!..» Тутъ какъ разъ, по заведенному въ генеральскомъ домѣ обычаю, концертъ начался. Ахъ-дѣвушка спѣла, другой тамъ спѣлъ, и Иксъ заявилъ, что хочетъ пѣть... Она-то было сначала струсила за него, какъ бы не осрамился, но, какъ посмотрѣла хорошенько, такъ и увидѣла, что не осрамится, потому совсѣмъ онъ такой, какъ въ тотъ вечеръ, на пирушкѣ: печать на немъ какая-то, печать генія и успѣха. Благословила... Запѣлъ онъ опять-же что̀ хотите, только чтобы въ пѣснѣ любовь звучала, и гордость и счастье любви... Результатъ, сами можете понять, какой. Сразу Иксъ героемъ вечера сталъ. Старики изъ-за картъ вышли, дамы судачить перестали, самъ горбоносый освѣдомился, кто этотъ пѣвецъ удивительный, и выразилъ желаніе, чтобы онъ еще спѣлъ. А того и просить нечего, разошелся ужь, опять пѣсня за пѣсней, и ничего ужь у него передъ глазами нѣтъ, кромѣ ахъ-дѣвушки. Пропадать, такъ съ трескомъ! Пусть же она знаетъ, что у него въ душѣ цвѣтетъ!.. Обворожилъ всѣхъ. Горбоносый тутъ-же объявилъ, что устроитъ ему, по окончаніи курса, поѣздку въ Италію, для усовершенствованія. А конецъ-то курса совсѣмъ на носу...

— Не надоѣло вамъ, звѣзда моя ясная? оборвалъ себя въ этомъ мѣстѣ Таволгинъ, заглядывая прежнимъ упорнымъ и горячимъ взглядомъ въ опущенные глаза Маріи Гавриловны и, перегнувшись къ ней съ своего стула, взялъ ее за руку повыше кисти и поцѣловалъ эту руку. Лицо Дуниной было необыкновенно серьезно. Она слегка поблѣднѣла. Въ ней совершалась какая-то внутренняя работа, не исключительно со «сказкой» связанная. Она взглянула на Таволгина, потомъ опять опустила глаза и молча пожала ему руку.

— Продолжать, значитъ? Превосходно! Только я, Марья Га-

вриловна, рюмочку выпью, надо же мнѣ что-нибудь за работу... Слѣдовало бы съ васъ побольше гонораръ-то, ну, да ужь!.. Все равно вѣдь не получишь...

— Перестаньте шутить, серьезно и укоризненно перебила Дунина, а онъ между тѣмъ глоталъ коньякъ, морщился и жевалъ лимонъ.

— Вона! и шутить нельзя! Да что съ вами, liebes Kind? А серьезно, такъ серьезно... мнѣ же лучше! Ну, какое же мнѣ вознагражденіе будетъ?

— За что?

— За сказку и за... преданность. Только, чтобы серьезно!

— И серьезно не надо, возразила Дунина, слабо улыбаясь и слегка упираясь концами пальцевъ въ плечи Таволгина, какъ-бы отталкивая его наклонившуюся къ ней фигуру. Онъ откинулся на спинку своего стула и комически развелъ руками. Она засмѣялась.

— Нѣтъ, право, Владиміръ Александровичъ, кончайте вашу сказку, да я и пойду....

— Такъ какой же мнѣ разсчетъ кончать-то?

— Ну будетъ, вамъ, милый.....

— Превосходно.... Я вѣдь складной, милая дѣвушка, все равно какъ перочинный ножикъ: сложите и смѣло кладите въ карманъ... Такъ на чемъ-бишь я остановился-то? Да... Ну, экзаменъ выпускной, или какъ тамъ это въ консерваторіи называется, Иксъ сдалъ плохо. Но коли что горбоносый покровитель искусствъ сказалъ, такъ это ужь непреложно. До такой степени непреложно, что самъ Иксъ не противится, ѣдетъ, а чего ему ѣхать, зачѣмъ? Совершенствоваться, чтобы всю жизнь заурядно пѣть, или еще одинъ разъ спѣть такъ, что всѣ ахнутъ, да и умереть? Но горбоносый велитъ, ничего не подѣлаешь. Однако у Икса и другіе мотивы есть. Во первыхъ «она», ахъ-дѣвушка, уговариваетъ ѣхать; она—высокой души и готова на разлуку, чтобы онъ, какъ ей кажется, на высоту своего генія поднялся. А вовторыхъ ему иной разъ думается: можетъ, вѣдь и навралъ старикъ, можетъ, это просто вздоръ, галлюцинація.... Однимъ

словомъ, поѣхалъ. Сидитъ въ Миланѣ что-ли, учится. Учится плохо, тоскуетъ, и по родинѣ просто тоскуетъ, и той тоской, что старикъ съ своимъ пророчествомъ нагоняетъ. Между прочимъ, подружился съ однимъ молодымъ французомъ, а дѣло, надо вамъ замѣтить, происходитъ во время франко-прусской войны. Гулъ по всей Европѣ идетъ... Ну, какъ-то Иксъ за бутылкой вина, понимаете, разговорился со своимъ новымъ другомъ, да и открылся: такъ и такъ, говоритъ, старичокъ сѣденькій, на сумашедшаго дѣда похожъ, «какъ угліе глаза» и все прочее. Тотъ разсмѣялся. Вздоръ, говоритъ, это просто тебѣ въ самомъ дѣлѣ дѣдъ припоминается; надо тебѣ на нѣкоторое время музыку совсѣмъ бросить—оно и пройдетъ. Твое, говоритъ, горе—не горе, а вотъ у меня, говоритъ (это французъ-то), горе настоящее. Я, говоритъ, свою patrie люблю вотъ какъ: готовъ за нее животъ положить, а сижу вотъ здѣсь, со стыда краснѣючи, потому-что теперь за Францію сражаться—значитъ за имперію сражаться, а я этого не могу. И развилъ онъ тутъ нашему Иксу, понимаете, политическія перспективы. А Иксъ былъ по этой части до сихъ поръ совсѣмъ пустая кишка, ein hohler Darm. Такъ какъ-то случилось, что и внутренняя, и иностранная политика мимо него шли. Ну, а тутъ французъ разогрѣлъ, потому самъ горячъ былъ. И вдругъ, милая дѣвушка, трахъ-тарарахъ! Седанъ! Der Kaiser gefangen! Vive la république! Vive le son du canon! Гарибальди легіонъ набираетъ... Словомъ сказать, французъ увлекаетъ Икса въ гарибальдійскій легіонъ. Совсѣмъ Иксъ забылъ и хандру свою, и старика, и пѣніе, даже ее, ахъ-дѣвѣшку, и ту, можете себѣ представить, подлецъ этакій, забылъ, а?.. Превосходно... Только въ первой-же стычкѣ, ясная моя, волонтерамъ пришлось плохо. Отрядъ, въ которомъ состоитъ Иксъ, окруженъ, нѣмцы даже стрѣлять перестали, кричатъ: «сдавайтесь!».. Замутились волонтеры: одни сдаваться хотятъ, въ томъ числѣ и Иксъ,—а другіе кричатъ, что, дескать, пробьемся. Особенно одинъ старикъ горячится. И богъ его знаетъ, какой онъ націи: не то мексиканецъ, не то перувіанецъ, только много походовъ съ Гарибальди обломалъ. И почему-то особенно на Икса

накинулся. Кричитъ ему ломанымъ французскимъ языкомъ: «Ты, говоритъ, русская свинья, сибирскій медвѣдь, московская собака! Ты бы, говоритъ, и не лѣзъ сюда, а сидѣлъ бы въ свой консерваторіи, да распѣвалъ! Ну, и убирайся, пой себѣ, чортовъ сынъ, пой, пой!» А у самаго глаза — какъ угліе, и сѣдая бороденка отъ злости трясется... И вдругъ съ Иксомъ что-то стряслось: поблѣднѣлъ какъ смерть, бросилъ ружье, выхватилъ саблю и затянулъ марсельезу... Да такъ запѣлъ, что какъ только поднялась къ небу первая строка: «allons, enfants de la patrie», такъ всѣ до единаго человѣка подхватили и бросились на нѣмцевъ, какъ бѣшеные... Ну, пробились, только не всѣ... Иксъ тоже не пробился: ему нѣмецъ штыкомъ брюхо пропоролъ...

Досказывая свою сказку, Таволгинъ и самъ поблѣднѣлъ, потомъ налилъ дрожащими руками рюмку, выпилъ и прошелся по комнатѣ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ однако оправился и, остановившись передъ безмолвно сидѣвшей Дуниной, заговорилъ своимъ обыкновеннымъ тономъ.

— Тутъ и сказкѣ конецъ, желанная. Я тамъ былъ, медъ, пиво пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало: ни отъ удали не умеръ, ни за женщину не умеръ, ни за людей не умеръ... А вѣдь больше-то, согласитесь, и не изъ-за чего умирать, не стòитъ. Такъ-ли я говорю, Марья Гавриловна? Да чтò вы, никакъ заснули?

Онъ взялъ ее обѣими руками за локти, и слегка встряхнулъ.

— Нѣтъ, не заснула, а вотъ я о чемъ думаю: отчего же вы этого не напишите?

— Сказки-то? Да я вамъ ее предлагаю написать... Вотъ и диктуйте Латошу...

— Полноте пустяки говорить. Я серьезно спрашиваю. Ну, чего вы такъ безъ толку шатаетесь, богъ-знаетъ гдѣ? чтò вамъ такъ нужно?

— Чтò мнѣ нужно? Все нужно! Понимаете, «и грозный гулъ сѣчи, и шопотъ струи, и тихія рѣчи, Маруся, твои»...

— Вы все съ глупостями... Вотъ чтò вы мнѣ еще скажите:

отчего этотъ вотъ Иксъ первые два раза дома, въ Россіи поетъ, а третій разъ заграницей... Вотъ Рудинъ тоже у Тургенева...

Таволгинъ сѣлъ на прежнее мѣсто и задумался, потирая лобъ пальцами.

— Отчего? Представьте, mein Liebchen, мнѣ это и въ голову не приходило... Странно въ самомъ дѣлѣ... А впрочемъ, ничего тутъ страннаго нѣтъ. Понимаете, отъ собственной удали, отъ задора пьянаго у насъ можно шагнуть къ смерти, изъ любви къ женщинѣ тоже можно. Ну, и за идею тамъ, за людей... конечно можно, на всякія манеры можно, и славно, и безславно, но непремѣнно безъ музыки, безъ простору этого, безъ увѣренности, что за тобой люди кинутся. Вотъ я думаю отчего... Понимаете?

— Кажется, понимаю. Только Варвара Николаевна, я думаю, съ вами не согласилась бы.

— Да... Ей музыки не нужно. Она какъ свѣчка передъ Богомъ сгоритъ и даже не догоритъ, потому-что придетъ какой-нибудь чортъ и дунетъ, да еще и плюнетъ...

— Вы совсѣмъ не вѣрите?

— Во чтò?

— Да вотъ, во чтò Варвара Николаевна вѣритъ, Соломірскій, другіе всѣ...

— Mein Liebchen, wer darf sagen: ich glaube? Wer empfinden und sich unterwinden zu sagen: ich glaube nicht?

— Это чтò же значитъ? Вы знаете, я по-нѣмецки швахъ.

— Забылъ, какъ это по-русски стихами-то, да и по-нѣмецки, кажется, переврадъ. Понимаете: кабы настояще вѣрилъ, такъ не такъ бы и жилъ, а кабы совсѣмъ не вѣрилъ, такъ тоже иное бы было...

Оба замолчали. Таволгинъ опять сталъ тереть себѣ лобъ. Дунина перебирала пальцами висѣвшій у нея на груди шнурокъ отъ часовъ.

— А вы давно Варвару Николаевну видѣли? спросила она наконецъ.

— Мѣсяца два должно-быть.

— Ну чтò, какъ она?

— Да что ей дѣлается? Все такая-же. Устала какъ будто маленько: каторжная вѣдь ея жизнь.

— Скажите, вы ее очень любите?

— Очень... Только, понимаете, она не въ счетъ. Она святая, и чувство мое къ ней святое. Вотъ вѣдь она гораздо васъ лучше, а люблю-то я васъ, и чувство у меня къ вамъ, ежели по совѣсти говорить, грѣшное...

— Ну, будетъ, мнѣ пора, рѣшительно сказала Дунина и встала.

— Нѣтъ, этого не будетъ, возразилъ Таволгинъ, насильно усаживая ее опять въ кресло,—вы не совершите этого преступленія, голубка моя, огромная этакая, чернокрылая голубка... Постойте, я вамъ только одно слово... Я не люблю, когда вы отъ меня такая уходите... Чѣмъ бы мнѣ васъ pour la bonne bouche порадовать, повеселить... Ну, хотите, еще сказку скажу? Отличная есть сказка, веселая, «Шампиніонъ» называется. Хотите?

— Ну, хорошо, полчаса еще посижу.—Дунина посмотрѣла на часы.

— Превосходно!.. Рюмочку коньяку мнѣ за это... Такъ вотъ... Жилъ былъ не то, чтобы прямо шпіонъ, а понимаете—шампиніонъ. Грибы такіе есть, во множествѣ растутъ тамъ, гдѣ навозъ сваливаютъ. Ну, такъ вотъ одинъ такой шампиніонъ...

Но Марьѣ Гавриловнѣ не пришлось дослушать сказку о шампиніонѣ, потому-что въ эту минуту явилась Мина съ извѣстіемъ на чухонско-русскомъ діалектѣ, что Таволгина спрашиваетъ какой-то незнакомый господинъ. Приэтомъ она подала Таволгину визитную карточку.

— Вонъ! Не принимать, дома нѣтъ! Скажите, что дома, да не велѣли принимать! Слышите, Мина, такъ и скажите! съ внезапнымъ бѣшенствомъ закричалъ Таволгинъ, и когда недоумѣвающая Мина ушла, онъ швырнулъ карточку на полъ и, тяжело дыша и отдуваясь, заходилъ по комнатѣ. — Ахъ, дьяволъ! А? Смѣлъ ко мнѣ... До чего же это я дошелъ?.. Нѣтъ, дуракъ я, что прогналъ, надо было сюда позвать...

Дунина подошла къ нему, положила ему обѣ руки на плечи и встревоженно и ласково заговорила:

— Что̀ съ вами, милый, что̀ случилось?

— Да вотъ, о волкѣ помолвка, а волкъ и тутъ... Вотъ шампиніонъ...

Таволгинъ поднялъ съ пола карточку и подалъ ее Дуниной. На карточкѣ подъ дворянской короной значилось: «Алексѣй Алексѣевичъ Оладушкинъ».

— Я этого человѣка знаю, сказала Марья Гавриловна и разсказала о своихъ встрѣчахъ съ Оладушкинымъ. Таволгинъ въ свою очередь, ругаясь и прикладываясь къ коньяку, передалъ ей, что̀ слышалъ вчера отъ Андреевскаго и другихъ о миссіи Оладушкина.

Успокаивая Таволгина, Марья Гавриловна, между прочимъ, съ чисто женскою цѣпкостью ухватилась за одинъ мотивъ его негодованія. Онъ былъ оскорбленъ тѣмъ, что «шампиніонъ» смѣлъ явиться къ нему съ предложеніемъ участвовать въ шампиніонскомъ дѣлѣ—другого объясненія для визита Оладушкина не могло быть. Дунина постаралась внушить Таволгину, что это оттого вышло, что онъ, Таволгинъ, ничего не дѣлаетъ, а только безъ толку разъѣзжаетъ да коньякъ пьетъ; что его забыли; что долженъ же онъ наконецъ приняться за свое настоящее дѣло, ну, хоть сказку о «трехъ разахъ» написать. Таволгинъ обѣщалъ. Справедливость обязываетъ однако насъ сказать, что по крайней мѣрѣ вечеромъ этого дня Таволгинъ былъ, по его собственному выраженію, глубоко пьянъ, что̀ съ нимъ случалось довольно рѣдко, хотя пилъ онъ вообще много. Встрѣтивъ въ трактирѣ двухъ пріятелей, онъ имъ много говорилъ о «шампиніонахъ» вообще и о «шампиніонскомъ предпріятіи» Оладушкина въ частности. Тѣ смѣялись остротамъ и злости Таволгина. Смѣялись и тому, что онъ совершенно внезапно, безъ всякой связи съ предыдущимъ, предложилъ тостъ за здоровье «ахъ-дѣвушки». Какъ ни былъ онъ пьянъ однако, а любопытству пріятелей на счетъ подробностей объ «ахъ-дѣвушкѣ» не удовлетворилъ. «Понь-маешь, ахъ-дѣвушка... ну, и преасхон-но», удостовѣрялъ онъ коснѣющимъ языкомъ, и больше отъ него ничего не добились.

Дунина въ этотъ вечеръ, укладываясь спать въ своей узенькой и низенькой комнатѣ, вспомнила Таволгина и совершенно неожиданно для себя разрыдалась. Сосѣдка по комнатамъ, молодая дѣвушка-курсистка, съ которою Марья Гавриловна была въ шапочномъ знакомствѣ, пришла къ ней на звукъ рыданій.

— Что съ вами, Марья Гавриловна? говорила сосѣдка, отпаивая ее водой.

— Счастья хочется! неудержимо вырвалось у Дуниной, и она спрятала свое горячее и мокрое лицо въ складкахъ толстаго сѣраго платка, покрывавшаго грудь сосѣдки. Та была поражена. Она не ожидала отъ ровной, спокойной, замкнутой дѣвушки ни такихъ слезъ, ни такихъ словъ.

Ник. Михайловскій.

БІАРРИЦЪ

(Grande plage et aspect général)

Сіяетъ яркій день на «плажѣ» знаменитомъ,
Гдѣ въ тихомъ воздухѣ могучая волна,
Зелено-синяя, какъ яшма съ малахитомъ,
Стремится къ берегу, вся пѣной убрана.
Желтѣетъ ровный скатъ предъ вольнымъ океаномъ,
Пестро усѣянный нарядною толпой;
Внизу шумитъ дѣтей отрядъ передовой
И отражается на зеркалѣ песчаномъ;
Въ крылатыхъ юпочкахъ, босыя до колѣнъ,
Рѣзвятся дѣвочки съ прибрежною волною
И быстро пятятся, боясь достаться въ плѣнъ
Съ нежданной силою бѣгущему прибою...
Иная устоитъ, одежду приподнявъ,
И на лицѣ ея—спокойная отвага,
И вкругъ ея ступней, ихъ чуть облобызавъ,
Журчитъ въ обратный бѣгъ пустившаяся влага...
А тамъ лазоревымъ, расплавленнымъ стекломъ
Вздымаются валы, отвѣсные какъ стѣны,
И вдругъ завихрятся летучей гривой пѣны
И падаютъ, кипя обильнымъ жемчугомъ...
Тѣ горы влажныя, кишащія народомъ,
Полны воздѣтыхъ рукъ, чернѣющихъ головъ,
Оттуда мчится кликъ веселыхъ голосовъ,
Тамъ пляшутъ женщины, сплетаясь хороводомъ,
Иль, взявшись за руки, съ оглядкою стоятъ:
Волна обрушится—и вдругъ ея раскатъ
Сорветъ имъ чепчики, иной размечетъ косу—
И двинетъ всю толпу къ песчанному откосу!..
И чѣмъ сердитѣй валъ—тѣмъ громче дружный смѣхъ,
Тѣмъ лица мокрыя румянѣе у всѣхъ...
Но часто въ сторонѣ, отставшаго отъ стада,
Пловца отважнаго умчитъ водоворотъ—
И вотъ сигнальный свистъ тревогу подаетъ:
Матросы кинулись, но шумная громада

Имъ воли не даетъ, вздымая гребни горъ,
И съ тайной мукою слѣдитъ тревожный взоръ
Чернѣющую тѣнь въ далекомъ водометѣ,
Полуготовый трупъ, качаемой сквозной
Неодолимою зеленою волной...
Но баски смуглые, безстрашные въ работѣ,
Уже перенеслись чрезъ буйные валы
И съ блѣдной ношею всплываютъ у скалы.
И солнце чудное, блестящее надъ моремъ,
Досуга не даетъ задуматься надъ горемъ:
Горячій юный лучъ прибрежье золотитъ,
Сапфирный океанъ несетъ дыханье воли,
А пѣна шумная и свѣтлая до боли
Грядами бѣлыми навстрѣчу вамъ бѣжитъ...
Съ горы, украшенной вѣтвями нѣжной туи,
Ужь всякъ торопится на ласковый припекъ
Всадить наемный стулъ въ уступчивый песокъ
Принять воздушные отъ моря поцѣлуи.
Толпа на берегѣ невидимо растетъ,
Все—стулья сѣрые да зонтики надъ ними,
Халаты бѣлые съ тѣнями голубыми
Подъ солнцемъ движутся, минуя весь народъ,
И рядъ нагихъ ступней мелькаетъ откровенно;
Но впрочемъ женщины, умно и вдохновенно,
И здѣсь придумали красивый башмачокъ
Иль родъ сандаліи, ныряющей въ песокъ;
Колпакъ соломенный съ широкими полями
Имъ прячетъ волосы, скрываетъ полъ-лица,
Но подъ навѣсами глубокаго чепца
Порой вы встрѣтитесь съ волшебными глазами!
И если этотъ взглядъ, застигнутый въ тѣни,
Съ лѣнивой нѣгою укроется въ рѣсницы,
Тревожьтеся вдвойнѣ: испанки въ наши дни
Здѣсь часто странствуютъ вблизи своей границы...
Снуя межь публикой, взываютъ продавцы
Скороговоркою, съ рифмованною шуткой:
«Сударыни, я здѣсь! Воспользуйтесь минуткой!
Первѣйшіе на свѣтѣ леденцы!
Я самъ ихъ изобрѣлъ и жду отъ нихъ карьеры:
Хранятъ отъ насморка, подагры, филоксеры!!»..
И вдругъ, укрытая въ купальный свой хитонъ,
Какъ въ складкахъ мраморныхъ, въ плащѣ до подбородка
Проходитъ свѣтлая и юная красотка:
Черты столь нѣжныя даритъ лишь Альбіонъ.
Безъ шляпки на кудряхъ воздушныхъ и златистыхъ

И въ дѣтскомъ чепчикѣ съ повязкой за ушкомъ,
Какъ-бы румяняся передразсвѣтнымъ сномъ,
Съ улыбкой синихъ глазъ, наивныхъ, но искристыхъ,
Плѣнительная миссъ направилась къ волнамъ,
Досужихъ зрителей смутивъ по сторонамъ...
И вотъ она, раскрывъ мохнатую хламиду,
Въ пунцовой курточкѣ, какъ рѣзвый мальчуганъ,
Ужъ входитъ, прыгая, въ блестящій океанъ,
Давъ руку млечную купальщику Давиду...
А здѣсь, у края волнъ, французъ лежитъ ничкомъ,
Себя осыпавши цѣлительнымъ пескомъ,
И море теплое ему, какъ господину,
И плещетъ на ноги и тихо моетъ спину;
Онъ шутитъ, нѣжится; онъ счастливъ и лѣнивъ...
Но полдень близится, кончается приливъ.

Взойдемте на гору: привольная картина!
Необозримая лазурная равнина
Предъ желтой выемкой изрытыхъ моремъ скалъ...
Вѣнчая къ западу протянутый обвалъ,
Бѣлѣетъ фароса гигантская колонна,
А ниже, съ выступа, межъ зелени скупой,
Глядится въ океанъ, забытый и пустой,
Дворецъ развѣнчанный Луи-Наполеона;
Отели пышные и стѣны пестрыхъ виллъ
Богатый лучъ небесъ вокругъ позолотилъ;
Волной любуются скалистые изгибы
И, взморье синее чудесно испестривъ,
Лежатъ отъ берега оторванныя глыбы...
Каймами пѣнными къ нимъ ластится заливъ —
И вѣчной пѣснею шумятъ его набѣги
Въ краю плѣнительномъ сіянія и нѣги...

С. Андреевскій.

ПРОЛОГЪ РОМАНА

На одномъ изъ василеостровскихъ бульварчиковъ сидѣла на скамейкѣ одинокая парочка.

Онъ былъ молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, въ костюмѣ, который въ наше время непремѣнно обратилъ бы на себя вниманіе прохожихъ: «что за чудакъ молъ, которому вздумалось нарядиться по-дѣтски?» А между тѣмъ этотъ костюмъ считался тогда моднымъ, и молодому человѣку былъ очень къ лицу. Стройный станъ его охватывался русской поддевкой тонкаго синяго сукна, съ дутыми металлическими пуговицами по борту; она была разстегнута, обнаруживая рубаху-косоворотку изъ дорогого канауса, изъ-подъ которой виднѣлись бархатные шаровары, засунутые въ высокіе лакированные сапожки; на черныхъ кудряхъ сидѣла набекрень ямщицкая шляпа съ павлиньимъ перомъ. Этотъ костюмъ назывался «славянофильскимъ». Народъ называлъ господъ, его носящихъ, «тирольцами». Прибавлю еще, что изъ-подъ рукавовъ поддевки нашего щеголя бѣлѣлись безукоризненно-чистыя манжеты крахмальной сорочки, на рукахъ были свѣтлыя, цвѣта gris-de-perle перчатки, и онъ небрежно поигрывалъ тоненькою, элегантною тросточкой.

Онъ былъ красивый брюнетъ, смуглый и худощавый, смахивавшій по первому взгляду на итальянца, но форма широкаго носа и нѣсколько выдававшіяся скулы тотчасъ-же изобличали въ немъ кровнаго россіянина; на это указывало и само имя его: Платонъ Васильевичъ Гуслинъ. Въ манерѣ держать свою краси-

вую голову и всей посадкѣ тѣла виднѣлось немало молодого задора, и, въ то-же самое время, выраженіе какой-то усталости, повременамъ выступавшее въ углахъ его чувственнаго пунцоваго рта, и мелкія лучеобразныя складки по сторонамъ живыхъ карихъ глазъ могли указать наблюдателю, что этотъ господинъ втеченіе своего недолгаго прошлаго успѣлъ ужь немало извѣдать того, что̀ у французовъ называется «жечь свѣчу съ обоихъ концовъ». Чтобы тутъ-же и покончить съ внѣшней его характеристикой, дополню, что званіемъ онъ былъ дворянинъ, корнетъ въ отставкѣ, холостъ и прописанъ въ кварталѣ: «собственными средствами».

Подруга его была прехорошенькая, миніатюрная блондинка, пухленькая, съ невинными бирюзовыми глазками, къ которой очень шелъ ея простенькій, но живописный нарядъ. Она была одѣта въ красную «зуавку» — родъ блузы, свободно облегавшей ея пышный бюстъ и перетянутой широкимъ лакированнымъ поясомъ. На головкѣ сидѣла соломенная «гарибальдійка», съ краснымъ перомъ. Бурнусъ изъ свѣтлой лѣтней матеріи, отдѣланный бахромой и аграмантомъ, висѣлъ у нея на рукѣ, а въ кисти другой руки, затянутой въ дешевенькую фильдекосовую перчатку, она держала тоже дешевенькій, но отдѣланный разными финтифлюшками зонтикъ, годящійся для чего угодно, только не для своего назначенія.

Изъ названій нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ принадлежностей туалета, самая память о которыхъ теперь ужь утратилась, вы можете догадаться, что дѣйствіе моего разсказа относится къ началу шестидесятыхъ годовъ.

Былъ душный іюньскій вечеръ. Заходящее солнце, которое втеченіе дня палило нестерпимо, прощалось съ василеостровскими зданіями, озаряя верхи крышъ съ бѣлыми трубами и сверкая ослѣпительной искрой на крестѣ андреевской церкви. Пахло известкой и пылью... Вдали грохотали колеса извощичьихъ дрожекъ... Гдѣ-то, далеко-далеко, завывала шарманка...

Разговоръ молодыхъ людей громко раздавался въ безвѣтренномъ воздухѣ.

Господинъ въ славянофильскомъ костюмѣ къ чему-то уговаривалъ молодую женщину, а та не сдавалась. Она сидѣла потупившись, рисуя на пескѣ бульварной аллеи концомъ своего зонтика зигзаги, и тихо твердила:

— Нѣтъ, не могу... Это нельзя...

Господинъ въ славянофильскомъ костюмѣ свирѣпо согнулъ въ кольцо свою тросточку, которая тотчасъ-же эластически распрямилась, стукнулъ ею о землю и нетерпѣливо воскликнулъ:

— Это наконецъ уже глупо, Надежда Петровна! (Онъ даже весь покраснѣлъ).

— Это еще что̀ за новости? воскликнула блондинка, — вы съ ума сошли, милостивый государь?

— Простите, виноватъ, я забылся... Вашу ручку!

Надежда Петровна сидѣла надувшись, продолжая чертить зонтикомъ свои зигзаги и дѣлая видъ, что не слушаетъ.

— Ну, простите же, ради-бога! умоляющимъ голосомъ повторилъ молодой человѣкъ и пододвинулся ближе: — вы на меня разсердились?

— Разсердилась, еще-бы, конечно! запальчиво воскликнула блондинка: — вы уже богъ-знаетъ что̀ начинаете себѣ позволять! И я не понимаю, какое дала я вамъ право...

Легкое выраженіе досады и нетерпѣнія промелькнуло по лицу господина въ славянофильскомъ костюмѣ, но онъ тотчасъ-же сдержался, пододвинулся еще ближе къ блондинкѣ и, заглядывая ей въ лицо (между тѣмъ какъ та упорно отвертывалась), заговорилъ:

— Ну, чѣмъ мнѣ, чѣмъ мнѣ загладить свою вину? Хотите, я сейчасъ-же, вотъ здѣсь, на бульварѣ, передъ вами на колѣни встану?.. Я встану вотъ такъ, а вы меня прибейте... Хотите?.. Я готовъ на все! Только дайте сперва вашу ручку и позвольте напечатлѣть на ней почтительный поцѣлуй, въ знакъ моего глубокаго и чистосердечнаго раскаянія... Да ну-же, перемѣните гнѣвъ на милость, Надежда Петровна, и взгляните на меня своими милыми, добрыми глазками, если не хотите, чтобы вашъ преданный другъ погибъ отъ отчаянія!

Блондинка не выдержала, улыбнулась и бросила взглядъ на наклонившееся къ ней красивое, смуглое лицо съ пламенными глазами, глядѣвшими на нее съ шутливою лаской... Какъ было тутъ устоять?.. Она разсмѣялась, кинула искоса взглядъ направо, налѣво—вблизи не было никого—и протянула руку красавцу.

Тотъ схватилъ ее въ обѣ свои, откинулъ рукавъ красной зуавки и напечатлѣлъ на этой пухленькой, бѣленькой ручкѣ, выше кисти, гдѣ бились синія жилки, три медленныхъ, одинъ за другимъ, поцѣлуя, въ засосъ... Затѣмъ, все не выпуская ее, началъ опять убѣдительнымъ тономъ:

— Ну вотъ, теперь, когда миръ заключенъ, будемъ разсуждать благоразумно и хладнокровно. Почему вы не хотите ѣхать со мной къ Излеру? У васъ не можетъ быть никакой основательной причины, и все, что̀ бы вы ни сказали противъ моего предложенія, можетъ быть объяснено однимъ только упрямствомъ... Ей-богу-же, одно только упрямство, Надежда Петровна, женское, ничѣмъ необъяснимое упрямство — поставить всегда и во всемъ на своемъ!

— Не упрямство, нѣтъ, нѣтъ! горячо перебила блондинка и даже топнула ножкой:—а только, я повторяю вамъ, не могу, не могу! И не приставайте ко мнѣ, Платонъ Васильичъ! Не могу!

— Скажите лучше, что вы *не хотите*—это будетъ вѣрнѣе, и тогда разговаривать нечего! Только я не понимаю, почему вамъ раньше такъ хотѣлось посмотрѣть Минерашки?... Вѣдь вы не разъ выражали желаніе тамъ побывать... И вотъ теперь вдругъ отказываетесь... Или уже у васъ охота отпала? Не интересно?

— Интересно, интересно, и я теперь опять вамъ скажу, что мнѣ бы очень хотѣлось! воскликнула блондинка, и бирюзовые глазки ея засверкали,—только я имѣю много причинъ... Цѣлую массу!

— Ну, хорошо, посмотримъ эту вашу цѣлую массу... Будемъ разбирать по порядку. Вопервыхъ...

Онъ загнулъ на рукѣ одинъ палецъ и вопросительно ждалъ.

— Вопервыхъ, начала съ разстановкой блондинка, — я боюсь, что мнѣ неприлично...

— Неприлично? сдѣлалъ большіе глаза молодой человѣкъ, — это почему же вамъ неприлично, позвольте спросить?

— Тамъ бываютъ... эти вотъ... съ запинкой начала Надежда Петровна и смѣлѣе прибавила:—гадкія женщины!

— Какія это «гадкія женщины»? съ невиннѣйшимъ видомъ освѣдомился ея собесѣдникъ.

— Камеліи, тихо сказала блондинка, и зардѣлась какъ вишня.

— Ха-ха-ха! Это прелестно!... О, какая еще вы институтка! Полноте, какъ вамъ не стыдно... Вы—замужняя женщина, и вдругъ у васъ такіе предразсудки... Ну, скажите, ради-бога, что̀ они вамъ могутъ сдѣлать?... Да вы ихъ и не отличите отъ другихъ, увѣряю васъ! Наконецъ, вы не одна, а съ кавалеромъ...

— Тамъ пьяные бываютъ, вставила еще свое слово блондинка.

— А на улицѣ пьяныхъ вы не видали?.. Нѣтъ, вы просто очаровательны въ своей наивности, Надежда Петровна! Ну, да если, допустимъ, вы и увидите кого-нибудь подъ хмѣлькомъ,— что̀ въ этомъ ужаснаго? Надѣюсь, вы не полагаете, что я захочу васъ подвергнуть какой-нибудь непріятности? Или можетъ-быть вы боитесь, что я самъ способенъ напиться?..

— Какой вздоръ! У меня этого и въ головѣ совсѣмъ не было!

— Ну, вотъ, видите: все, что̀ вы пока выставили со своей стороны—чистый пустякъ! Согласитесь, что все это пока далеко еще не причины отказываться отъ моего предложенія...

— Ну, хорошо... положимъ... Но есть и еще...

— Что̀ же еще?

Блондинка потупилась и, послѣ небольшаго молчанія, тихо сказала:

— Я такъ плохо одѣта... Совсѣмъ не для гулянья...

— Вы плохо одѣты?! воскликнулъ молодой человѣкъ.—Вы?! Да вы очаровательно одѣты, Надежда Петровна!

— Полноте, вы надо мной насмѣхаетесь...

— Клянусь честью, говорю чистую правду! Вы обольсти-

тельны въ этой зуавкѣ! Вы способны фуроръ произвести, фуроръ, фуроръ!.. О Надежда Петровна, сколько въ васъ простодушія!!

И наклонившись къ ней совсѣмъ близко, онъ медленно, съ разстановкой, отчеканивая каждое слово, прибавилъ глухимъ, задыхающимъ шопотомъ:

— Знаете-ли вы, что вотъ теперь, въ эту минуту, какъ вы сидите и смотрите въ этой зуавкѣ, вы способны съ ума свести человѣка... закружить... погубить!!.

Она сидѣла отвернувшись, по-прежнему потупившись въ землю, чувствуя, что ея собесѣдникъ обливаетъ ее всю своимъ восторженнымъ взоромъ, и краска смущенья, того радостнаго смущенья, которое чувствуетъ женщина, когда ею любуются, горячимъ румянцемъ жгла ее личико и дѣлала ее еще интереснѣе.

— Такъ въ *этомъ*-то и состоятъ всѣ ваши причины, Надежда Петровна! прозвучалъ снова спокойный голосъ брюнета.

— Нѣтъ, это не все... Мой мужъ... Павелъ Иванычъ, прибавила она почему-то тотчасъ-же скороговоркой, — онъ вѣдь не знаетъ.... Я сказала прислугѣ, что вернусь черезъ часъ...

— Позвольте, перебилъ ее молодой человѣкъ,—вы сказали, что Павелъ Иванычъ долженъ сегодня отправиться въ гости...

— Да, онъ ушелъ къ нашему экзекутору... Онъ, кажется, именинникъ. У нашего экзекутора...

— У *вашего* экзекутора? усмѣхнулся молодой человѣкъ.

— Ахъ, что̀ вы придираетесь? Ну, онъ сослуживецъ мужа, конечно. Я разъ у него была вмѣстѣ съ Павломъ Иванычемъ и чуть не умерла со скуки. Съ тѣхъ поръ я уже больше туда ни ногой! Представьте: мужчины въ карты играютъ, жены вдоль стѣнки сидятъ, молодежь подъ фортепьяно танцуетъ... И ужь молодежь только, еслибы вы видѣли! Умора да и полно! А танцуютъ такъ, что у насъ, въ институтѣ, всѣ бы въ ужасъ пришли!..

— Однако мы отдалились отъ предмета, началъ спокойно ея собесѣдникъ.—Итакъ, по разсмотрѣніи дѣла, выходитъ, что мужъ вашъ въ отсутствіи, и дома одна только кухарка... Кстати

какъ зовутъ эту почтенную женщину? Ѳедосьей, если не ошибаюсь?

— Ѳедосьей, подтвердила Надежда Петровна и покраснѣла.

— Прекрасно-съ. Слѣдовательно, по возвращеніи вашемъ къ домашнимъ пенатамъ, васъ встрѣчаетъ Ѳедосья... Теперь будемъ слѣдить за событіями. Вопервыхъ, что̀ вы предпримете, на первыхъ порахъ, въ обществѣ этой интереснѣйшей личности?..

— Велю ей поставить самоваръ и буду пить чай...

— Безподобно-съ! Затѣмъ?

— Затѣмъ что-нибудь почитаю, подожду Павла Иваныча...

— И долго вамъ придется сидѣть въ ожиданіи вашего безцѣннаго Павла Иваныча?

— Н-не знаю... Если мнѣ захочется спать — я лягу въ постель.

— Перстектива очаровательная! Пожалуйте сюда вашу ручку и позвольте мнѣ облабызать ее, въ знакъ моего благоговѣйнаго преклоненія передъ вашими семейными добродѣтелями, бывшими украшеніемъ древняго Рима... Вотъ такъ. Благодарю! Теперь, à fin des fins, придемъ къ какому-нибудь соглашенію, потомучто, ей-богу-же, у меня терпѣніе лопаться начинаетъ!

И играя рукою сосѣдки, какъ это дѣлаютъ съ дѣтьми, брюнетъ продолжалъ медленнымъ, торжественнымъ голосомъ:

— Revenons à nos moutons! Позвольте мнѣ высказать свое задушевное мнѣніе по поводу вашего обожаемаго супруга, Павла Иваныча. Я отнюдь не намѣренъ, конечно, профанировать вашъ священный союзъ... Брачныя узы — великая вещь! Но зато вы должны согласиться со мной, что мнѣ, какъ постороннему между вами лицу, видно многое такое, что̀ отъ васъ ускользаетъ, какъ отъ ослѣпленной достоинствами своего супруга жены... Вы такъ недавно за нимъ еще замужемъ! Вы вся подъ его вліяніемъ! вы смотрите его глазами, слушаете его ушами! вы ему преданы, вы его обожаете! Вѣдь да, конечно, вѣдь вы его обожаете? О, да, еще-бы, конечно, вы его обожаете!

Онъ пріостановился, какъ-бы ожидая отвѣта. Блондинка молчала, пристально потупившись въ землю, о которую нервно по-

стукивала носкомъ ботинки съ выраженіемъ досады и нетерпѣнія... Ея собесѣдникъ все это видѣлъ отлично, но ни малѣйшей тѣни насмѣшки не промелькнуло въ глазахъ его, устремленныхъ на молодую женщину, и голосъ звучалъ такъ-же торжественно... Онъ продолжалъ, все играя рукою сосѣдки:

— Итакъ вы его обожаете... Въ силу ужь этого, никто посторонній, изъ боязни навлечь на себя вашъ гнѣвъ, не осмѣлится сказать о немъ что-либо дурное. Я тоже для васъ посторонній, но я имѣю болѣе правъ. *Я вашъ другъ* — и потому позволю себѣ больше, чѣмъ кто бы то ни было. И я скажу свое откровенное мнѣніе о Павлѣ Иванычѣ. Павелъ Иванычъ — превосходный мужъ, усердный чиновникъ, добрый, во всѣхъ отношеніяхъ достойный человѣкъ, заслуживающій счастія обладать такою прелестной особой, какъ вы... Я вполнѣ его уважаю. Но... надо сознаться, что и на солнцѣ есть пятна, а потому этотъ безподобнѣйшій Павелъ Иванычъ Хвостовъ во многихъ отношеніяхъ колпакъ... Да, Надежда Петровна, онъ — оселъ и колпакъ!

— Вы... вы... Послушайте, какъ вы смѣете! привскочила, вспыхнувъ какъ зарево, Надежда Петровна, вырывая отъ него свою руку.

— Те-те-те! Сердиться вы не имѣете права, такъ какъ позволили мнѣ быть откровеннымъ, а то, что̀ я говорю — святая истина! Сядьте опять и выслушайте меня терпѣливо. Вотъ такъ... Я повторю, что онъ—оселъ и колпакъ...

— Платонъ Васильевичъ, пожалуйста...

— Вамъ не нравится это названіе? Извольте, я употреблю другое... Онъ—эгоистъ... Сущность дѣла отъ этого ничуть не мѣняется. Да, онъ эгоистъ, самый крайній, тупой, неисправимый эгоистъ, такъ какъ—и въ этомъ самое главное—онъ эгоистъ безсознательный! Онъ до-крайности узокъ. Онъ скромный, усердный труженикъ, весь его міръ—департаментъ, идеалы—повышенія по службѣ, ордена, награды... Вотъ кругъ его счастья! И, замѣтьте, вѣдь онъ уже немолодъ, некрасивъ, даже комиченъ... Еслибы онъ былъ способенъ къ самоанализу, онъ долженъ

былъ бы понять, что удѣлъ его идти до конца тою дорогой, какая ему предназначена... Нѣтъ, какъ можно, для него этого мало! Онъ долженъ жениться! Онъ, для котораго высшее выраженіе семейнаго счастья — тарелка хорошаго супа и покойный халатъ,—беретъ подругою жизни молодое, очаровательное существо, полное любви и поэзіи—и его совѣсть чиста! Вотъ гдѣ его эгоизмъ! Онъ—пожилой, геморроидальный чиновникъ, она — молодая красавица, которая жаждетъ всего, чѣмъ услаждается жизнь, которая знаетъ, что истинная сфера ея — блескъ, восторгъ, поклоненья... И онъ спокоенъ! Еще-бы, онъ сдѣлалъ для нея все, что̀, по его понятіямъ, нужно: она сыта, обута, одѣта, она можетъ дѣлать, что̀ хочетъ, можетъ и спать и книжки читать, можетъ даже съ молодыми людьми знакомство водить... Чего ей, молъ, еще нужно?.. Ха-ха!.. Ему и въ голову не можетъ придти, что природа потребуетъ наконецъ своихъ правъ, что еслибы онъ захотѣлъ быть послѣдовательнымъ, то онъ долженъ бы былъ запереть свою молодую жену подъ замокъ, какъ встарину запирали красавицъ въ своихъ теремахъ наши дѣды, долженъ лишить и свѣта и воздуха, чтобы ни единый намекъ о той, другой жизни, гдѣ есть счастливицы, которыя живутъ и наслаждаются, не смущалъ ея затхлаго существованія... Да развѣ онъ не оселъ и колпакъ послѣ этого!!. Или можетъ-быть я ошибаюсь?.. Можетъ-быть вы вполнѣ счастливы, довольны своею судьбою и ничего больше не требуете?..

Онъ остановился, пронзительно смотря на блондинку. Та сидѣла, какъ статуя, не двигаясь и не подымая глазъ отъ земли. Она не издала ни единаго звука, только грудь ея подъ зуавкой подымалась тяжелымъ и неровнымъ дыханіемъ, и казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ изъ глазъ ея должны хлынутъ слезы...

— Вы молчите, Надежда Петровна?.. Отчего вы молчите? Вы на меня разсердились? я васъ оскорбилъ?.. Да скажите-же мнѣ что-нибудь!.. Скажите, что я все это лгу, что я васъ не понялъ, что я глупъ, нелѣпъ, подозрителенъ—и я стану умолять о прощеньи... Скажите же, скажите хоть одно только слово!..

Онъ замолкъ и ждалъ терпѣливо... Блондинка еще ниже опу-

стила голову, изъ глазъ ея выкатилась одинокая слезка и задрожала на подбородкѣ... Въ ту-же минуту изъ устъ ея вылетѣло произнесенное прерывистымъ, взволнованнымъ шопотомъ:

— Отстаньте... противный!..

Она круто отвернула лицо и молча сидѣла, не двигаясь, какъ-бы застывъ...

— Я правъ, тихо произнесъ молодой человѣкъ: — рано, иль поздно, это время наступитъ, когда вы вспомните мои слова... но, увы, можетъ-быть — и не дай этого Богъ!—вы не увидите вблизи себя никого, чье дружеское участіе было бы необходимо для васъ... Повторяю: сохрани васъ отъ этого Богъ!.. Ну, а пока...

Онъ тяжко вздохнулъ, всталъ со скамейки и, протягивая руку блондинкѣ, сказалъ съ глубокимъ поклономъ:

— Прощайте, Надежда Петровна!

Она дрогнула и затрепетала, какъ-бы охваченная волненьемъ и страхомъ... Она молча смотрѣла на рисовавшуюся передъ ней неподвижно высокую фигуру брюнета и не подавала руки... Да, онъ правъ, онъ правъ, онъ разгадалъ, что̀ въ ней происходитъ, онъ безпощадно растеребилъ и показалъ ей во-очію то, что̀ смутно бродило въ глухихъ тайникахъ ея сердца и въ чемъ она сама себѣ боялась признаться... И даже въ послѣднее время, въ эти душныя, бѣлыя ночи, въ томленьи безсонницы, лежа въ постели рядомъ съ мирно-храпящимъ Павломъ Иванычемъ, она, измученная безплодными думами, подымалась съ подушекъ, подолгу смотрѣла на это худое, въ морщинахъ, съ открытымъ ртомъ, обнаруживавшимъ желтые зубы, лицо своего «законнаго мужа»— и мысль о какой-то опасности, о чемъ-то невѣдомомъ, неотвратимомъ и смутно-враждебномъ посѣщала вдругъ ея голову... И въ эти минуты, сидя въ кровати и обхвативъ руками колѣни, она приникала къ нимъ пылающимъ лбомъ и вся замирала въ безысходной истомѣ, а горячая кровь бунтовала въ вискахъ, и ей чудились звуки... мѣрные, ровные звуки какъ-бы гдѣ-то, вдали, катящихся волнъ, будто гдѣ-то, вдали, шумѣлъ и надвигался потокъ, все ближе и ближе, и вотъ наступитъ минута, когда онъ нахлынетъ, охватитъ ее и помчитъ за собою... Тогда, обезсилен-

ная, она падала опять на подушки и засыпала тяжелымъ, болѣзненнымъ сномъ, полнымъ безобразныхъ видѣній... И вотъ теперь опять эти волны... Неужели наступила она, эта минута?.. Темное предчувствіе ей говоритъ, что не слѣдуетъ ѣхать, куда ее приглашаютъ, что она должна скрѣпиться, собрать всю свою волю... И она скрѣпится, она соберетъ всю свою волю!

Платонъ Васильичъ все стоялъ передъ нею съ протянутой въ знакъ прощанья рукою и смотрѣлъ на нее долгимъ, пристальнымъ взглядомъ... Она машинально пролепетала, все не давая ему своей для пожатья.

— А какъ же?.. куда же вы?..

— Туда, на Минерашки, горько усмѣхнулся брюнетъ: — мнѣ давеча мечтался поэтическій вечеръ, подъ развѣсистымъ деревомъ, вдали отъ шумной толпы, при отдаленныхъ звукахъ оркестра, въ задушевной бесѣдѣ съ близкою женщиной... Не удалось, ничего не подѣлаешь! Поѣду одинъ... Я вѣдь вѣчно одинъ. Знать, ужь мнѣ на роду такъ написано... Итакъ позвольте вашу ручку, Надежда Петровна, и разстанемся... Становится поздно!

Боже, что̀ дѣлать?.. Она оглядѣлась по сторонамъ, испытывая жестокую минуту борьбы. Было, дѣйствительно, поздно. Солнце уже скрылось. Ровный, матовый полусвѣтъ окутывалъ деревья бульвара. Въ мелочной лавкѣ, насупротивъ, забрезжился красноватый, тусклый огонь. Отдаленный рокотъ колесъ экипажей слышался явственнѣе. Гдѣ-то, на Невѣ, просвисталъ пароходъ... А дома, въ это время, Ѳедосья томится въ ожиданіи барыни, чтобы закончить этотъ день исполненіемъ своей послѣдней обязанности — поставить и подать самоваръ, послѣ чего можно ужь спать... И потомъ тишина... Бѣлая ночь, глядящая смѣлыми очами въ окошки квартиры... Монотонный стукъ маятника... Возвратившійся домой Павелъ Иванычъ и разсказъ его, сквозь зѣвоту, о вечерѣ на именинахъ у экзекутора...

Она вдругъ встала со скамейки и торопливо, задыхаясь, сказала:

— Ѣдемте! Я готова...

Спустя долгіе годы, въ теченіе другой, позднѣйшей полосы своей жизни, она много разъ вспоминала эту минуту. Все произошло точно сквозь сонъ. Она помнила только, какъ Платонъ Васильичъ вдругъ просіялъ, захлопоталъ, заговорилъ, схватилъ лежавшій на скамейкѣ бурнусъ, убѣждалъ его надѣть, увѣрялъ, что становится холодно; она машинально подставила плечи, онъ надѣлъ ей бурнусъ, потомъ подалъ ей руку, а она оперлась на эту руку и пошла съ нимъ по аллеѣ. Она чувствовала и сознавала только одно: волны ее подхватили и мчали-мчали впередъ, безъ конца...

На перекресткѣ они остановились. Брюнетъ что-то крикнулъ въ пространство — и въ ту-же минуту къ нимъ съ грохотомъ подкатила коляска. Лишь ясно, раздѣльно, прозвучало въ ушахъ ея восклицаніе спутника:

— На Минеральныя! туда и обратно!..

Мих. Альбовъ.

ЛЕГЕНДА

Это древнее-ль сказанье?
Пѣсня-ль ветхой старины?
Словно сонныхъ струй журчанье,
Словно дальній звонъ струны —
Въ часъ раздумья, въ часъ мечтанья,
Сладкихъ звуковъ сочетанья
Я ловлю средь тишины.
Кто-то свѣтлый, кроткій, милый
Тихо рѣетъ надо мной:
Миромъ, лаской, жизнью, силой
Дышитъ образъ неземной.
Звукъ за звукомъ безмятежной
Чередой въ тиши плыветъ...
Голосъ милый, голосъ нѣжный
Пѣсню чудную поетъ:

За горами, за морями,
Годъ за годомъ чередой,
Позабытыми тропами
Ходитъ витязь молодой.
Онъ идетъ — и боръ дремучій
Разступается передъ нимъ;
Подъ его стопой могучей
Гнутся мраморныя кручи
Вѣковымъ хребтомъ своимъ.
Змѣй, влача свои извивы,
По травѣ за нимъ ползетъ;
Левъ, тряся косматой гривой,
По стопамъ его бредетъ;
И орелъ и воронъ черный
Вслѣдъ за нимъ четой покорной
Направляютъ свой полетъ.
Онъ идетъ... Передъ нимъ — темница,
И незыблемый гранитъ
Чудодѣйная десница,
Какъ стекло, дробитъ, крошитъ.
Сталью скованныя звенья
И желѣзные замки
Осыпаются въ мгновенье,

Какъ сухіе лепестки.
Какъ мерцанье звѣздъ пугливыхъ
Въ блескѣ утренней зари,
Средь кумиренъ горделивыхъ
Потухаютъ алтари.
Съ мертвыхъ идоловъ снимаетъ
Злототканный онъ покровъ
И виссономъ покрываетъ
Наготу сиротъ и вдовъ.
Шелкъ и жемчугъ обрывая
Съ ризы пурпурной жрецовъ,
Онъ чинитъ, благословляя,
Мрежи бѣдныхъ рыбаковъ.
На курганы гробовые,
Вѣя чарой волшебства,
Сыплетъ зерна золотыя
„Изъ правова рукава".
Дремлетъ мать-земля сырая...
Но мгновенно, гдѣ, сверкая,
Сѣмя дивное падетъ,
Отверзаются могилы,
И, полна воскресшей силы,
Рать великая встаетъ...

С. Фругъ

ПОХОРОНЫ

По англійской набережной въ солнечное весеннее утро медленно подвигалась похоронная процессія.

Впереди выступали въ черныхъ плащахъ факельщики. Гробъ, обитый золотымъ глазетомъ, везли лошади въ траурныхъ попонахъ. За гробомъ молча шла высокая, сѣдая старуха въ креповой вуали. Ее окружали дѣти — худая двадцатилѣтняя дѣвушка, сынъ-офицеръ и два гимназиста. Пять или шесть знакомыхъ держались немного поодаль. Это чиновники, они хоронятъ товарища.

Я спѣшилъ на васильевскій островъ и проѣхалъ мимо гроба, снявъ шляпу.

Но едва извозчикъ мой сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ мы поровнялись съ другимъ извозчикомъ, везшимъ худого, угрюмаго человѣка съ розовымъ гробикомъ на колѣняхъ. Рядомъ съ нимъ сидѣла его жена и плакала.

— Пошелъ скорѣе!

Не доѣзжая николаевскаго моста, мы поровнялись съ новой похоронной процессіей. Дубовый съ серебряными бляхами гробъ провожалъ священникъ. Но за гробомъ шелъ всего одинъ человѣкъ. Онъ былъ старъ и сѣдъ, въ поношенномъ пальто, и глаза его покраснѣли отъ слезъ. Очевидно, это слуга покойнаго, который былъ одинъ. Баринъ умеръ — и старый лакей закрылъ ему глаза.

Соблюдая обычай, я опять снялъ шляпу.

— Пошелъ, извозчикъ!

Солнце продолжало ярко свѣтить надъ Петербургомъ, и красныя зданія по набережной васильевскаго острова отчетливо рисовались въ прозрачномъ воздухѣ. Дымчатая прозрачная пелена тумана облекла только петропавловскую крѣпость. Несмотря на апрѣль, было тепло, какъ лѣтомъ.

Мы проѣхали мостъ, и вдругъ на поворотѣ я опять увидѣлъ похоронную процессію, направлявшуюся къ смоленскому кладбищу. Не было ни священника, ни факельщиковъ. Въ черномъ плащѣ и цилиндрѣ лѣниво и апатично съ ногами сидѣлъ на дрогахъ возница, и бѣлый гробъ, украшенный бѣлымъ вѣнкомъ, тихо тащили лошади. Ихъ невѣроятную худобу плохо скрывали даже суконныя порыжѣлыя попоны, и у одной изъ клячъ, словно пораженный параличомъ, висѣлъ желтый и противный языкъ.

Въ толпѣ, шедшей за гробомъ, бѣлый вѣнокъ котораго и бѣлый цвѣтъ гласилъ о цѣломудріи и чистотѣ отлетѣвшей въ лучшій міръ души, не было ни одного мужчины: толпа душъ въ двадцать исключительно состояла изъ молодыхъ дѣвушекъ въ модныхъ шляпкахъ, огромныхъ турнюрахъ и плохо - сшитыхъ пальто съ претензіей на щегольство. Мнѣ показалось, что многихъ изъ нихъ я часто встрѣчалъ на Невскомъ въ тѣ часы, когда начинаетъ смеркаться. Онѣ весело и безпечно болтали, подобно галкамъ, кружащимся надъ безмолвнымъ храмомъ, и, вѣрныя своему ремеслу, нѣкоторыя изъ нихъ взглянули на меня и машинально улыбнулись.

Конечно, онѣ хоронили свою подругу. Тифъ подстерегъ ее гдѣ-нибудь въ мрачномъ закоулкѣ, или чахотка изнурила ее, или тоска, прикрытая маской безпечности? Сколько горя вынесла она и сколько униженій! Я невольно подумалъ:

«Господи, прости ее! Искупившая грѣхъ свой пыткой позора, да предстанетъ она и на судъ твой въ бѣлой одеждѣ!»

I. Ясинскій.

ПАСТЫРЬ

Этюдъ

I

— Зачѣмъ поѣду я? неужели только ради того, чтобы удовлетворить свое любопытство? подумалъ Мамуна, взглядывая на часы и безсознательно слѣдя за стрѣлками. Въ меблированной комнатѣ его былъ безпорядокъ. Небольшой увязанный чемоданъ стоялъ у дверей. Все было приготовлено къ отъѣзду.

— Алексѣй Иванычъ, не опоздайте, сказала хозяйка, заглядывая въ дверь:—вамъ извозчика наняли.

— Сейчасъ, сейчасъ, Мавра Петровна.

Онъ захватилъ свои вещи и вышелъ.

— Неужели, размышлялъ онъ,—этотъ человѣкъ разрѣшитъ мои сомнѣнія, когда никто не могъ разрѣшить? неужели тутъ нѣтъ ничего исключительнаго? Тогда какъ объяснить все, что̀ говорятъ? Высшая индивидуальность всегда обличаетъ необыкновеннаго человѣка. Въ чемъ выразилась она тутъ? въ силѣ ли живого слова, въ строгой ли жизни, въ непосредственномъ ли обаяніи мощной натуры?

И онъ сталъ перебирать въ памяти все то, что̀ слышалъ отъ хозяйки. Вотъ что̀ онъ слышалъ:

Въ маленькомъ городѣ жилъ будто-бы одинъ необыкновенный священникъ. Онъ получилъ свыше даръ пророчества, исцѣ-

ленія больныхъ, утѣшенія несчастныхъ. Къ нему съѣзжались и стекались съ разныхъ сторонъ богатые и бѣдные. Всѣхъ удовлетворялъ онъ. Пожертвованія и вклады приносились ему наперерывъ. Онъ все раздавалъ нищимъ, строилъ богоугодныя заведенія и церкви; самъ же велъ простую трудовую жизнь.

И вотъ къ нему-то теперь и ѣхалъ молодой художникъ, Алексѣй Мамуна.

II

Путь былъ почти конченъ. Толпа народа хлынула на мостовую. Вмѣстѣ съ другими вышелъ и Мамуна.

Нѣсколько небольшихъ синихъ дилижансовъ стояли одинъ за другимъ вдоль мостковъ. Первый дилижансъ уже наполнился публикой. Молодая, хорошо-одѣтая дама, съ истомленнымъ лицомъ, ведя подъ руку старика въ военной фуражкѣ и медвѣжьей шубѣ, разспрашивала кондукторовъ:

— Куда сѣсть, мнѣ нужно на соборную площадь? Не знаете ли, далеко до дома Кускова?

— Пожалуйте сюда, сюда, наставительно говорилъ толстый кондукторъ, весь красный отъ холода, какъ обожженный самоваръ. Онъ давно привыкъ обходиться съ пассажирами, какъ съ дѣтьми. Мамуна вспомнилъ, что и ему нужно на соборную площадь, и послѣдовалъ за дамой. Ему очень хотѣлось взять извозчика, какъ это всегда привыкъ дѣлать, но такъ какъ онъ рѣшилъ теперь тратить на себя какъ можно меньше, то отказался отъ этой мысли.

Дилижансъ тяжело загремѣлъ по камнямъ. Стекла въ немъ звенѣли, стѣнки сотрясались и производили непрерывный тягостный шумъ. Пассажиры тѣснились на лавкахъ, обдавая другъ друга горячимъ дыханіемъ. Въ запотѣвшія окна едва можно было различить мелькавшіе по сторонамъ дома. Городъ былъ невеликъ, но тѣсенъ и состоялъ большей частью изъ каменныхъ, лишенныхъ всякой архитектуры, строеній. Безпорядочный видъ его еще болѣе увеличивали огромные кирпичные казармы и казематы, попадавшіеся на каждомъ шагу.

— Соборная площадь! объявилъ кондукторъ, просунувъ въ дверцу голову. Мамуна поднялся и вышелъ изъ экипажа. Небольшой бѣлый соборъ одиноко вызвышался среди площади. Къ нему примыкало съ одной стороны нѣчто вродѣ бульвара. Было два часа дня, но на тротуарахъ почти не виднѣлось народа.

Маленькая оборванная дѣвочка несмѣло приблизилась къ Мамунѣ.

— Вамъ къ отцу Паисію? спросила она: — онъ теперь въ домѣ Кускова.

— Далеко это?

— Нѣтъ, недалече. Я васъ провожу.

— Пусть заработаетъ что-нибудь, подумалъ Мамуна и послѣдовалъ за дѣвочкой. Дилижансъ окружили нищіе, калѣки и убогіе. Издали безпрестанно слышалось:

— Въ домъ Кускова, у Кускова, я провожу васъ! Нѣтъ, я! Я знаю, гдѣ батюшка. Не слушайте его.

— Вы чего тутъ лѣзете! Пошли прочь!

Гнѣвный голосъ кондуктора покрылъ всѣ восклицанія; кучеръ хлестнулъ лошадей, дилижансъ покатился, и протянутыя руки нищихъ опустились безъ подачки.

III

На соборную площадь выходила небольшая узкая улица. Дѣвочка и Мамуна вошли въ нее. Вдоль стѣнъ домовъ по всему протяженію улицы толпились нищіе, странники, странницы и монашенки. Убогіе и увѣчные наперерывъ выставляли свои язвы и болячки, выпрашивая милостыню. Казалось, сюда собрались нищіе со всей губерніи, но особеннсе стеченіе народа было около высокаго каменнаго дома, петербургскаго типа. Онъ принадлежалъ купцу Кускову.

Дѣвочка указала Мамунѣ входъ и, получивъ монету, поспѣшила опять на площадь, а онъ вступилъ на лѣстницу. Здѣсь

суета и толкотня была страшная. Пожилыя женщины въ темныхъ ситцевыхъ платьяхъ перебѣгали съ площадки на площадку, перебраниваясь другъ съ другомъ. Простой народъ удерживали внизу у входной двери, а наверхъ только пускали пріѣзжихъ, да и то кто почище одѣтъ. Среди общаго шума изъ устъ въ уста передавалось:

— Батюшка въ третьемъ номерѣ, а сейчасъ пойдетъ въ пятый. Господа, пожалуйте наверхъ. Сказано, батюшка придетъ въ пятый номеръ!

И Мамуну повели въ пятый номеръ. Это была квартира въ четыре комнаты съ однимъ входомъ. Направо отъ прихожей находилась кухня, выкрашенная охрой. Она была набита сундуками и постелями. На плитѣ блестѣлъ ярко вычищенный мѣдный кубъ. За кухней была общая (общая спальня для бѣдныхъ богомолокъ). Налѣво шли двѣ небольшія, узкія комнатки, а въ серединѣ квартиры находилась большая свѣтлая горница съ голубыми обоями и кисейными занавѣсками на окнахъ. Солнце заливало ее свѣтомъ. Въ переднемъ углу возвышались пять - шесть большихъ и малыхъ иконъ съ зажженными лампадами. Посреди комнаты виднѣлся столъ, уставленный закусками и фруктами. На блюдечкахъ и тарелкахъ лежали сардинки, зернистая икра, темнозолотистый копченый сигъ, виноградъ, яблоки, груши, пряники, пастила; тутъ-же стояла полубутылка хересу.

Пріѣзжая купчиха, собравшая этотъ столъ для угощенія батюшки, съ живымъ нетерпѣніемъ ходила по комнатѣ. Хозяйка квартиры, бойкая, расторопная, не старая еще женщина, съ вороватымъ лицомъ и зоркими сѣрыми глазами, утѣшала ее, увѣряя, что батюшка нынче всѣ номера обойдетъ.

— Вамъ комнату? спросила она, замѣтивъ Мамуну.

Онъ хотѣлъ остановиться въ гостиницѣ, но тутъ ему пришло въ голову, что только здѣсь онъ можетъ увидѣть батюшку въ его сферѣ и составить себѣ цѣльное впечатлѣніе.

Сообразивъ все это, онъ отвѣчалъ:

— Да, комнату.

— Такъ вотъ эта сейчасъ освободится, сказала хозяйка,

окинувъ новаго постояльца испытующимъ взоромъ и рѣшивъ просебя, что онъ можетъ заплатить дороже другихъ.

— Хорошо, согласился онъ:—вы, кажется, говорили, что отецъ Паисій сюда придетъ?

— Безпремѣнно придетъ. Онъ сейчасъ въ третьемъ номерѣ.

— А если вдругъ не захочетъ придти? робко произнесла купчиха, страшась своего предположенія.

— Ужь обѣщалъ, такъ значитъ придетъ, убѣжденно произнесла хозяйка:—вотъ еще господа его ждутъ. Она кивнула головой въ корридоръ.

Мамуна увидѣлъ тамъ даму съ истомленнымъ лицомъ и старика въ медвѣжьей шубѣ, съ которыми ему пришлось ѣхать въ дилижансѣ.

— Я пойду пока въ третій номеръ, сказалъ онъ хозяйкѣ.

Она загадочно усмѣхнулась.

— Не знаю, пройдете-ль. Народу, поди, тамъ много.

— Пройду.

И онъ вышелъ на лѣстницу.

IV

У раскрытыхъ дверей третьяго номера происходила свалка. Женщины въ ситцевыхъ платьяхъ съ ожесточеніемъ отталкивали напиравшихъ на нихъ богомольцевъ. Одна изъ нихъ пихнула Мамуну. Сдержанность его тотчасъ пропала (онъ ѣхалъ и вошелъ сюда со смиреніемъ и кротостью, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей и съ искреннимъ желаніемъ чему-нибудь поучиться); онъ отстранилъ прислужницу и прошелъ въ комнаты. И здѣсь густо тѣснились богомольцы. Толпа почти сплошь состояла изъ женщинъ. Только кой-гдѣ виднѣлся долгополый сюртукъ приказчика или широкій кафтанъ купца. Въ углу усердно отбивалъ поклоны становой приставъ. Мундиръ его рѣзко выдѣлялся среди темныхъ одеждъ странницъ и монахинь. Почти всѣ богомольцы были изъ простого званія. Тутъ находились жены лавочниковъ, сидѣльцевъ,

купчихи, пожилыя бѣлошвейки, прачки и стряпки. Всѣ онѣ крестились, вздыхали и не спускали глазъ съ служившаго молебенъ священника.

Онъ былъ средняго роста, худощавъ и благообразенъ. Сухіе русые волосы его разсыпались по плечамъ. Блѣдное лицо его не отличалось выразительностью. Но его и не успѣлъ разсмотрѣть Мамуна, такъ какъ священникъ часто кланялся. Наконецъ онъ обернулся и поднялъ крестъ. Толпа устремилась къ нему. Приложившіеся отходили прочь, набожно крестились и мочили голову святой водой. Но тѣснота и давка все усиливались. Высокій купецъ, зорко стерегшій каждое движеніе священника, пробрался впередъ и воскликнулъ:

— Батюшка, сдѣлайте милость, не откажите молебенъ отслужить.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ тотъ и направился въ другую комнату.

Женщины окружили его, цѣловали на ходу его руки, полы рясы, рукава. Онъ благословлялъ ихъ и съ ласковой улыбкой поворачивалъ вокругъ свое лицо. Дородная купчиха, въ жесткомъ шелковомъ платьѣ, все время державшая незапечатанный конверстъ, туго набитый мелкими кредитками, протянула его священнику. Тотъ передалъ деньги плотному, румяному человѣку въ хорошемъ сюртукѣ и узкихъ штанахъ, который все время находился около него и принималъ жертвованія.

Въ сосѣдней комнатѣ былъ накрытъ столъ. На немъ совершенно такъ-же, какъ и въ пятомъ номерѣ, были, разложены на тарелкахъ и блюдечкахъ яблоки, груши, виноградъ, закуски, и стояла полубутылка хересу. Тутъ еще виднѣлся чайный приборъ. Пузатый самоваръ кипѣлъ на окнѣ. Мамуна понялъ, что здѣсь собирали столъ по извѣстному уставу.

Священникъ отслужилъ молебенъ, и опять стали подходить ко кресту.

Въ это время шумъ и гамъ на площадкѣ лѣстницы внезапно прекратились: хозяйка квартиры со своими прислужницами нако-

нецъ оттѣснила назойливыхъ богомольцевъ, и ей удалось запереть за собой дверь.

— Соблаговолите, батюшка, откушать, сказалъ купецъ, собравшій столъ.—Чаю не прикажете-ли?

Священникъ молча опустился съ усталымъ видомъ въ кресло.

Купецъ тотчасъ подалъ ему налитый до краевъ стаканъ. Священникъ не глядя захватилъ нѣсколько кусковъ сахару и опустилъ ихъ въ горячій чай.

— Винца не соблаговолите-ль? продолжалъ купецъ, поднося рюмку мадеры.

Священникъ не торопясь выпилъ ее, налилъ другую и подалъ своему спутнику съ румянымъ лицомъ. Тотъ, съ явнымъ удовольствіемъ, опрокинулъ ее себѣ въ ротъ.

Въ время этого угощенія въ комнатѣ соблюдалась величайшая тишина. Женщины, вытянувъ шеи, съ дышащими фанатизмомъ лицами, неподвижно уставились на священника. Онѣ боялись проронить каждое слово, упустить малѣйшій его жестъ, ничтожное движеніе. Онѣ всецѣло предались созерцанію. Одно восторжно-благоговѣйное настроеніе охватило толпу, и, смотря на нее, Мамуна понялъ, какъ совершаются религіозныя движенія.

Когда, по мнѣнію купца, батюшка достаточно угостился (тотъ едва прикоснулся къ закускамъ), онъ выступилъ впередъ и проговорилъ умоляющимъ голосомъ:

— Батюшка, отецъ родной, съ великой я къ вамъ просьбой. Сынъ у меня лежитъ крѣпко болѣнъ. Видѣнія разныя ему представляются, бѣсы и нечистая сила. Такъ иной разъ затрясется, затрясется весь и закричитъ благимъ матомъ. Словно полуумный сталъ. Ужь не знаемъ, что̀ и дѣлать.

— А пилъ онъ раньше?

— Пилъ, шибко пилъ, что̀ грѣха таить.

— Ну, вотъ оттого-то все и вышло, съ привѣтливой улыбкой сказалъ священникъ:—не пилъ бы, былъ бы здоровъ. Пить ему не давайте! съ внезапной строгостью прибавилъ онъ:—пройдетъ.

— Батюшка, а вотъ къ другому моему сынишкѣ родимчикъ привязался. Просто извелся совсѣмъ.

Тутъ жена купца выступила впередъ и съ рыданіемъ повалилась на колѣни.

— Помоги, батюшка, помолись за насъ грѣшныхъ!

— Мать? спросилъ онъ.

— Мать, произнесъ купецъ.

— Ну, встань, встань, грѣхъ такъ отчаяваться. Все отъ Бога—и радость, и печаль. Все въ его волѣ. Лѣчили вы дитя? Давно это съ нимъ началось?

— Давно, съ малолѣтства, отвѣчала женщина.

— Какъ найдетъ на его припадокъ—простыней накройте. Пусть такъ полежитъ, пока не успокоится.

— Освятите простыньку, батюшка, воскликнула женщина, поспѣшно развертывая полотно.

Священникъ сдѣлалъ крестное знаменіе и, помочивъ пальцы святой водой, прикоснулся къ простынѣ. Женщина тихо всхлипывала, купецъ молча утиралъ кулакомъ слезы. Толпа въ благоговѣніи замерла.

Странное чувство охватило Мамуну. Не видъ священника, не его слова, а то безграничное смиреніе, та глубокая вѣра, которая выражалась во взорахъ, движеніяхъ и мольбахъ всѣхъ этихъ бѣдныхъ людей, наивно раскрывавшихъ свои страданія и ожидавшихъ исцѣленія, до глубины души растрогала Мамуну. Онъ видѣлъ и сознавалъ, что и это хорошо; онъ понималъ, что потрясенные и освѣженные молитвой эти люди хоть временно становились лучше, чище, нравственнѣй.

Воспользовавшись минутнымъ затишьемъ, впередъ пробралась плохо-одѣтая старушка и подала священнику клочокъ бумаги.

— Батюшка, дорогой, какъ будешь въ городѣ, пріѣзжай къ намъ, торопливо заговорила она, боясь, какъ бы ее не отогнали:— матушка моя при смерти лежитъ. Батюшка, исцѣли, голубчикъ, дорогой. Вотъ адресокъ-то. Скажи, когда пріѣдешь?

— Не могу обѣщать. Занятъ я сильно, но будетъ время— зайду.

Изъ толпы выступило еще нѣсколько человѣкъ. Всѣ протягивали бумажки съ адресами и умоляли священника посѣтить ихъ. Онъ поднялся съ мѣста. Въ комнатѣ произошло общее движеніе. Хозяйка квартиры бросилась очищать дорогу. Священникъ направился къ выходу, и опять женщины стали цѣловать его руки и платье. Едва онъ вышелъ на площадку, какъ хозяйка пятаго номера со своими прислужницами, давно подстерегавшая его, окружила его и, подхвативъ подъ руки, повела наверхъ. Толпа хлынула вслѣдъ за ними, но прислужницы мужественно оттѣснили ее, и, какъ только священника ввели въ квартиру, захлопнули дверь и задвинули засовъ.

Но оставшіеся на площадкѣ богомольцы не унывали. Распространился упорный слухъ, что батюшка непремѣнно обойдетъ сегодня всѣ номера, и стеченіе народа все увеличивалось.

V

Мамуна, шедшій позади священника, былъ тоже остановленъ служанкой.

— Ты куда? воскликнула она, наваливаясь на него плечомъ— свалка разгорячила ее:—вѣдь былъ внизу, чего же сюда лѣзешь?

— Да я здѣсь остановился, возразилъ онъ. Хозяйка квартиры, услышавъ его слова, кинулась къ дверямъ и крикнула:

— Пусти, пусти, аль ты ослѣпла, Вѣрка!

Служанка смутилась, тотчасъ пропустила Мамуну и мгновенно заперла за собой дверь.

— Извините, обозналась, не доглядѣла, оправдывалась она:— пожалуйста, не сердитесь. Народу много: не остерегись—всѣхъ гостей разгонятъ.

— Ничего, ничего, сказалъ Мамуну и прошелъ впередъ. Священникъ уже служилъ молебенъ, и румяный дьячокъ подтягивалъ молитвы.

Несмотря на то, что здѣсь были другіе богомольцы, странницы и монашки, Мамунѣ показалось, что кругомъ все та-же

толпа, потому-что она была исполнена той-же восторженности и воодушевленія. И здѣсь женщины, оцѣпенѣвъ на мѣстѣ, вытягивали съ любопытствомъ головы и стерегли каждое движеніе священника.

Послѣ службы въ общей, пріѣзжая купчиха, занимавшая ту комнату, гдѣ былъ накрытъ столъ, и которую хозяйка уже сдала мысленно Мамунѣ, упросила батюшку отслужить ей молебенъ. Онъ пошелъ туда, и женщины послѣдовали за нимъ.

Послѣ молебна купчиха попросила батюшку закусить. Онъ сѣлъ къ столу. Ему подали стаканъ чаю. Повторилось то-же самое, что̀ внизу.

— Батюшка, голубчикъ, дорогой, помоги мнѣ, воскликнула купчиха, робко выступая изъ толпы.

Хозяйка квартиры подталкивала ее, шепча:

— Иди, иди, теперь говори все, онъ выслушаетъ.

Священникъ поднялъ на нее глаза.

— Мужъ мой трудно боленъ. Помолись за него, не оставь насъ своею милостью.

Она заплакала.

— Чѣмъ боленъ?

— А Господь его знаетъ. Десятый годъ уже лежитъ.

— А чѣмъ онъ занимается?

— Купцы мы, голубчикъ, купцы, желѣзнымъ товаромъ торгуемъ.

— А, помню, помню. Собирательница ты: угощать меня любишь.

Онъ ласково усмѣхнулся. Купчиха вся просвѣтлѣла. Послѣдняя робость исчезла въ ней.

— И то узналъ меня, дорогой. Въ прошломъ году была я.

— Помню, была, была.

Мамуна, стоявшій позади всѣхъ, подошелъ къ столу и сѣлъ на диванъ. Священникъ проницательно посмотрѣлъ на него, увидѣлъ сосредоточенное, серьезное лицо, неподвижные черные глаза и проговорилъ:

— Вдумчивый вы человѣкъ.

Мамуна промолчалъ.

— А что вы русскій? спросилъ священникъ, глядя на его яркую черную бороду.

— Русскій, природный москвичъ.

— Странно, очень странно. Игра природы. Вы служите?

— Нѣтъ, не служу.

— А, значитъ, есть свои средства.

И батюшка опять посмотрѣлъ на него, размышляя, зачѣмъ онъ могъ пріѣхать къ нему. По одеждѣ, манерамъ, а главное по лицу Мамуны онъ понялъ, что имѣетъ дѣло не съ совсѣмъ обыкновеннымъ богомольцемъ. Опытъ и природная проницательность подсказывали ему, что передъ нимъ сомнѣвающійся, страстный и пытливый человѣкъ.

А Мамуна тоже размышлялъ о немъ, изучая его лицо.

Въ священникѣ съ виду не было ничего особеннаго. Сѣровато-голубые глаза его съ точно-расколовшимися зрачками не были ни глубоки, ни прекрасны. Это были ласковые, добрые, постоянно напряженные, а потому усталые глаза. И все въ немъ было также просто и скромно. За этой простотой ничего не скрывалось. Такова была сущность его природы.

Мамуна видѣлъ многихъ великихъ людей. Онъ зналъ, какое впечатлѣніе они производили на него.

Онъ сидѣлъ теперь и думалъ:

— Въ чемъ же тайна обаянія этого священника? почему отовсюду стекаются къ нему? въ чемъ его сила?

— Вотъ видите, съ утра до вечера я такъ занятъ, сказалъ батюшка, глядя на Мамуну,—и грѣшить некогда (онъ кротко усмѣхнулся). Да и слава-богу.

— Трудно должно-быть вамъ?

Священникъ вздохнулъ.

— Что́ дѣлать, какъ же быть безъ труда. Богъ велѣлъ.

Онъ опять посмотрѣлъ на Мамуну и, не будучи въ состояніи опредѣлить его общественное положеніе, спросилъ:

— Вы чѣмъ же занимаетесь?

— Я... художникъ, произнесъ съ усиліемъ Мамуна. Ему всегда было трудно говорить, что онъ художникъ.

— И портреты пишете?

— Пишу.

— А позвольте узнать вашу фамилію?

Мамуна назвалъ себя.

— Слышалъ, слышалъ, любезно сказалъ священникъ.

— Батюшка, произнесъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ Мамуна,— хотѣлось бы мнѣ побесѣдовать съ вами. Можно вечеромъ придти къ вамъ?

— Можно, отчего-же. Только я рѣдко бываю дома.

— Въ которомъ часу лучше всего?

— Въ семь; да, да, приходите въ семь, сказалъ священникъ. Онъ взялъ полный стаканъ чаю и подалъ Мамунѣ.

— Кушайте на здоровье.

Мамуна принялъ стаканъ. Толпа съ удивленіемъ смотрѣла на необычайную честь, оказанную ему. Священникъ взялъ другой стаканъ и отлилъ чай на блюдечко.

— Вѣра, поди сюда, проговорилъ онъ.

Служанка, не впускавшая Мамуну, несмѣло приблизилась къ столу.

— На̀ тебѣ. Анюта!

Вошла другая женщина.

Священникъ отлилъ ей немного своего чаю въ чашку.

— Мавра, на̀ тебѣ. Софія—тебѣ. Елена! гдѣ Елена? Вотъ, на̀ тебѣ.

Хозяйка квартиры помѣстилась около самовара и, безпрерывно наливая чай, подавала его священнику. Тотъ съ просвѣтленнымъ, благостнымъ видомъ одѣлялъ прислужницъ и странницъ чаемъ. Онѣ со страхомъ и радостью принимали блюдечки и чашки изъ его рукъ. Чай казался имъ святымъ и чудодѣйственнымъ. Онѣ твердо вѣрили въ это. Благоговѣйный восторгъ сіялъ на лицахъ присутствовавшихъ. Они были проникнуты одной мыслью, однимъ чувствомъ. И еще разъ Мамуна понялъ, какъ совершаются религіозныя движенія.

Видя священника въ свѣтломъ и радостномъ расположеніи духа (раздавъ чай, онъ нѣкоторое время отдыхалъ, и его усталый видъ придавалъ ему особую почтенность), купчиха, собравшая столъ, достала фотографическую карточку и приблизилась къ нему съ перомъ въ рукѣ.

— Подпиши, голубчикъ дорогой, умильно просила она.

Онъ взялъ перо, написалъ свое имя и кому даетъ на память свой портретъ. Купчиха была въ безграничномъ восторгѣ. Наконецъ священникъ поднялся съ мѣста, вспомнивъ, что слишкомъ засидѣлся. Онъ быстро пожалъ руку Мамунѣ и прибавилъ:

— До-свиданья.

Въ сосѣдней комнатѣ его ужь ждали, и чрезъ минуту онъ служилъ тамъ молебенъ.

Только черезъ два часа онъ обошелъ всѣ квартиры дома Кускова и направился домой. Но у подъѣзда лошадь его, испугавшись толпы, стала бить. Народъ подхватилъ священника на руки и понесъ по улицѣ. Мамуна, привлеченный шумомъ, выглянулъ изъ окна. Онъ увидѣлъ оживленное шествіе и слѣдилъ за нимъ, пока оно не скрылось за угломъ.

Къ семи часамъ квартиры совершенно опустѣли. Пріѣзжіе богомольцы ушли въ соборъ. Мамуна отправился къ священнику. Его не оказалось дома. Прислуга сообщила, что минутъ десять тому назадъ за нимъ явились посланные отъ вельможи и увезли его.

На другой день Мамуна уѣхалъ.

Анатолій Леманъ.

С.-Петербургъ, 1887.

НА НЕВѢ

Нѣтъ ночи, а не день. Надъ мирною Невою
Вечерняя заря румянится тепло,
Но вѣтеръ ужъ пахнулъ прохладою ночною
И морщитъ свѣтлыхъ водъ спокойное стекло.
Пурпурнымъ янтаремъ пылаютъ окна зданій,
Какъ будто-бы тамъ ночь справляетъ пиръ весны.
Узоры пестрые далекихъ очертаній
Въ лиловый полусвѣтъ, какъ въ дымъ, погружены.
Удавомъ каменнымъ змѣится цѣпь гранита
И паутиной мачтъ чернѣютъ корабли...
Уныло ночь молчитъ, и грусть кругомъ разлита,
И слышенъ вздохъ небесъ въ молчаніи земли!..

И точно чей-то глазъ, какъ лучъ любви случайный,
Мнѣ въ душу заглянулъ пытливо и свѣтло,
И все, что̀ было въ ней загадкою иль тайной—
Все въ звуки облеклось, все имя обрѣло.
И странныя мечты, больныя до истомы,
Наполнили меня блаженною тоской...
И мнится, что вокругъ всѣ пышныя хоромы,
Вся эта ночь и блескъ намъ вызваны мечтой.
И мнится — даль небесъ, какъ пологъ, распахнется
И каменныхъ громадъ недвижный караванъ
Вотъ-вотъ сейчасъ, сейчасъ, волнуясь колыхнется —
И въ блѣдныхъ небесахъ исчезнетъ, какъ туманъ!

К. Фофановъ.

1888, апрѣль.

НА ПОРОГѢ КЪ СЛАВѢ

Петербургскій анекдотъ

I

— Здѣсь редакція «Русскаго Генія»?..

Швейцаръ дома № 6, высокій и жирный, съ виду скорѣй похожій на архіерея, чѣмъ на швейцара, обвелъ стоявшаго передъ нимъ бѣдно-одѣтаго, блѣднолицаго юношу величественно-соннымъ взглядомъ и, медленно сунувъ въ лѣвую ноздрю понюшку табаку, указалъ на верхъ. Юноша поблагодарилъ его легкимъ кивкомъ и нерѣшительнымъ шагомъ сталъ взбираться по лѣстницѣ. Робкій взглядъ красныхъ глазъ, перерывистое дыханіе плоской груди и крѣпко прижатый подъ мышкой внушительный свертокъ явно обличали въ незнакомцѣ одного изъ тысячи тѣхъ легкомысленныхъ юношей, которые, гордо отвергнувъ благодѣтельные совѣты друзей и родственниковъ, упорно стремятся вкусить отъ горькаго плода литературной славы. Исторія Захара Краснушкина (имя героя) поэтому ничѣмъ не отличалась отъ тысячи исторій подобныхъ ему легкомысленныхъ юношей.

Будучи еще въ гимназіи, онъ усиленно бомбардировалъ редакціи разныхъ журналовъ и газетъ своими стихотворными посланіями. Посланія эти тщательно избирались изъ толстой завѣтной тетрадки, заключавшей въ себѣ полное собраніе поэти-

ческихъ опытовъ Краснушкина. Тутъ было и бурное стихотвореніе: «Мнѣ все равно—пускай смѣется надъ чувствомъ жалкая толпа!» и мрачная сатира: «Душно мнѣ въ салонахъ свѣта!» и два граціозные сонета, посвященные «Любовницѣ-цыганкѣ» и «Морской волнѣ» и цѣлая серія прочувствованныхъ посланій, озаглавленная: «Моему другу Тишѣ Сидорову». Несмотря однако на избранность посылаемыхъ пьесъ, отвѣтовъ «Любимецъ Музъ» (псевдонимъ Краснушкина) или вовсе не получалъ, или же, если и получалъ, то обыкновенно черезъ посредство «почтоваго ящика» въ видѣ болѣе или менѣе остроумныхъ совѣтовъ — «слѣзть съ чахлаго Пегаса», «не терзать безбожно чужихъ ушей» и т. п.— Неудачи, однако, нисколько не ослабили энергіи Краснушкина, хотя довольно тяжко отозвались на его литературномъ направленіи, въ конецъ изсушивъ въ его груди благоуханные цвѣты поэзіи и превративъ пламеннаго лирика въ прозаика и драматурга. Попавъ изъ гимназіи на службу въ банкъ на двадцатипятирублевый окладъ мелкаго чиновника, Краснушкинъ не упалъ духомъ и яростно принялся за сочиненіе драмы. Черезъ три мѣсяца послѣ начала работы имъ была воспроизведена на свѣтъ трехактная «поэма-драма», подъ названіемъ: «Послѣдній поэтъ». Говоря по секрету, въ грандіозномъ образѣ поэта Монбланова Краснушкинъ драматизировалъ свою собственную особу. Въ первомъ актѣ изображалось бѣдственное положеніе живущаго на 8-й улицѣ Песковъ (мѣстожительство Красноушкина) великаго, но еще никому неизвѣстнаго поэта Монбланова. Во второмъ актѣ Монблановъ, уже достигшій апогея своей славы, блистаетъ въ петербургскихъ салонахъ и пользуется любовью графини Тюльпановой (приблизительная картина недалекаго будущаго Краснушкина). Въ послѣднемъ актѣ Монблановъ, неужившійся въ великосвѣтскихъ салонахъ съ своимъ прямодушнымъ нравомъ, возвращается вновь на Пески и умираетъ съ голоду, поясняя зрителямъ въ пространномъ монологѣ, что въ нашъ матеріальный вѣкъ поэзія положительно процвѣтать не можетъ и что онъ, Монблановъ, послѣдній поэтъ. Умереть съ голоду, конечно, не входило въ разсчеты Захара Краснушкина и, только уступая

общепринятымъ требованіямъ драмы, онъ прибѣгнулъ къ такой тяжелой развязкѣ. Въ громкомъ успѣхѣ своего «Послѣдняго поэта», въ случаѣ напечатанія, онъ не сомнѣвался ни на минуту.

Однако, по мѣрѣ приближенія къ дверямъ редакціи, Краснушкинымъ овладѣвало нѣкоторое малодушное безпокойство. Напечатаютъ ли, *вотъ въ чемъ вопросъ?*.. О, конечно, напечатаютъ... Только-бы прочли рукопись «до конца». Въ его драмѣ есть мѣста, которыя должны захватить самаго черстваго человѣка. И для возбужденія увѣренности къ своему дѣтищу, Краснушкинъ задекламировалъ вполголоса предсмертный монологъ Монбланова... «Гау... гаау!» раздался вдругъ подъ его ногами отчаянный визгъ... Краснушкинъ очнулся и тутъ только замѣтилъ, что чуть не раздавилъ собаченку-крысоловку, которую вела на лентѣ спускавшаяся сверху толстая барыня. Толстая барыня смѣрила его гнѣвнымъ взглядомъ и поспѣшила взять крысоловку къ себѣ на руки. Краснушкинъ покраснѣлъ, что-то пробормоталъ въ извиненіе и ускорилъ шагъ. Черезъ минуту онъ былъ передъ дверью редакціи.

Необычайное волненіе охватило все существо его. Чтобъ хоть немного овладѣть собой, Краснушкинъ принялся перечитывать вывѣшенное на дверяхъ объявленіе, но въ глазахъ его рябило и онъ ничего не могъ разобрать, кромѣ двухъ стоящихъ передъ нимъ огненныхъ строкъ: «Редакція газеты «Русскій Геній»... Личныя объясненія съ г. редакторомъ отъ 3 до 4 час. пополудни». Онъ долго бы, вѣроятно, не рѣшился позвонить, еслибы не вышедшій изъ противоположной двери офицеръ въ pince-pez, который, проходя мимо, какъ показалось Краснушкину, иронически покосился на толстую трубку рукописи. Это оскорбило самолюбіе Краснушкина и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудило его рѣшимость. Онъ взялся за ручку звонка и потянулъ. Прошло нѣсколько минутъ—дверь оставалась запертою. Неужели я опоздалъ? испугался Краснушкинъ и вынулъ свои никелевые часики. Часики показывали половину четвертаго. Нѣтъ, какъ разъ! Чего же они не отворяютъ? Они обязаны отворить. Каждый имѣетъ право предлагать свой трудъ—на то редакція. «Впрочемъ, можетъ-быть

я тихо позвонилъ», успокоилъ себя Краснушкинъ и снова потянулъ ручку звонка, на этотъ разъ довольно энергично. Но онъ прождалъ почти четверть часа и никто не отворялъ. «Что̀ жь это такое?» заволновался мнительный авторъ: «если лакей куда-нибудь посланъ, я полагаю, могъ бы побезпокоиться кто-нибудь изъ сотрудниковъ. Или они чуютъ по звонку, что звонитъ не литературный генералъ, а только начинающій! Такъ что̀ жь такое, что я начинающій? Развѣ они могутъ опредѣлительно сказать, что изъ меня выйдетъ впослѣдствіи... О, чортъ возьми, я чувствую, что изъ меня современемъ все выйдетъ!!»—И Захаръ Краснушкинъ дернулъ звонокъ въ третій разъ рѣшительно и съ ожесточеніемъ. Дверь отворилась.

II

Въ Петербургѣ, въ ряду газетъ либеральныхъ и ретроградныхъ, большихъ и малыхъ, серьезныхъ и шуточныхъ, существуютъ непремѣнно двѣ-три газеты, которыя издаются, извините за выраженіе, чортъ знаетъ для чего. Литературная политическая и «прогрессивная» газета «Русскій Геній» была именно типомъ подобнаго органа. Происхожденіе такихъ газетъ обыкновенно самое фантастическое. Невѣдомо откуда является благодѣтель, дающій деньги на изданіе, вслѣдъ за благодѣтелемъ вылѣзаетъ на свѣтъ божій никому невѣдомый редакторъ, въ свою очередь привлекающій за собой легіонъ никому невѣдомыхъ сотрудниковъ, дотого невѣдомыхъ, что, разъ изданіе прекращается, вы никого изъ нихъ ужь больше никогда не встрѣтите на литературныхъ горизонтахъ. Существованіе такихъ газетъ такъ-же неопредѣленно и недолговѣчно, какъ туманна и неопредѣленна ихъ физіономія. И, несмотря на то, что подобныя газеты считаютъ подписчиковъ лишь десятками и издаются на грязноватой и непристойно-тонкой бумагѣ, главная ихъ особенность заключается въ томъ, что они до смѣшного стараются подражать солиднымъ распространеннымъ органамъ, по внѣшности, конечно—

въ распредѣленіи отдѣловъ и статей, а отнюдь не по содержанію, котораго не имѣется, точно глупый подростокъ, выбивающійся изъ силъ, чтобы его приняли за большого. Самое названіе такихъ газетъ бьетъ въ носъ своею претенціозностью, въ которой, однако, редакторъ не перестаетъ видѣть всю силу своего изданія. Покрайней мѣрѣ редакторъ «Русскаго Генія» Іеронимъ Артамоновичъ Унтиловъ придавалъ какое-то магическое значеніе придуманному имъ названію (хотя и не притягивавшему подписчиковъ), какъ вообще придавалъ необыкновенное значеніе всякой показной сторонѣ газетнаго дѣла: названію отдѣловъ и статей, яркости псевдонимовъ, всякимъ громкимъ фразамъ и трескучимъ заглавіямъ. Но особеннымъ, такъ-сказать миѳическимъ ореоломъ старался онъ окружить свою собственнную особу, такъ какъ, по его внутреннему убѣжденію, редакторъ газеты былъ вовсе не простой руководитель изданія, а существо до нѣкоторой степени загадочное и сверхъестественное. И, дѣйствительно, печать этой загадочности лежала на всѣхъ дѣйствіяхъ Іеронима Унтилова, начиная съ его отношеній къ посѣтителямъ и сотрудникамъ и кончая обстановкой его собственнаго кабинета.

Исходя изъ того положенія, что редакторъ газеты долженъ быть заваленъ работой по горло, Унтиловъ не иначе выходилъ къ посѣтителямъ, какъ въ халатѣ, слегка растрепанный, извиняясь усталымъ голосомъ, что не успѣлъ переодѣться, потому-что, неизмѣнно пояснялъ онъ, «адски много работы». Это, по его мнѣнію, давало тонъ газетѣ. Его кабинетъ, надъ дверью котораго красовался картонъ съ исполинскою надписью: «Кабинетъ редактора», не могъ не возбудить священнаго трепета въ молодомъ, начинающемъ посѣтителѣ. Сравнительно небольшая комната, съ высокимъ венеціанскимъ окномъ на улицу, сверху донизу была загромождена книгами, газетами, рукописями и корректурами. Мебели было немного. Посреди письменный столъ, у окна—диванъ и въ глубинѣ — огромный книжный шкафъ, увѣнчанный бюстомъ какого-то философа, какого—съ точностью неизвѣстно, такъ какъ къ самому его носу былъ приставленъ картонъ съ наклееннымъ объявленіемъ объ изданіи «Русскаго Генія»; такія-же

точно объявленія висѣли по обѣимъ сторонамъ шкафа. На полу, на полкахъ, на подоконникѣ, всюду навалены были груды книгъ, связки старыхъ нумеровъ газетъ, вороха корректуръ. Письменный столъ, сплошь заваленный корректурами и пакетами съ печатью редакціи, едва оставлялъ мѣсто для подсвѣчника о шести свѣчахъ съ огромнымъ абажуромъ—символомъ «адской работы». На самомъ видномъ мѣстѣ стола возлежалъ краснаго сафьяна портфель съ тисненной золотомъ надписью: «Портфель редактора». Высокое готическое кресло передъ столомъ, хотя и не имѣло на спинкѣ ярлыка «кресло редактора», но самъ Унтиловъ питалъ къ нему явное чувство благоговѣнія и, въ случаѣ посѣщенія «кабинета редактора» какой-нибудь титулованной особой, придвигая особѣ это единственное въ комнатѣ кресло, произносилъ съ аффектаціей: «Позвольте, ваше—ство, предложить вамъ кресло *самого* редактора!» Просторный кожаный диванъ у окна служилъ мѣстомъ склада поступившихъ въ редакцію рукописей, которыя валялись тутъ въ страшномъ безпорядкѣ и безбожно измятыя, такъ какъ означенный диванъ, служа сидѣніемъ лицамъ нетитулованнымъ и сотрудникамъ редакціи, служилъ въ то-же время ложемъ сна и отдохновенія послѣ «адской работы» *самого* редактора. Но всѣ посѣтители безъ исключенія должны были испытывать смертельную тоску, вступая въ это «святая святыхъ» редакціи, потому-что говорить съ человѣкомъ, по природѣ ограниченнымъ и апатичнымъ, неизмѣнно опускавшемъ на свою сонливую физіономію при бесѣдѣ съ постороннимъ забрало какой-то глубокомысленной таинственности, едва-ли могло представлять интересъ. Говорилъ Унтиловъ мало и даже не говорилъ, а какъ-то скупо цѣдилъ разныя заученныя фразы о призваніи «Русскаго Генія», о массѣ подавляющей редактора работы и т. п., и опять-таки въ силу того убѣжденія, что редакторъ, чтобы поддержать себя на достойной высотѣ, не долженъ расточать передъ постороннимъ запасъ идей, столь необходимыхъ для изданія. Какимъ образомъ при подобномъ редакторѣ могла хоть сколько-нибудь двигаться сложная машина изданія газеты—извѣстно одному Богу и секретарю редакціи — длинному, лысому и подслѣповатому нѣм-

цу—нѣкоему «Якову Ивановичу». Этотъ Яковъ Ивановичъ за 40 рублей въ мѣсяцъ продалъ «Русскому Генію» свою нѣмецкую душу и работалъ какъ волъ—за редактора, конторщика, корректора и проч., что̀ представляло особенную трудность, принимая во вниманіе, что сотрудники въ «Русскомъ Геніѣ» мѣнялись чуть не ежедневно. Г. Унтилова подобное столпотвореніе нимало не смущало, ибо въ глазахъ послѣдняго эта безтолковщина была не что̀ иное, какъ «необходимое кровообращеніе газетнаго организма», и когда кто-нибудь его спрашивалъ: «кто у васъ завѣдуетъ такимъ-то отдѣломъ?» онъ прехладнокровно отвѣчалъ: «Не могу вамъ сказать ничего опредѣлительнаго. У меня вѣдь составъ редакціи постоянно обновляется. Вы знаете, дѣло редактора—давать общій тонъ газетѣ, а что̀ касается до частностей, то это всецѣло уже принадлежитъ секретарю редакціи—Якову Ивановичу». И Яковъ Ивановичъ, въ знакъ согласія, наклонилъ свою лысую, усердную голову. Впрочемъ, изъ толпы сотрудниковъ выдѣлился въ скоромъ времени маленькій, черненькій и чрезвычайно вертлявый жидочекъ, занимавшійся репортерствомъ и изъ какихъ-то отдаленныхъ выгодъ довольно прочно прилѣпившійся къ «Русскому Генію». Этотъ жидъ былъ лѣвой рукой честнаго нѣмца, хромавшаго въ русскомъ языкѣ, какъ этотъ въ свою очередь былъ правой рукой Унтилова, незнавшаго ни одного иностраннаго. Словомъ, дѣло «редакціи» было такъ-же смутно, какъ смутно было прошлое этихъ трехъ представителей «Русскаго Генія».

III

Удостоиться чести проникнуть въ «кабинетъ редактора» Краснушкину удалось не ранѣе, какъ спустя недѣлю послѣ своего перваго нашествія на редакцію «Русскаго Генія», нашествія, неознаменовавшагося сверхъ всякаго его ожиданія ничѣмъ выдающимся. Дверь ему отворилъ вертлявый жидочекъ и, замѣтивъ рукопись, направилъ его къ работавшему за своей конторкой «Якову Ивановичу». Аккуратный нѣмецъ, на выраженное Крас-

нушкинымъ желаніе переговорить «объ условіяхъ» съ самимъ редакторомъ, тотчасъ перемѣнилъ добродушное выраженіе своей физіономіи на глубокомысленное и на цыпочкахъ направился къ кабинету редактора, откуда явственно доносилось чье-то мѣрное храпѣніе. Черезъ минуту Яковъ Ивановичъ осторожно-тихо затворилъ дверь, точно въ комнатѣ лежалъ тяжело-больной, вышелъ на цыпочкахъ изъ святилища и объявилъ юношѣ, что г. редакторъ «страшно занятъ» и въ настоящее время не можетъ его принять и что самое лучшее, если Herr Краснушкинъ потрудится зайти въ редакцію черезъ недѣлю, около 3-хъ часовъ пополудни. При словахъ нѣмца: «редакторъ страшно занятъ», два волосатые человѣка, строчившіе согнувшись надъ длиннымъ письменнымъ столомъ, подняли головы и фыркнули; но Яковъ Ивановичъ строго посмотрѣлъ на волосатыхъ людей, и тѣ, согнувши спины, снова заскрипѣли перьями. Мертвая тишина, царствовавшая въ редакціи, и мизерность обстановки помѣщенія, весьма напоминавшаго собой пріемную полицейскаго участка, произвели на начинающаго писателя угнетающее впечатлѣніе. Хотя онъ и сдалъ свое толстое дѣтище подъ росписку секретаря редакціи, но внезапный страхъ обуялъ его, когда онъ вышелъ на улицу, страхъ за художественно-переписанный и единственный экземпляръ своей драмы, очутившійся въ рукахъ совершенно незнакомыхъ ему людей, казенно-равнодушно отнесшихся къ торжественному моменту его жизни. Но онъ вспомнилъ, что у него дома остались черновые листки произведенія, и тотчасъ-же успокоился. Вотъ что онъ сдѣлаетъ: онъ возьметъ черновики, сложитъ ихъ въ компактный пакетецъ, пакетецъ зашьетъ въ холщевую ладанку, а ладанку будетъ носить постоянно на груди впредь до напечатанія драмы: тогда ему все равно—хоть гори весь Петербургъ! Онъ такъ и сдѣлалъ, какъ думалъ. Первое время онъ, правда, слегка покашливалъ отъ надавливавшей на грудь массивной стопки, но привычка взяла свое, и, сидя въ «присутствіи» надъ какимъ-нибудь мертвымъ отношеніемъ, онъ испытывалъ неизъяснимо-сладкое чувство, ощупывая иногда подъ оттопыривнейся грудью рубашки драгоцѣнные черновики.

Стоитъ ли говорить, что вся недѣля, предшествовавшая рѣшительному дню, показалась Краснушкину безбожно-длинною и проведена была имъ въ состояніи перемежающейся лихорадки. Съ товарищами по службѣ онъ былъ разсѣянъ и загадоченъ и два раза получилъ замѣчаніе отъ начальника отдѣленія за свои отлучки изъ присутствія. Краснушкинъ дѣйствительно два раза заходилъ въ переулокъ, сосѣдній съ улицей, гдѣ помѣщалась редакція, волнуемый предчувствіемъ, что рукопись его прочитана ранѣе срока, и редакторъ ждетъ не дождется познакомиться съ авторомъ. Въ сущности онъ былъ крайне удивленъ, что не получалъ изъ редакціи благодарственнаго письма. Съ часа на часъ ждалъ онъ телеграммы отъ редактора съ лаконическимъ сообщеніемъ: «Драму прочелъ. Страшный талантъ. Жажду познакомиться». Но проходили дни, а телеграммы не приносили, и пытка Краснушкина продолжалась. Наконецъ, рѣшительный день насталъ. Роковой день какъ разъ счастливо пришелся въ вербную субботу, и Краснушкинъ былъ свободенъ съ 2-хъ часовъ.

Было безъ четверти три, когда Захаръ Краснушкинъ, вдоволь нагулявшись передъ домомъ, гдѣ помѣщалась редакція, поднимался по знакомой лѣстницѣ. Онъ напрасно хотѣлъ овладѣть собой: сердце его отбивало подъ завѣтной ладонкой 120 въ минуту, и, когда онъ очутился передъ дверью редакціи и потянулъ за ручку звонка, въ его глазахъ забѣгали какіе-то странные зеленые мальчики. Слегка пошатываясь, но въ то-же время стараясь придать своей растерянной физіономіи небрежное равнодушіе редакціоннаго завсегдатая, переступилъ Краснушкинъ порогъ «Русскаго Генія». Попрежнему ему отворилъ дверь вертлявый жидочекъ, попрежнему лысый нѣмецъ-секретарь редакціи работалъ за своей конторкой, и только, вмѣсто двухъ волосатыхъ людей, строчилъ согнувшись за длиннымъ письменнымъ столомъ совершенно безбородый юнецъ съ утиной шеей. На невнятное бормотаніе Краснушкина, Яковъ Ивановичъ глубокомысленно кивнулъ головой и обязательно направился къ завѣтнымъ дверямъ. Черезъ минуту за дверью послышалось чье-то протяжное зѣваніе, слово «чортъ» и шумъ пододвигаемаго кресла—

и Яковъ Ивановичъ, явившись на порогѣ кабинета, съ торжественностью королевскаго герольда возвѣстилъ: «Г. редакторъ проситъ васъ пожаловать въ свой собственный кабинетъ!»

Какъ очутился Краснушкинъ «въ собственнымъ кабинетѣ редактора», онъ не могъ дать себѣ отчета; но когда понемногу онъ пришелъ въ себя, изъ окружавшаго его бумажно-книжнаго моря отдѣлилась длинная фигура въ потертомъ, полосатомъ халатѣ, указавшая ему покровительственнымъ жестомъ на диванъ, заваленный манускриптами. Плюхнувшись тупо на «рукописное» сидѣніе дивана, юноша жадно впился глазами въ длинную фигуру и весь обратился въ слухъ. Редакторъ былъ высокій, худощавый брюнетъ съ низкимъ лбомъ, сонными глазами и длинными висячими усами китайскаго образца. Нѣкоторая помятость физіономіи и растерзанность одежды весьма уподобляли его подгулявшему мастеровому, но величественность жестикуляціи и олимпійское спокойствіе, съ которымъ онъ держалъ себя, краснорѣчиво предупреждали о редакторскомъ званіи. Іеронимъ Унтиловъ тѣмъ болѣе вошелъ въ свою роль, видя, съ какимъ робкимъ видомъ сидѣлъ передъ нимъ Herr Краснушкинъ. На этотъ разъ онъ развязалъ свой редакторскій языкъ, рѣшившись подавить юношу своимъ величіемъ.

— Виноватъ... въ халатѣ... масса работы... просидѣлъ ночь всю напролетъ! пробурчалъ Унтиловъ и потянулся съ видомъ изнеможенія.

— Я предполагаю, заикнулся-было Краснушкинъ (намѣреваясь затѣмъ вставить: «вы все-таки успѣли познакомиться съ моимъ произведеніемъ»).

— О, вы не можете предположить, перебилъ его Унтиловъ, иронически скрививъ ротъ.—Вы, милостивый государь мой, слишкомъ молоды, чтобы составить себѣ хоть приблизительное понятіе о той адской работѣ, на которую обречены мы, редакторы. Это нѣчто непостижимое для вашего неопытнаго ума. Взгляните вокругъ себя (Краснушкинъ оглянулся): что̀ вы видите? Груды корректуръ, манускриптовъ, писемъ... Каждый клочокъ, каждую ничтожную бумажонку редакторъ долженъ прочесть, провѣрить,

освѣтить. Глазъ редактора долженъ быть всюду—въ типографіи, въ конторѣ, въ редакціи. Если редакторъ думаетъ поработать день—онъ едва одолѣетъ половину дѣла, и вотъ онъ работаетъ всю ночь, до зари и, наконецъ, совершенно разбитый и обезсиленный, засыпаетъ въ своемъ креслѣ.—Унтиловъ опрокинулся на спинку редакторскаго трона и протяжно зѣвнулъ.

— Будьте добры, г. редакторъ, какъ вве... ве... забормоталъ снова юноша.

— Какъ велика отвѣтственность редактора? досказалъ за него Унтиловъ.—О, страшная, колоссальная. Обсчитала сотрудника контора—виноватъ редакторъ, затерялась рукопись—виноватъ редакторъ, напуталъ корректоръ—виноватъ редакторъ. Малѣйшая опечатка, малѣйшая оплошность, всегда и во всемъ виноватъ бѣдный редакторъ. Но это еще что̀! А отвѣтственность редактора передъ общественнымъ мнѣніемъ, передъ народомъ... передъ Россіей??. (Унтиловъ поднялъ надъ головой указательный палецъ правой руки). Знать, что каждый вашъ шагъ, каждое ваше слово толкуются на тысячи ладовъ дома и за-границей. О молодой человѣкъ, не дай вамъ Богъ когда-нибудь стоять во главѣ большаго политическаго орга̀на!!. (Унтиловъ упорно сохранялъ удареніе на второмъ слогѣ).—Краснушкинъ, начавшій терять терпѣніе, рѣшилъ повернуть дѣло круто:

— Цѣль моего желанія, началъ онъ безсвязно, но рѣшительно...

— То-есть, вы хотите сказать, цѣль моего *изданія*, машинально поправилъ его Унтиловъ,—вы хотите знать, въ чемъ заключается программа «Русскаго Генія»? Она такъ-же обширна, какъ сама Россія. (Унтиловъ отклашлянулся) Прежде всего, что̀ такое представляетъ собой Россія, какую точку зрѣнія установить на это огромное сложное тѣло — вотъ загадка, достойная Эдипа. Недаромъ еще Гоголь сравнивалъ Россію съ бойкой тройкой и, обращаясь къ ней, восклицалъ: «Русь, куда ты несешься? дай отвѣтъ!» (Унтиловъ глубокомысленно высморкался) Теперь, что̀ такое редакторъ русской прогрессивной газеты? Это такъ-сказать ямщикъ, заправляющій тройкой - Россіей. Куда

онъ повернетъ — туда она и поскачетъ. Поверну я направо— она полетитъ направо, дерну я...—Но долготерпѣніе Краснушкина лопнуло:

— А какъ вамъ понравилось мое сочиненіе?? выстрѣлилъ онъ прямо въ упоръ самонадѣяннаго «возницы». Вопросъ этотъ выскочилъ изъ Краснушкина совершенно невольно, какъ пробка изъ бутылки, въ которой черезчуръ много скопилось всякихъ газовъ.

Унтиловъ, остановленный въ своемъ теченіи, немного сморщился, но, однако, ни на минуту не вышелъ изъ своего олимпійскаго спокойствія. Онъ взялъ лежавшую возлѣ него на столѣ сигару, медленно закурилъ ее и, строго сдвинувъ брови, откашлянулся. Краснушкинъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ.

— Я вашу рукопись прочелъ, протянулъ Унтиловъ, пустивъ по адресу Краснушкина нѣсколько колецъ табачнаго дыма.—Я человѣкъ, могу сказать, вполнѣ либеральный и допускаю въ беллетристикѣ безусловную свободу фантазіи, но знаете что̀: на мой взглядъ ваша Фатьма черезчуръ абстрактна... Ея «тоска по горамъ» ничѣмъ не мотивирована!

— Какая Фатьма? какая тоска?.. изумился Краснушкинъ.

— Pardon, pardon! Я ошибся. Это романъ Перепрѣлова: «*Курсистка-черкешенка*»... О, я очень радъ, что у васъ нѣтъ и тѣни тенденціозности этого плодовитаго романиста. И долженъ сказать—ваша безпритязательная жанровая картина произвела на меня самое освѣжающее впечатлѣніе. Много юмора, желчи. Я ужасно хохоталъ.

— Но у меня драма, г. редакторъ, дррама!! глухо простоналъ Захаръ Краснушкинъ, вскочивъ съ дивана.

Іеронимъ Унтиловъ, видя необходимость выпутаться, тоже поднялся и съ легкимъ кивкомъ, дававшимъ знать, что аудіенція кончилась, проговорилъ:

— Во всякомъ случаѣ, ваша рукопись *будетъ напечатана!*— то онъ всегда говорилъ всѣмъ начинающимъ писателямъ для ящшаго эффекта. На этотъ разъ эффектъ вышелъ поразительный.

Краснушкинъ, при магическомъ словѣ «напечатана», весь преобразился:

—Такъ, значитъ, вамъ понравилась моя драма? спросилъ онъ задыхающимся голосомъ.

— Да, понравилась. Есть движеніе, жизнь. Мы нуждаемся въ хорошихъ драмахъ. Это пробѣлъ.—Онъ снова раскланялся.

— Виноватъ—масса работы.

Но одобренный авторъ рѣшилъ узнать все обстоятельно:

— Будьте любезны все-таки сообщить, когда именно она начнетъ печататься, проговорилъ онъ съ пріятной улыбкой человѣка, уже чувствовавшаго подъ собой нѣкоторую почву.

— Когда начнетъ печататься?!. опѣшилъ Унтиловъ и устремилъ мутный взглядъ на лежавшій передъ нимъ «портфель редактора».. Ему стало нѣсколько совѣстно.—Она будетъ напечатана... въ воскресенье! процѣдилъ онъ, не отрывая глазъ отъ портфеля. У Краснушкина закружилась голова отъ восторга.

— Значитъ, моя драма появится какъ разъ въ свѣтлый праздникъ?

— Да... въ христово воскресенье, пробурчалъ Унтиловъ, слегка покраснѣвъ.

— Благодарю васъ, г. редакторъ! воскликнулъ съ чувствомъ Захаръ Краснушкинъ. Это молодое, искреннее «благодарю» рѣшительно тронуло Унтилова и, протянувъ юношѣ руку—честь, которой удостоивались немногіе,—онъ произнесъ съ аффектаціей:

— Помилуйте, обязанность редактора. Редакторъ—это такъ-сказать акушеръ литературныхъ младенцевъ!

— Ого, куда дѣло пошло! усмѣхнулся про себя Краснушкинъ, необыкновенно польщенный редакторскимъ пожатіемъ, и въ состояніи, близкомъ къ умопомѣшательству, вышелъ изъ кабинета. А Іеронимъ Унтиловъ, только-что затворилась дверь кабинета, подошелъ къ дивану, взялъ первую подвернувшуюся подъ руку объемистую рукопись, съ надписью на заглавномъ листѣ: «Послѣдній поэтъ, драматическая поэма въ 3-хъ дѣйствіяхъ Захара Краснушкина» и, подложивъ ее себѣ подъ голову, заснулъ безмятежнымъ сномъ праведника.

IV

Обиліе ощущеній, пережитыхъ Краснушкинымъ въ краткій промежутокъ аудіенціи, отразились и на его физіономіи: выйдя изъ кабинета редактора, онъ былъ красенъ, какъ вареный ракъ. «Что съ вами, молодой человѣкъ?» обратился къ нему Яковъ Ивановичъ. «Въ ввоскресенье!!» буркнулъ ему въ отвѣтъ Краснушкинъ и, не раскланявшись съ вертлявымъ жидочкомъ, радостно выкатился изъ редакціи. Онъ задыхался отъ волненья и чувствовалъ потребность воздуха. Выскочивъ на улицу, онъ однако, почувствовалъ нѣкоторый ознобъ. Чортъ возьми, онъ былъ въ одномъ сюртукѣ—пальто осталось у швейцара! Онъ вернулся назадъ и, торопливо натянувъ пальто, вручилъ жирному швейцару полтипу серебра. Это былъ своего рода подвигъ великодушія со стороны Краснушкина, желавшаго показать, что онъ теперь выше всякихъ мелкихъ счетовъ и совершенно забывшаго грубую манеру, съ которой тотъ его встрѣтилъ въ первый разъ. Высомѣрный швейцаръ, вслѣдствіе полученнаго полтинника, моментально нравственно переродился и, снявъ фуражку наотмашь, поспѣшно бросился отворять дверь... «Ничего... не безпокойся... спасибо, любезный!» пробормоталъ Краснушкинъ и, очутившись на улицѣ, молодецки свиснулъ. Онъ былъ чертовски счастливъ. Куда-бы теперь направить путь? остановился онъ на минуту, весело разиня ротъ, и вдругъ, вспомнивъ, что сегодня вербная суббота, ударилъ себя ладонью по лбу! Еще спрашиваетъ— «куда»! Разумѣется, на вербы. Вербы такой благодарный матеріалъ для «наблюденія».

И вотъ онъ ужь на углу невскаго проспекта и видитъ передъ собой, за движущимся лѣсомъ экипажей, праздникъ вербной ярмарки. Краснушкинъ остановился и полѣзъ поспѣшно въ карманъ, чтобы справиться о наличности своихъ финансовъ. Въ его потертомъ замшевомъ кошелькѣ оказался капиталъ слишкомъ достаточный для вербныхъ покупокъ—цѣлыхъ шесть новенькихъ

двугривенныхъ. Онъ тщательно запряталъ кошелекъ и сталъ перебираться черезъ Невскій тревожнымъ, опасливымъ шагомъ, поминутно оглядываясь по сторонамъ. Такая страшная ѣзда—чего добраго, попадешь подъ лошадь. А теперь ему жизнь особенно дорога. Да, наконецъ, онъ просто не имѣетъ права разиня ротъ лѣзть подъ лошадь, потому-что его жизнь отнынѣ уже не его жизнь, а достояніе... «Берегись»! загремѣло вдругъ гдѣ-то вдалекѣ, и Захаръ Краснушкинъ, сдѣлавъ отчаянный прыжокъ черезъ саженное пространство, очутился на панели въ самомъ водоворотѣ гульбища.

Стоялъ чудный солнечный день, одинъ изъ тѣхъ раннихъ весеннихъ дней, когда впервые чувствуется возбуждающее прикосновеніе солнечныхъ лучей и проникнутый весеннею свѣжестью воздухъ разражительно-весело щекочетъ нервы. Стрѣлки часовъ публичной библіотеки показывали 4, и кишившее вокругъ и около гостинаго двора вербное торжище было въ полномъ разгарѣ.

Давка была безбожная. Въ воздухѣ стоялъ неясный и веселый гулъ отъ неумолкаемой разноголосицы говора, смѣха, визга, писка, свиста и треска, криковъ и выкриковъ. Чистая тарабарщина!.. Вотъ толстая, корявая баба предлагаетъ за «рупь съ четвертью» честной публикѣ «плевенскаго героя»—исполинскаго картоннаго солдата съ малиновой рожей, аршинными усами и ружьемъ «на-караулъ». «У, безстыжая, лѣзетъ къ благороднымъ господамъ съ полюбовникомъ!» остритъ къ великому удовольствію сосѣднихъ торговцевъ инвалидъ съ сизымъ носомъ и, протиснувшись впередъ, подымаетъ надъ ея головой лотокъ съ чучелами пѣтушковъ. «Волшебныя кольца—непостижимый фокусъ для человѣка!» оретъ благимъ матомъ стоящій неподалеку длинный, испитой мастеровой, продавецъ мѣдныхъ колецъ. А проходящій тутъ-же бѣлобрысый, плутоватый паренъ съ лакированными ларчиками и грошевыми часиками въ рукахъ выводитъ фистулой: «Секретныя шкатулки — находка для господъ кассировъ! Часы лямуръ—съ сюпризомъ для холостыхъ!!.»—И сколько ихъ тутъ

всякихъ вербныхъ художниковъ—и старички съ голубыми, украшенными фольгой, соборами и матросы съ красивыми лодочками и затѣйливыми корабликами, и высвистывающіе соловья на самодѣльныхъ сопѣлочкахъ желтые чухонцы, и быстроглазые малыши, предлагающіе старымъ дѣвамъ и господамъ офицерамъ «примѣрныхъ супруговъ», двигающихся курочку и пѣтушку, и поверхъ всего—трепещущіе въ воздухѣ красные, бѣлые и пестрые газовые шары—эта неизмѣнная принадлежность вербъ, освященная временемъ.

Палатокъ торговцевъ на этой сторонѣ почти не видно отъ плотной массы гуляющихъ; да и здѣсь не столько покупаютъ, сколько глазѣютъ, осматриваются и проникаются вербнымъ духомъ, чтобы уже въ совершенно надлежащемъ настроеніи попасть въ безсовѣстную сутолку гостинаго двора. Тутъ идетъ главная покупка вербныхъ подарковъ. И чего тутъ только нѣтъ! Груды пасхальныхъ яицъ всякихъ цвѣтовъ и видовъ, великое множество разныхъ сластей, благовонныя принадлежности и дѣтскія игрушки, старыя книги и олеографическія картины, чучела рѣдкихъ птицъ и бюсты знаменитыхъ людей, искусственные цвѣты и женскія косынки и платочки, какихъ угодно сортовъ ящички, шкатулочки, коробочки и корзиночки, всевозможныя нужности и ненужности, всякія бездѣлушки и мелочишки. А по сторонамъ, въ проходахъ, между навѣсами торговцевъ и въ углахъ напротивъ, гдѣ продаются тухлые пироги съ грибами и рыбой, вареньемъ и капустой,—осаждаютъ публику доморощенные острословы: у одного въ рукахъ: «новѣйшій адвокатъ»—плясунъ изъ разноцвѣтнаго картона, другой продаетъ «кабинетнаго жителя»—заводящагося мышенка, третій подъ именемъ «американскаго туземца» предлагаетъ классическаго чортика въ банкѣ, или цѣлую вереницу чертенятъ—«выборъ юханцевыхъ»; а то еле видный отъ земли коротышъ соблазняетъ купить «невскихъ красавицъ», нанизанныхъ на проволоку разноцвѣтныхъ мотыльковъ. Публика здѣсь все больше «чистая»: нарядныя барыни, дѣти съ мамками и гувернантками, военные и статскіе франты, учащаяся молодежь; но всѣ какъ-бы забываютъ, что они «чистые» и наслаждаются

вербной толкотней не менѣе всякаго другаго люда. И почти у каждаго что-нибудь въ рукахъ: вы встрѣтите грузную, пыхтящую какъ паровозъ купчиху, вооруженную казацкой пикой и уланскимъ значкомъ—подарокъ чужой, или собственной дѣтворѣ; и пятилѣтняго пузыря, выбивающагося изъ силъ извлечь изъ подаренной ему папкой грошевой трубы военный маршъ: щеки его надулись, глаза выпятились въ одну точку, но изъ трубы выскакиваютъ совсѣмъ непристойные звуки, а марша никакъ не выходитъ; вамъ попадется вертлявая, какъ трясогузка, барышня въ новомодной шляпкѣ съ горшкомъ герани въ тоненькихъ пальчикахъ и сзади ея подглядывающій подъ шляпку насмѣшникъ: гимназистъ съ пришпиленнымъ къ пальто «новѣйшимъ адвокатомъ».—«Господинъ гимназистъ, господинъ гимназистъ!» пристаетъ къ нему продавецъ чучелъ: «купите сибирскую синицу, уступлю за полцѣны по добротѣ чувства!» Но гимназисту совсѣмъ не до синицы, и онъ энергически проталкивается впередъ, чтобы не потерять изъ виду «идеала съ геранью». За гимназистомъ вытягивается вереница юнкеровъ, жующихъ, галдящихъ, перекидывающихся откровенными замѣчаніями, перемигивающихся съ мамками и модистками, и т. д., и т. д. Экое, подумаешь, раздолье эти вербы для всякихъ вкусовъ и возрастовъ!!

Захаръ Краснушкинъ, находившійся по выходѣ изъ «кабинета редактора» въ самомъ праздничномъ расположеніи духа, очутившись на вербахъ, совсѣмъ осатанѣлъ.—«Баринъ, а баринъ, купите забалканскаго котика»! присталъ къ нему какой-то рыжій мужичишка, только-что онъ ступилъ на панель. Краснушкинъ посмотрѣлъ осоловѣлыми глазами на рыжаго мужичишку и, не торгуясь, купилъ игрушку. «Забалканскій котикъ» со своей розовой мордочкой и коротенькой рогулькой вмѣсто хвостика показался ему уморительнымъ; вдобавокъ, при малѣйшемъ нажатіи, онъ мурчалъ какъ настоящій васька. Потративъ добрый полтинникъ на покупку кота и натолкавшись вдоволь по передней линіи, онъ перебрался на галлерею гостинаго двора и тутъ сразу спустилъ на сласти и цвѣты остальныя деньги. Съ карманами, переполненными мармеладомъ и пряниками, съ пришпиленнымъ

къ воротнику пальто огромнымъ лиловымъ букетомъ и забалканскимъ котикомъ на рукахъ, Захаръ Краснушкинъ имѣлъ такой вербно-ликующій видъ, что обращалъ на себя невольно вниманіе проходящихъ. Юноша какъ-то вдругъ совсѣмъ забылъ о своемъ высокомъ призваніи писателя и, насвистывая какую-то глупость, дѣтски-счастливо ухмылялся по сторонамъ. На одномъ изъ поворотовъ съ нимъ случился маленькій казусъ, приведшій его въ совершеннѣйшее восхищеніе. Какая-то молоденькая дамочка съ газовымъ пузыремъ въ рукахъ зацѣпила бахрамой своей тальмы за пуговицу его пальто. Онъ принялся было распутывать, но, вслѣдствіе натиска толпы, запуталъ еще болѣе. Барыня покраснѣла, растерялась и, взявшись распутывать сама, упустила шаръ. Кругомъ загоготали. Краснушину было и жалко барыни и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшно до слезъ, и, чтобы удобнѣе распутаться, онъ взялъ подъ мышку своего котика, но прижатый котикъ издалъ такой уморительный пискъ, что Краснушкинъ не выдержалъ и разразился сумасшедшимъ хохотомъ. Разъ нашедшій исходъ своему радостному настроенію, онъ уже болѣе не могъ удерживаться въ границахъ, и потомъ, когда дамочка отцѣпилась, все время своего кругового путешествія по «гостиному» продолжалъ заливаться самымъ безсовѣстнымъ манеромъ. Гуляющіе при видѣ его удивленно-весело переглядывались, два какіе-то лоботряса, воспользовавшись его ликованіемъ, повытаскивали изъ его кармановъ добрую половину пряниковъ и тутъ-же, идя рядомъ съ нимъ, принялись ихъ истреблять, а торгующая у выхода кукольнымъ гардеробомъ коротенькая беззубая старушенка, переглянувшись со своей сосѣдкой, такой-же развалиной, резонно замѣтила: «Ишь какой блаженный—должно именинникъ!»

Совершенно разбитый отъ продолжительнаго шатанія и авторскихъ треволненій, вернулся Краснушкинъ домой. Бѣлобрысая чухонка, кухарка меблированныхъ комнатъ, гдѣ жилъ Краснушкинъ, просто ахнула, увидѣвъ своего «тихоню-жильца» въ первый разъ «нетрезваго». Жилецъ дѣйствительно съ перваго

взгляда смахивалъ на охмѣлѣвшаго человѣка. Онъ наскоро напился чаю и бросился въ постель.

«Подумаешь, какъ капризна человѣческая судьба!» думалъ Краснушкинъ, натягивая на себя одѣяло. «Еще сегодня утромъ — что́ онъ былъ такое? Пустой звукъ—Крас-нуш-кинъ, ничтожная букашка, — а теперь онъ писатель, сотрудникъ большой газеты, человѣкъ болѣе или менѣе съ вѣсомъ!». И онъ заснулъ, какъ убитый.

Все слѣдующее утро было посвящено различнымъ литературнымъ соображеніямъ. Первое желаніе, которое у него явилось, когда онъ проснулся, — увидѣть свою фамилію въ печатномъ видѣ. Онъ досталъ имѣвшіеся у него старые нумера «Русскаго Генія» и принялся тщательно вырѣзать кусочки съ отдѣльными буквами. Потомъ онъ взялъ листъ почтовой бумаги, палочку рыбьяго клея и осторожно наклеилъ кусочки съ литерами на бумагѣ въ требуемомъ порядкѣ: З-а-х-а-р-ъ К-р-а-с-н-у-ш-к-и-н-ъ. Получилось печатное изображеніе его имени и фамиліи, подпись, долженствующая появиться внизу воскреснаго фельетона «Русскаго Генія». Это занятіе доставило Краснушкину неизъяснимое наслажденіе и подало мысль заказать визитныя карточки. Конечно, прежде онъ могъ обойтись безъ нихъ при своемъ ограниченномъ знакомствѣ, но теперь кругъ его знакомства расширится, завяжутся различныя литературныя отношенія и безъ карточекъ не сдѣлаешь ни шагу. Настоятельнѣйше необходимо заказать. Разумѣется на карточкѣ, помимо имени и фамиліи, надо будетъ пояснить его прикосновеніе къ изданію Унтилова. Сначала онъ хотѣлъ обозначить это простѣйшимъ способомъ: вверху прописью: *Захаръ Краснушкинъ*, а внизу — въ скобкахъ: *Русскій Геній*; но эта простота могла бы показаться другимъ претензіей, и онъ остановился на самой скромной карточкѣ:

Захаръ Краснушкинъ
Сотрудникъ «Русскаго Генія».

Но зато Захаръ Краснушкинъ рѣшился нѣсколько вознаградить себя, прибавивъ на оборотной сторонѣ карточки: «авторъ драмы *Послѣдній поэтъ* и проч.» «*И проч.*» должно было многозначи-

тельно намекать на будущія многочисленныя творенія, пока еще роящіяся въ головѣ Краснушкина.

Онъ сталъ одѣваться, чтобы идти сдѣлать заказъ. Медлить нечего. Осталась всего какая-нибудь недѣля. Только недѣля — даже невѣроятно! Однако, чортъ возьми, надо имѣть немного мужества и излишне не волноваться. Въ сущности говоря, онъ вѣдь дѣлаетъ просто доброе дѣло, помѣщая свое произведеніе въ такой ничтожной газетѣ. О, онъ докажетъ, что у него есть мужество и до самаго свѣтлаго праздника не купитъ ни единаго нумера «Русскаго Генія,» чтобы прямо такъ-сказать «разговѣться» своей драмой... Надо все-таки признаться, онъ необыкновенно счастливо выступаетъ на литературное поприще. Другіе куда позже его начали писать. И Краснушкинъ, заинтересованный, насколько онъ опередилъ своихъ собратьевъ по перу, полѣзъ въ свой книжный шкафикъ и сталъ рыться въ біографіяхъ великихъ писателей. Онъ дѣлалъ такъ: найдя годъ рожденія великаго человѣка, онъ вычиталъ этотъ годъ изъ цифры, обозначающей время перваго появленія на свѣтъ ихъ произведенія. Результаты получились самые утѣшительные: Шекспиръ началъ писать лишь 24 лѣтъ, Шиллеру было 22 года, когда были напечатаны «Разбойники,» а почтеннѣйшему Грибоѣдову и всѣ 30, когда онъ окончилъ свою безсмертную комедію... А ему. Захару Краснушкину, 9-го марта только-что минуло девятнадцать. «Раненько, ха-ха-ха, молодой человѣкъ, изволите начинать, раненько!» потрепалъ онъ себя за носъ, добродушно захохотавъ,—и, совершенно счастливый сознаніемъ своего превосходства, отправился заказывать карточки.

Говѣлъ онъ этотъ годъ съ особеннымъ усердіемъ, всецѣло отдавшись чувству благодарности, наполнявшему его юное сердце, и почти забывъ о своемъ сотрудничествѣ. Только разъ на исповѣди онъ не выдержалъ. Когда старичокъ-священникъ спросилъ его, какіе онъ знаетъ за собой грѣхи, Краснушкинъ взволнованно заявилъ, что никакихъ особыхъ грѣховъ онъ за собой не чувствуетъ, но что вотъ въ воскресенье въ газетѣ «Русскій Геній» будетъ напечатана его драма «Послѣдній поэтъ» и что въ этой

драмѣ онъ черезчуръ безпощадно бичуетъ современное общество. Старичокъ въ отвѣтъ на сдѣланное ему признаніе странно и испуганно посмотрѣлъ на юношу и вдругъ, поспѣшно накрывъ его голову эпитрахилью, забормоталъ молитву объ отпущеніи грѣховъ рабу божію Захарію. Нечего и говорить, что сослуживцы и знакомые Краснушкина были заблаговременно оповѣщены о появленіи на свѣтъ «Послѣдняго поэта», хотя предупрежденія эти дѣлались и съ старательнымъ соблюденіемъ въ лицѣ и манерахъ самаго изумительнаго равнодушія. Единственный характеръ обнаружилъ онъ по отношенію къ данному обѣщанію — не заглядывать въ «Русскій Геній» вплоть до самаго свѣтлаго воскресенія. Всю страстную недѣлю онъ провелъ въ постѣ и молитвѣ и, чтобы съ большею полностью вкусить ожидаемаго блаженства, старался даже позабыть о самомъ существованіи дорогой сердцу газеты.

V

Проснувшись утромъ знаменательнаго дня, Захаръ Краснушкинъ почувствовалъ себя исполненнымъ такого торжественнаго настроенія, что еще въ постели принялся распѣвать пасхальный тропарь. Всѣ его малѣйшія дѣйствія въ это утро носили на себѣ печать этой торжественности. Даже такое повидимому незначительное обстоятельство, какъ перемѣна бѣлья, приняло въ его глазахъ нѣкоторый оффиціальный характеръ. Стóитъ ли говорить о главной части мужского туалета — умываніи, чесаніи, облаченіи во фрачную пару? Это было настоящее священнодѣйствіе. Особенную внимательность обнаружилъ онъ въ этотъ разъ по отношенію къ своей физіономіи, стараясь придать нѣкоторую литературную небрежность своимъ обыкновенно гладкимъ, прилизаннымъ волосамъ. Онъ ужасно досадовалъ, что ему не пришло въ голову отростить заблаговременно заправской писательской гривы. Впрочемъ, послѣ долгаго упражненія, ему удалось придать своему лицу безпечно-разсѣянный взглядъ, свойственный геніальнымъ людямъ, и онъ остался вполнѣ доволенъ собой. Натянувъ бѣлыя

перчатки и наполнивъ правый карманъ пальто коробкой съ визитными карточками, а лѣвый полудюжиной пасхальныхъ яицъ, онъ бросилъ растроганный взглядъ на свою каморку, тѣсную и темную, но дорогую ему, какъ мѣсто, освященное его первымъ крупнымъ литературнымъ трудомъ, нѣмую сообщницу его близкой литературной славы.

Очутившись за воротами, онъ нѣсколько растерялся. Боже мой, однако, сколько сегодня ему предстоитъ визитовъ! Положительно слѣдуетъ какъ-нибудь упорядочить время. Вотъ какъ онъ поступитъ. Первымъ дѣломъ онъ отправится въ пассажъ и купитъ нѣсколько экземпляровъ «Русскаго Генія» съ отпечатанной драмой (при этомъ сердце Краснушкина запрыгало какъ мячикъ); затѣмъ онъ закуситъ въ ресторанѣ, прочтетъ номеръ и отправится въ редакцію. Унтиловъ вѣроятно познакомитъ его съ своимъ семействомъ, и тутъ пригодятся его подарки. Онъ даже подаритъ одно яйцо, — «яйцо Колумба»—лысому нѣмцу-секретарю редакціи, чтобы сразу показать всѣмъ, что талантъ вовсе не исключаетъ добродушія. Затѣмъ онъ заѣдетъ къ нѣкоторымъ сослуживцамъ и нанесетъ визитъ начальнику отдѣленія. Недурно было бы всучить начальству экземпляръ «Русскаго Генія»—это бы улучшило его положеніе по службѣ. На него перестанутъ смотрѣть, какъ на какого-то тупоумнаго чиношу, и увидятъ наконецъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Сообразивъ подробности предстоящаго побѣдоноснаго шествія, Краснушкинъ двинулся въ путь.

Онъ не шелъ, мало даже сказать, что онъ летѣлъ, не чувствуя ногъ подъ собой, нѣтъ—онъ весь просто обратился въ какой-то радостный вихрь, который стремительно-бурно несся по направленію къ пассажу. Онъ не различалъ встрѣчныхъ лицъ, которыя всѣ ему казались печатными буквами, и не чувствовалъ устали, точно на немъ были сказочные сапоги-скороходы. «Виноватъ, позвольте пройти!» грубо обращались къ нему прохожіе, на которыхъ онъ безпрестанно наталкивался на Невскомъ. «Сдѣлайте одолженіе, пожалуйста, проходите!» снисходительно бросалъ онъ направо и налѣво и, наконецъ, послѣ двадцати минутъ скороходи, очутился передъ зданіемъ пассажа. Почти не-

человѣческаго усилія стоило Краснушкину, чтобы сохранить на лицѣ своемъ нѣкоторые слѣды наружнаго спокойствія, когда онъ трепетнымъ шагомъ поднялся по лѣстницѣ и остановился передъ прилавкомъ, за которымъ сѣдой, благообразный старикъ продавалъ газеты. Краснушкинъ забралъ въ себя сколько хватило силъ воздуха и, обратившись къ старику, наслаждавшемуся чаепитіемъ, выпалилъ:

— Шесть экземпляровъ «Русскаго Генія!»

Разслышалъ ли старикъ требованіе Захара Краснушкина, или не разслышалъ, только онъ медленно отпилъ глотокъ чая и сунулъ ему патріотическій листокъ: «Благонамѣренный Скорпіонъ».

— Мнѣ совсѣмъ не надо вашего «Скорпіона», раздражительно буркнулъ авторъ.—Я просилъ у васъ шесть экземпляровъ «Русскаго Генія».

— «Генія»-съ у насъ нѣтъ. «Геній» запрещенъ! протянулъ старикъ и, не торопясь, съ прохладцемъ, отпилъ еще глотокъ.

Въ одно мгновеніе старикъ, газеты и прилавокъ перекувыркнулись въ глазахъ Краснушкина.

— Какъ запрещенъ? когда? залепеталъ онъ коснѣющимъ языкомъ.

— Еще на страстной порѣшили, ухмыляясь доложилъ старикъ и подулъ на блюдечко съ чаемъ.

Краснушкинъ поблѣднѣлъ, зашатался и оперся о прилавокъ. Что это, неужели правда?.. Вздоръ, чепуха, нелѣпость! Старый хрычъ просто отъ дряхлости и не разслышалъ его вопроса...

— Вамъ можетъ-быть желательно полюбопытствовать «Правительственный Вѣстникъ», предложилъ сидѣлецъ.—Такъ мальчикъ можетъ сбѣгать, ежели вамъ желательно.

— Да... мнѣ желательно... вѣдь я того... послѣдній поэтъ!!. безсвязно лепеталъ юноша, обводя мутнымъ взглядомъ окружающіе предметы...

— Позвольте пожалуйста «Стрекозу» и десятокъ «Купидонъ», засюсюкалъ около юноши чей-то голосъ съ жидовскимъ акцентомъ. Краснушкинъ, очнувшись, увидѣлъ передъ собой

вертляваго жидочка изъ редакціи «Генія». Онъ обрадовался ему, какъ родному.

— Здравствуйте... Христосъ воскресе... Ради-бога на минуточку! набросился на жидочка Краснушкинъ, потрясая энергически его за обѣ руки. Они немного отошли.

— Скажите... будьте любезны... правда, что этотъ болванъ говоритъ (Краснушкинъ кивнулъ въ сторону сидѣльца), будто нашу газету запретили?

— Какую нашу газету? изумился жидочекъ.

— «Русскій Геній».

— Какъ же, какъ же! засюсюкалъ улыбаясь жидочекъ:— еще на прошлой недѣлѣ прихлопнули. Это давно надо было ожидать!—и онъ захохоталъ. Жидъ показался Краснушкину цинически-противнымъ въ эту минуту.

— Отчего же надо было ожидать? грубо отрѣзалъ онъ.

— Помилуйте-съ, денегъ ни гроша, подписчиковъ штукъ тридцать, порядку въ редакціи никакого. Онъ давно хотѣлъ, чтобы его прихлопнули!

— Какъ же онъ могъ хотѣть—вѣдь онъ обѣщалъ напечатать мою драму?!.

— Онъ вретъ. Мнѣ онъ тоже обѣщалъ выхлопотать мѣсто на желѣзной дорогѣ. Говорилъ, будто у него есть какія-то тамъ связи. И вретъ—нѣтъ у него никакихъ связей. Онъ все вретъ.

— А какъ же теперь моя рукопись, чтó съ ней станется?

— Право не знаю. Унтиловъ вѣдь объявленъ несостоятельнымъ. Редакцію опечатали. Извините, некогда... спѣшу... обѣщалъ доставить въ редакцію «Скорпіона» замѣтку о неблаговидныхъ дѣйствіяхъ господина Унтилова.—И жидочекъ, приподнявъ картузъ, исчезъ. Съ исчезновеніемъ жидочка исчезъ для Краснушкина послѣдній лучъ надежды, свѣтъ, жизнь. Все заволоклось туманомъ. Ему сдѣлалось дурно, и онъ направился къ выходу, чтобы хоть сколько-нибудь освѣжить свою ошалѣвшую голову.

Воскресное гулянье было въ полномъ разгарѣ. По Невскому неслись вереницы экипажей, внизу на тротуарѣ тѣснилась пе-

страя, ликующая толпа, сверху изъ пассажа наступала шумно новая волна людей. Вездѣ говоръ, смѣхъ, христосованіе. День стоялъ чудный, и апрѣльское солнце обливало веселымъ блескомъ всю эту праздничную суматоху. Но Краснушкинъ не видѣлъ ни солнца, ни толпы, ни экипажей. Въ его глазахъ все это обратилось въ какой-то хаосъ, въ которомъ вывѣски магазиновъ и кузова экипажей, лошади и кучера, офицеры и дамы, люди и собаки вертѣлись и прыгали въ какой-то фантастической чертопляскѣ. Да, все кончено: теперь онъ снова чинодралъ, пойдетъ снова старая жизнь, начнется снова пошлое, канцелярское прозябаніе. Все было вздоръ! И газета глупа, и редакторъ оселъ, и его увѣренность безсмысленна... И, прислонившись безсильно къ наружной стѣнѣ пассажа, онъ простоналъ, всхлипывая на каждомъ словѣ, какъ малый ребенокъ:

— О, мои золотыя мечты! о, моя слава!! о, мои визитныя карточки!!!

Ив. Щегловъ.

* *
*

Я часто уношусь послушною мечтой
Туда, гдѣ протекли спокойной чередой
Мои младенческіе годы,
Гдѣ юность знойная на волѣ расцвѣла
И душу чуткую отвагою зажгла
И жаждой знанья и свободы.

Какъ звали вы меня, властительные сны,
Въ столицу дальнюю изъ мирной тишины,
Безпечнымъ счастіемъ богатой,—
И я оставилъ даль синѣющихъ полей
И садъ запущенный, гдѣ въ сумракѣ ночей
Блуждалъ я, трепетомъ объятый.

И все, что̀ гордою сіяло красотой
Подъ дымкой юныхъ грезъ,—какъ ночь передъ зарей
Подъ взглядомъ пристальнымъ блѣднѣло,
И жизнь насмѣшливо завѣсу подняла
Надъ черной бездною ничтожества и зла,
Надъ мишурою фразъ безъ дѣла...

Но скованъ я съ твоей тревожной суетой,
Столица гордая, и чуткою душой
Не жажду властнаго забвенья;
Что̀ счастья мелкаго смѣющійся потокъ
Предъ этой бурею волненій и тревогъ,
И свѣтлыхъ грезъ, и мукъ сомнѣнья!..

Ѳ. Червинскій.

~~~~~~~~
~~~~~~~~

ДВА СЧАСТЬЯ

I

Въ загородномъ петербургскомъ паркѣ въ концѣ мая гуляли дѣвушка и молодой человѣкъ. По ихъ свѣжимъ лицамъ ползли узорчатыя тѣни деревъ. Эти тѣни точно съ ласкою гладили ихъ. Когда оба выходили на открытыя площадки, ихъ ласкало солнце и обвѣвалъ вѣтерокъ. Синее безоблачное небо такъ шло къ ихъ лицамъ и свѣтлымъ платьямъ, когда они останавливались на верху холмовъ. Оба были красивы; у обоихъ были чистые и честные глаза; оба были еще очень молоды. И все вокругъ нихъ было такое-же, какъ и они, все было—весна, въ полной ея хрупкой прелести, убранная бѣлыми ландышами и свѣтлыми, еще не загрубѣвшими травами. Только мудрыя, всегда одинаковыя сосны съ сомнѣніемъ покачивали хмурыми головами. Должно-быть съ своей высоты онѣ видѣли на горизонтѣ тучи...

Говорила дѣвушка. Молодой человѣкъ смотрѣлъ на нее и слушалъ не столько слова, сколько звукъ ея голоса. Онъ радостно смотрѣлъ въ ея сѣро-голубые, въ эту минуту чѣмъ-то обезпокоенные глаза.

— Право... ахъ, я не знаю только, можно ли это говорить?.. право, я разочарованная должно-быть, говорила дѣвушка, оборачиваясь къ спутнику и взглядывая ему прямо въ глаза.—Знаете, почему я думаю, что я разочарованная? Потому-

что все на свѣтѣ не такое, какъ я себѣ представляла... Я вамъ разскажу все по правдѣ, а вы мнѣ скажите, могу ли я называть себя разочарованной. Вы старше, умнѣй меня. И потомъ вы — артистъ, музыкантъ.

Дѣвушка опять серьезно и озабоченно взглянула на спутника, но увидѣла на его лицѣ улыбку и сама улыбнулась. Потомъ она покраснѣла и какъ будто опечалилась.

— Вы смѣетесь, съ упрекомъ сказала она. — Впрочемъ, я васъ хорошо знаю: вы не насмѣхаетесь надо мной, а такъ просто улыбаетесь. — И, успокоившись, она продолжала: — Да, Евгеній Александровичъ, я все воображала себѣ не такъ. Ну, вотъ, я хоть-бы про деревню читала, — и такъ мнѣ деревня нравилась, такъ нравилась!.. А когда въ прошломъ году мы поѣхали въ деревню—ни знакомыхъ, ни людей; мужики—такіе злые; лѣсъ— страшный... Только комары искусали. Наконецъ, я отъ нихъ себѣ надъ кроватью балдахинъ изъ кисеи сдѣлала.

Она опять встревоженно взглянула на него, опять улыбнулась, но на этотъ разъ быстро прогнала улыбку съ лица и продолжала:

— Я буду говорить все. Я не могу удержаться, потому-что мнѣ очень нужно знать, чт̀о же я наконецъ за человѣкъ такой. Говорятъ, отъ разочарованности даже... даже лишаютъ себя жизни, сказала она съ гримаской страха.—Ну, слушайте, Евгеній Александровичъ, самое главное. Потомъ я много читала и воображала о... Ну, этого, кажется, нельзя говорить мужчинѣ! воскликнула она, покраснѣвъ всѣмъ лицомъ, и замолчала.

Молодой человѣкъ тоже молчалъ. Его лице сіяло счастьемъ. Дѣвушка покусывала губы, хмурила брови. Наконецъ, она рѣшилась и заговорила:

— Должно-быть это дурно — чт̀о я буду вамъ сейчасъ говорить... Ахъ, я много дѣлаю гадкаго. Вотъ и теперь я дома солгала, что не вы просили меня выйти гулять, а сказала, что я такъ хочу походить, просто... Ну, такъ вотъ чт̀о: я не знаю тоже, чт̀о это за... чт̀о это за любовь.

Густая краска залила лицо дѣвушки, но оно оставалось спо-

койнымъ и серьезнымъ. Краска такъ-же быстро, какъ и появилась, сбѣжала.

— Все равно, сказала дѣвушка. — Я вѣдь не для глупостей говорю, а потому, что нужно; все равно, какъ просить объяснить урокъ. Какъ это любятъ, Евгеній Александровичъ? Я читала, да только неправда тамъ что-то. Будто никогда не сердятся другъ на друга, будто не боятся ночью въ саду сырости,—даже грозы не боятся отъ любви!.. Даже комары эти, отвратительные,— у меня отъ нихъ все сейчасъ болитъ и пухнетъ,—и тѣ не мѣшаютъ! окончила она и засмѣялась.

Она смотрѣла передъ собою, и ея улыбка снова мало-по-малу исчезла, и дѣвушка снова опечалилась.

— Будто-бы все любятъ да любятъ, — продолжала она,—а вѣдь утромъ, если голова болитъ, такъ вѣдь сердитая ходишь: какъ же, и тогда тоже любить?.. Евгеній Александровичъ, я все—то одна, то другая. Я—то такая сильная и чувствительная, что... какъ будто сейчасъ могу что-нибудь великое сдѣлать; то мнѣ только и хочется, чтобы все было спокойно и аккуратно и чтобы никто никому ничѣмъ не мѣшалъ. А когда я такъ вотъ, какъ теперь, объ себѣ думаю, то я дѣлаюсь сердита рѣшительно на всѣхъ и на себя больше всѣхъ, за то, что я сердитая; и тогда я—гадкая, какъ торговка какая. Развѣ меня можно торговкой-то любить... Чтó? быстро обернувшись къ спутнику, спросила она.

Дѣвушка обернулась съ обычной улыбкой, но на этотъ разъ улыбка мгновенно исчезла. Его лицо показалось ей и страннымъ, и некрасивымъ. «А только-что мнѣ было пріятно на него смотрѣть. Вотъ какая я!» подумала она съ тоской. «Ну, а чтó же дѣлать, когда онъ въ самомъ дѣлѣ... когда у него лицо сдѣлалось глупое», сказала она себѣ и вынула свою руку изъ его руки. Онъ сталъ ей непріятенъ, и она шла подлѣ него съ опечаленнымъ лицомъ.

Молодой человѣкъ шелъ молча и боялся заговорить, чтобы его голосъ не задрожалъ, чтобы отъ волненія не задохнуться посреди фразы. Все его тѣло ослабло, проникнутое не то необычайной радостью, не то невыносимой тоской. Чтó это было,

онъ не могъ узнать. Такъ, прислушиваясь къ полной тишинѣ, иной разъ чудится, что вся она изъ какого-то шума; иногда, когда долго стоишь подъ огромнымъ колоколомъ, кажется, что онъ бьетъ своимъ языкомъ совсѣмъ беззвучно. Когда дѣвушка отняла у спутника свою руку, ему показалось, что имъ владѣетъ тоска; но это продолжалось одну минуту. Онъ мысленно уже прислушивался къ тѣмъ чуднымъ словамъ, которыми онъ скажетъ ей, что онъ ее любитъ, и какъ онъ ее любитъ. Онъ уже видѣлъ, какъ онъ обнимаетъ ее, какъ онъ поцѣлуетъ ея губы, какъ онъ привлечетъ ее на свою грудь... И вдругъ, какъ громъ, упалъ на него порывъ страсти. О, какъ безумно любитъ онъ это лицо, эту грудь, это стройное тѣло — и эту чистую душу! Онъ уже протянулъ къ дѣвушкѣ руки, но новый порывъ, новое необычайно сильное и сладкое желаніе, обуздать себя предъ нею и для нея, сдѣлать почти невозможное, овладѣлъ имъ, — и онъ безсильно опустился предъ нею на колѣни. Ему казалось, что онъ громко рыдаетъ. На самомъ дѣлѣ онъ говорилъ ей, задыхаясь:

— Я васъ люблю, я васъ люблю!

И онъ некрасиво придвигался къ ней на колѣняхъ, держа ея руки въ своихъ. Она такъ-же некрасиво вырывалась отъ него. Она замѣчала это. «Точно драка», мелькнула у нея мысль.

— Перестаньте... Что̀ вы дѣлаете! сказала она испуганнымъ шопотомъ, оглядываясь, не идетъ ли кто.

— Господи, и отчего это я такъ люблю васъ! почти вскрикнулъ онъ, вдругъ подымаясь, обнявъ ее и ища губами ея лица.

Онъ сталъ ей ненавистенъ, точно это былъ разбойникъ, который ее поймалъ и грабитъ. Настоящая злоба закипѣла въ ней. Все ея тѣло чувствовало отвращеніе къ его рукамъ, плотно и больно ее державшимъ, къ его груди, прижавшейся къ ея груди, къ его ногамъ, все переступавшимъ и толкавшимъ ея колѣни, по мѣрѣ того какъ она вырывалась и отступала. Ея глаза сверкнули, она уперлась руками въ его горло и, смявъ ему галстухъ и воротникъ рубашки, вырвалась.

— Прочь! звонко крикнула она.—Я васъ боюсь, я васъ ненавижу! Уйдите!

И, когда онъ снова протянулъ къ ней руки, она быстро и гибко подняла зонтикъ, грозясь ударить его.

Его лицо поблѣднѣло и стало неподвижно.

— Такъ вотъ какъ... заговорилъ онъ страннымъ, низкимъ голосомъ и странными, несвойственными ему красивыми оборотами рѣчи. — Такъ вы хотите меня бить. Что̀ же, бейте! И за что̀! За то, что я васъ люблю больше всего на свѣтѣ; за то, что цѣлый годъ я жилъ только вами; за то, что весь остальной міръ былъ для меня теменъ, глухъ и нѣмъ; за то, что я былъ какъ больной, котораго облегчала только мысль о васъ?!.. Бейте же! вскрикнулъ онъ и красивымъ жестомъ сбросилъ съ себя шляпу.

Она взглянула на него. Онъ стоялъ передъ ней, блѣдный, но спокойный, почти гордый, почти правый. Она отвернулась и медленно пошла отъ него, опустивъ печальные глаза и съ недоумѣніемъ на лицѣ.

Послѣ ея ухода онъ долго сидѣлъ на скамьѣ, закрывъ лицо руками. Наконецъ онъ всталъ, поднялъ лежавшую на землѣ шляпу, машинально счистилъ съ нея песокъ и пошелъ домой, на свою дачу. Тамъ онъ бросился на диванъ, не подложивъ подъ голову ничего, и лежалъ, странно подвернувъ голову, какъ рисуютъ убитыхъ на ходу солдатъ.

Онъ то видѣлъ передъ собою спинку дивана и вспоминалъ, что̀ только-что произошло. То какими-то припадками имъ овладѣвала тяжкая, безсодержательная тоска. Она была такъ тяжела, что онъ забывалъ, гдѣ онъ и что̀ съ нимъ; казалось, что-то давило ему спину между плечъ, ныли суставы локтей и колѣнъ. Хотѣлось сбросить это чувство, но не было силъ. Въ промежуткахъ между минутами этой невыносимой тоски онъ чувствовалъ полное изнеможеніе. Онъ лежалъ, полузакрывъ глаза, и видѣлъ только свои рѣсницы, казавшіяся ему толстыми прутьями. Онъ ничего не думалъ, ничего не хотѣлъ...

Поздно ночью онъ быстро поднялся съ дивана и съ какою-то тревогой, отъ которой часто билось сердце, и всѣ мускулы,

взглядъ, голова окрѣпли и стали свѣжи, сѣлъ къ своему любимому фортепіано.

Надняхъ утромъ онъ не спалъ, но еще и не проснулся. Рядомъ въ комнатѣ на роялѣ бренчалъ ночевавшій у него пріятель. И вотъ эти звуки, въ полуснѣ, перерождались въ дивныя, никѣмъ еще не слыханныя мелодіи, говорившія, какъ живыя, о какомъ-то никѣмъ не испытанномъ счастьѣ. И какую правду говорили эти звуки, какъ они убѣждали, какъ они были истинны и мудры! Счастье, о которомъ они разсказывали, открывалось ему во всей полнотѣ и несомнѣнности. Когда онъ въ то утро проснулся, онъ тревожно и напрасно припоминалъ и это счастье, и тѣ звуки, которые знали, какъ назвать его и открыть его... Теперь совсѣмъ неожиданно и внезапно онъ вспомнилъ и волшебныя музыкальныя рѣчи о счастьи, и само это счастье, — и былъ спокоенъ и счастливъ...

. . .

II

Прошло нѣсколько лѣтъ.

Праздная и скучающая наѣзжая публика одного изъ бойкихъ мѣстъ южнаго берега Крыма была взволнована трагическимъ случаемъ съ молодымъ артистомъ Евгеніемъ Александровичемъ Желеховымъ. Желеховъ пріѣхалъ лѣчиться отъ какой-то грудной болѣзни, жилъ тутъ уже около года и далъ нѣсколько концертовъ, понравившихся публикѣ. Его знали всѣ, онъ зналъ всѣхъ, и тѣмъ больше волновался, суетился и сплетничалъ городокъ.

Разсказывали, что Желеховъ отправился съ одной изъ поклонницъ своего таланта въ горы, верхомъ; что въ горахъ оба слѣзли съ лошадей и гуляли пѣшкомъ; что во время этой прогулки Желеховъ въ угоду своей дамѣ полѣзъ на утесъ за какимъ-то цвѣткомъ, оборвался, упалъ и страшно разбилъ себѣ грудь. Его спутница, имѣвшая причины скрывать эту прогулку, растерявшись, будто-бы ускакала домой, а молодого человѣка только на слѣдующее утро нашли татары и еле-живого привезли въ го-

родъ. Доктора говорили, что если онъ и поправится, то недолго проживетъ на свѣтѣ.

Нѣсколько дней Железовъ былъ между жизнью и смертью, но остался живъ. Онъ поправлялся туго, и только черезъ два мѣсяца его въ первый разъ вывезли прокатиться. Во время прогулки онъ сейчасъ-же замѣтилъ, какъ на него смотрѣли знакомые и незнакомые встрѣчные: умирающій-отверженецъ, и ему высказываютъ это въ каждомъ взглядѣ, съ невольнымъ и непреодолимымъ злорадствомъ. Железовъ понялъ все, поблѣднѣлъ, какъ полотно, и съ половины прогулки вернулся домой. Кое-кто къ нему зашелъ, но онъ не принялъ никого. Весь день онъ сидѣлъ запершись и только около полуночи, съ трудомъ опираясь на палку, никого не позвавъ на помощь, вышелъ на балконъ. Внизу былъ видѣнъ городской бульваръ, и съ него доносился смѣшанный гулъ голосовъ. Тамъ двигалась видная при полномъ мѣсяцѣ толпа... толпа здоровыхъ, счастливыхъ, живыхъ людей. И чувство страшнаго одиночества, охватило Железова. Онъ закрылъ лицо руками...

Онъ вернулся въ комнаты, присѣлъ къ этажеркѣ и сталъ перебирать ноты. Изъ нихъ онъ отобралъ нѣсколько собственныхъ піесъ. Только-что онъ думалъ о будущемъ,—теперь предъ нимъ проносилось и его прошедшее. «Ничего не будетъ—и ничего не было», думалъ онъ, горько сжимая губы. Въ прошломъ его томили и мучили жажда счастья, ожиданіе любви, стремленіе къ великолѣпной полнотѣ жизни; но жизнь не дала ему жить, какъ будто у жизни, у самой, не было того, чего онъ отъ нея просилъ,—не было желаннаго счастья. Нѣтъ большаго и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе возможнаго счастья, какъ любовь,—а и ея не дала ему жизнь. И вотъ теперь передъ нимъ—его піесы, а въ нихъ наново оживаетъ его прошлое; онъ наново его переживаетъ и все несомнѣннѣй убѣждается, что онъ не ошибался: такъ ярки и жгучи, казалось ему, его картины, такъ тяжело стонутъ пережитыя имъ муки, такая сила въ его отчаяніи.

Онъ склонился надъ своими піесами. На ихъ заглавныхъ ли-

стахъ его рукой было словами написано то, что̀ онъ хотѣлъ выразить музыкой. Онъ медленно перечитывалъ написанное.

Вотъ что̀ читалъ онъ на первой тетради.

«Помнишь ли ты твое единственное счастье — твою первую любовь, твою юность, твою весну, твою весеннюю грозу?

«Помнишь ты эту грозу? — Молніи и громъ были слишкомъ высоко, или были милостивы къ тебѣ и не разили тебя.

«Помнишь ты этотъ весенній дождь? — Онъ былъ тепелъ и мягокъ и не рѣзалъ тебѣ лица.

«Помнишь ты бурю и вихрь? — Вѣтеръ несся, весь благоуханный...

«Помнишь ли ты эту весеннюю грозу, грозу-красавицу, — страшную, но еще болѣе прекрасную, гнѣвную, но еще болѣе вдохновенную?

«А можетъ-быть это были лишь юность, весна, гроза, а не любовь, не счастье...»

Онъ отбросилъ первую тетрадь и взялъ вторую. Его лице померкло еще больше.

«Я будто ночью иду въ дремучемъ лѣсу, я зову,—и въ отвѣтъ мнѣ или мой-же отголосокъ, или ничего. Да, ничего: только стоятъ, возносясь въ скрытую листвой вышину, деревья; только внизу — кусты, идущіе въ непроницаемую даль. И лишь кое-гдѣ лежитъ серебряная капля луннаго свѣта.

«Я хочу — о, какъ хочу я!—полноты свѣта, который лился бы рѣкой, а не сочился по каплямъ; который освѣтилъ бы меня до-сыта.—И его нѣтъ.

«Нѣтъ и тебя, любовь. Нѣтъ и тебя, счастье. Нѣтъ и тебя, любимая. Все—намеки, миражъ. А ты гдѣ-то тамъ, надъ вершинами, ты гдѣ-то тамъ, вдали. Тамъ сіяешь ты, какъ мѣсяцъ, во всей твоей свѣтлой прелести.

«Если ты тамъ, вверху, я не могу подняться туда. Если ты тамъ, вдали, я не могу настичь тебя...».

Онъ поникъ головой и долго оставался неподвиженъ. Но его лицо стало успокаиваться, взглядъ его мало-по-малу сдѣлался яснымъ и глубокимъ. Онъ взялъ еще тетрадь:

«Огромный, угрюмый, какъ больной звѣрь, городъ. Конецъ осени и начало зимы,—полу-умираніе, полу-смерть. Ночь.

«Уста льнутъ къ устамъ, безумныя объятія спорятъ одни съ другими въ силѣ, одно дыханіе жарче другого,—и нѣтъ любви: онъ любитъ невѣдомую ее, она—невѣдомаго его.

«И холодъ, холодъ, холодъ—отъ камней мостовой до звѣздъ неба».

Глаза Желехова уже сіяли ровнымъ и глубокимъ свѣтомъ вдохновенія. Онъ развернулъ послѣднюю піесу и заигралъ. Его руки окрѣпли и двигались увѣренно. Нога съ силой то нажимала, то отпускала педаль. Сердце билось полными и сильными ударами, грудь дышала вольно, губы были сжаты гордо. Пѣснь печали веселила его высокой, спокойно-страстной радостью. Изъ ничего, изъ хаоса, изъ грязи, изъ несчастья, горя и уродства онъ создалъ нѣчто прекрасное,—онъ создалъ пѣснь скорби. И онъ былъ счастливъ.

Когда онъ кончилъ, въ открытую дверь балкона ворвались аплодисменты сошедшейся подъ окнами толпы. Онъ даже не оглянулся, а только еще выше поднялъ голову и еще смѣлѣй раскрылъ сіяющіе глаза.

Въ это время въ комнату вошелъ докторъ, стоявшій въ числѣ слушателей на улицѣ.

— Вамъ, голубчикъ, еще рано бы такъ волновать себя, проговорилъ онъ, ласково пожимая своему паціенту руку и отыскивая на столикѣ лекарство.

— На всякій случай примите-ка, сказалъ онъ, отсчитывая капли и поднося Желехову рюмку.

III

Минуло еще нѣкоторое время,—на этотъ разъ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ.

Зимой, въ срединѣ января, къ одной изъ большихъ станцій на западѣ Россіи подкатилъ курьерскій поѣздъ и, заскрежетавъ тормазами, почти разомъ остановился. Къ дверцамъ вагона перваго класса подошелъ стройный блондинъ. Подъ бобровой шапкой было красивое, но блѣдное и очень худое лицо. Бѣлыя вѣки и глазныя впадины казались совсѣмъ костяными. Бѣлыя скулы и впавшія подъ ними щеки казались еще бѣлѣй и мертвеннѣй отъ большой, нехоленной бороды. Блондинъ худыми руками старался отворить двери вагона и отъ усилія болѣзненно приподнялъ щеки къ глазамъ, оскалилъ мелкіе бѣлые зубы и тяжело дышалъ, раздувая тонкія ноздри. Подошелъ кондукторъ и отперъ дверь. Блондинъ съ ненавистью посмотрѣлъ на него и вошелъ. Это былъ Желеховъ.

Въ отдѣленіи вагона оба дивана были заняты. На одномъ были навалены вещи, и спалъ мальчикъ, въ круглой шапкѣ съ наушниками и въ черномъ тулупчикѣ; на другомъ лежала, лицомъ къ спинкѣ, дама.

Желеховъ остановился, осмотрѣлся и проворчалъ что-то, все съ тѣмъ-же болѣзненнымъ выраженіемъ лица.

— Сударыня, позвольте мнѣ мѣсто, сказалъ онъ потомъ.

— Здѣсь для некурящихъ, сурово отвѣтила дама, не оборачиваясь.

— Дайте мнѣ мѣсто! повторилъ Желеховъ, едва сдерживая раздраженіе, которое засвѣтилось въ его пріоткрывшихся глазахъ.

— Какъ вѣжливо! воскликнула дама и не глядя поднялась. Желеховъ сѣлъ и, казалось, забылъ про все, утомленнымъ, печальнымъ взглядомъ глядя въ окно, гдѣ видна была великолѣпная пурпурная вечерняя заря, въ полномъ разгарѣ.

— Евгеній Александровичъ! услышалъ онъ вдругъ.

Онъ обернулся къ дамѣ и долго смотрѣлъ на нее неподвижно, безъ удивленія, безцеремонно.

— Не узнаю, коротко отвѣтилъ онъ.

— Я — Никитина... Впрочемъ, этой моей фамиліи вы не знаете. Я...

Но она не успѣла окончить, какъ онъ узналъ въ ней ту дѣвушку, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ, весной, въ загородномъ паркѣ спрашивала у него, какъ это любятъ и что такое любовь. Что-то ясное, живое мелькнуло на его костяномъ лицѣ, и онъ взялъ ея, протянутую къ нему, руку. Но только-что она хотѣла заговорить, какъ его большіе глаза опять сверкнули раздраженіемъ, а губы раскрылись.

— Что это вы какой?! встревоженно, но не смущенно спросила она.

— Ѣду умирать—чахотка, твердо и быстро отвѣчалъ онъ, и вдругъ его глаза налились слезами.

— Богъ съ вами, что за мысли! кто это вамъ сказалъ? Или это мнительность? заговорила она бодро и спокойно, но ея глаза встревоженнымъ и опытнымъ взглядомъ осматривали его. — Если это мнительность, не предавайтесь ей... Вы ѣдете заграницу?

— Да.

— Давно вы изъ Петербурга?

— Я не оттуда, а изъ Крыма. Три дня, какъ выѣхалъ, сказалъ онъ и отвернулся. Его взглядъ снова невольно остановился на зарѣ, въ которой таяли, точно утопая, точно стремясь въ глубь ея розоваго свѣта, золотыя облачка.

Она внимательно вглядѣлась въ него и ужаснулась, едва удержавшись, чтобы не всплеснуть руками. Онъ обернулся на ея движеніе.

— Вотъ мой сынъ, поспѣшила она сказать, указывая на спящаго мальчика.—Я шесть лѣтъ, какъ замужемъ.

— Поздравляю, презрительно кривившимися губами какъ-бы про себя проговорилъ онъ.

Потомъ онъ нѣсколько разъ взглянулъ на нее — она послѣ его отвѣта откинулась въ уголъ дивана и глядѣла на свои сложенныя полныя руки—и заговорилъ:

— Вы обидѣлись моимъ грубымъ тономъ... Теперь я безъ церемоній: умру. Смерть мнѣ наноситъ такую обиду, что передъ ней ничто всѣ грубости. Эхъ, еслибъ жить!

— Евгеній Александровичъ, откуда у васъ эта печальная увѣренность?! сказала она и опять ласково, съ сожалѣніемъ, почти съ нѣжностью взглянула на него.

Онъ часто и тяжело дышалъ.

— Эхъ! съ разстановкой, тихимъ голосомъ, похожимъ на его трудное дыханіе, заговорилъ онъ.—Нечего ужь тутъ, умру. А не такъ бы я,—онъ пристально поглядѣлъ на нее глазами, вѣки которыхъ покраснѣли, — не такъ бы я устроилъ жизнь, какъ, навѣрно, вы ее устроили, еслибъ остался жить, еслибъ былъ здоровъ, какъ вы.—Голова его задрожала отъ усилія, съ которымъ онъ говорилъ.—Я вижу по лицу, по глазамъ, что вы не удовлетворены жизнью, попрежнему. — Онъ смѣрилъ ее взглядомъ отъ головы до ногъ.—Вы... Вотъ у васъ тутъ, около губъ, эти черточки: имъ у васъ по годамъ еще не пора бы быть. — Онъ еще внимательнѣе посмотрѣлъ на нее, его голова задрожала сильнѣй.—Вы, какъ тогда, въ паркѣ, все еще не знаете, кто вы, и что̀ такое жизнь, и что̀ такое счастье... Ну-ка, спросите меня снова, спросите теперь! сказалъ онъ, пристально глядя на нее и часто дыша.—Спросите у смерти, что̀ такое жизнь.

На мгновенье ея глаза испуганно открылись.

Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но надолго безпомощно и страдая закашлялся. Этотъ жалкій кашель какъ будто ободрилъ ее.

— Нѣтъ, Евгеній Александровичъ, я уже не ребенокъ, заговорила она все увѣреннѣй и увѣреннѣй. — Теперь прежніе пустяки,—эти минутныя настроенія, эти неясные порывы,—меня не смущаютъ и не сбиваютъ съ дороги. Они еще есть, но не имѣютъ надо мной ужь никакой власти.

Онъ враждебно посмотрѣлъ на нее.

— Не то, не то! говорилъ онъ, слабо махая кистью руки.

— Совсѣмъ освободиться отъ неудовольствія собой и жизнью нельзя, говорила она, уже заинтересовавшись темой разговора,—но не слѣдуетъ поддаваться. Часто подумаешь, подумаешь — и видишь, что просто нездоровится... Нужно быть господиномъ жизни, а не ея слугой. Жизнь—трудъ и ясная голова. Счастье—не возбужденные нервы, не музыка...

— Музыка! нервы! прервалъ онъ ее съ разгорѣвшимися глазами.—А что̀, пророки не были по-вашему господами... жизни, когда говорили такъ, что двигали народами... что цѣлый народъ трепеталъ предъ ними. А?.. Цѣлому народу было стыдно и страшно. Цѣлый народъ, какъ одинъ человѣкъ, каялся и перерождался... Музыка! А сумасшедшій Бетховенъ не музыкантъ?! а всѣ геніи науки не были вдохновенные, разстроенные... по-вашему...

Онъ вдругъ остановился и широко раскрылъ на нее глаза. Его лицо задергалось, и онъ опять мучительно раскашлялся.

— Музыка! съ упрекомъ сказалъ онъ, отдышавшись, и искоса посмотрѣлъ на нее.

— Вѣдь мы—не геніи, не пророки. Мы—чернорабочіе, тихо проговорила она, боясь опять растревожить его.

— А чернорабочимъ счастья не нужно? тихимъ и осторожнымъ голосомъ, чтобы сдержать кашель, заговорилъ онъ. — А счастье—онъ торжественно поднялъ руку — великое, блаженное счастье только въ эти вдохновенныя, страстныя минуты и бываетъ... Что̀ мнѣ смерть, когда я знаю, что умру вдохновенный! Чахотка такая болѣзнь, что не гаситъ, а сжигаетъ. Я и теперь—день и ночь въ музыкѣ... — Онъ вдругъ ясно и спокойно взглянулъ на нее.—Я на васъ сердился; теперь не сержусь. Я васъ жалѣю... Вы—еще при началѣ жизни. Когда васъ посѣтитъ страсть, отдайтесь ей, не убивайте ее въ зародышѣ... Грѣхъ!

Новый припадокъ кашля остановилъ его. Совсѣмъ измученный, онъ легъ на ея подушку, она накрыла его ноги пледомъ, и онъ забылся. Его глаза, закрытые бѣлыми вѣками, стали похожи на слѣпые глаза статуй.

Нѣкоторое время она съ недоумѣніемъ смотрѣла передъ со-

бой. Потомъ она обратила взглядъ на своего мальчика. Ея глаза изъ блестящихъ стали темными и глубокими, а лицо приняло выраженіе тихаго, нѣсколько встревоженнаго и глубоко умиленнаго материнскаго счастья.

Когда она снова взглянула на Желехова, она не узнала его лица. Онъ дремалъ. Въ его чертахъ какая-то сильная мысль смѣшивалась съ безмятежнымъ спокойствіемъ, а на губахъ едва играла чистая, почти дѣтская улыбка. Ему снилась заря, которую онъ только-что мимоходомъ видѣлъ въ окнѣ, и снились звуки, которыми эта заря пѣла какой-то чудный гимнъ. И центромъ великой зари и великаго гимна, центромъ, въ которомъ они рождались и откуда сіяли и звучали по всему небу, была его грудь — и больная и мощная, и истощавшаяся и рождавшая. И основной нотой звучало: восторгъ, страсть, вдохновеніе,—счастье...

Дѣдловъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ

„ТИВЕРІЙ“

I

То были дни—великій Римъ
Стоналъ и мучился, томимъ
Ужасной властью старика,
Чей тусклый взоръ издалека
Кровавымъ мщеніемъ сверкалъ:
На Капри, гдѣ къ подножью скалъ
Катятся волны чередой,
Тиверій, дряхлый и сѣдой,
Бродилъ въ молчаніи, угрюмъ,
И, внемля моря тихій шумъ,
Сгоралъ огнемъ мятежныхъ думъ
О красотѣ и женъ и дѣвъ;
Иль, разбудивши въ сердцѣ гнѣвъ
И подозрѣнія боязнь,
Онъ осуждалъ враговъ на казнь,
Сенату грозный слалъ приказъ—
И кровь патриціевъ лилась...

II

Подъ яркимъ солнцемъ золотясь,
Чуть колыхалась синева
Эгейскихъ водъ, и острова
Вдали дремали тихимъ сномъ.
Утесовъ мраморныхъ изломъ
Лучами жаркими облитъ,
Какъ будто рядъ могильныхъ плитъ,
Сверкалъ, тянулся тутъ и тамъ...
Бороздя по ропотнымъ волнамъ,
Трирема римская плыла.
Ея цвѣтные вымпела

Вились по волѣ вѣтерка,
И, горделива и легка,
Шелковый парусъ распустивъ,
Она неслася чрезъ заливъ,
Покинувъ весело Пирей,
Какъ будто жаждала скорѣй
Достичь далекихъ береговъ,
Гдѣ гордый Римъ съ семи холмовъ
Вознесъ надъ цѣлымъ міромъ власть.

III

Крѣпка триремы быстрой снасть,
И грудь и выгибъ за кормой
Рѣзьбою блещутъ золотой;
Надъ палубой шатеръ цвѣтной
И, подъ завѣсами шатра,
Въ разводахъ трирскаго ковра
Весь полъ каюты. На стѣнахъ
Играетъ солнце въ зеркалахъ,
И ложа мягкія кругомъ
На отдыхъ манятъ. Серебромъ
Блеститъ затѣйливый узоръ
Чеканныхъ кубковъ и амфоръ
И дорогихъ курильницъ дымъ
Летитъ извивомъ голубымъ...
Толпа нарядная рабовъ
Съ далекихъ нильскихъ береговъ
Поетъ, сомкнувшись въ дружный кругъ,
Вблизи кормы, и лирный звукъ
Привѣтно вторитъ пѣнью ихъ,
Сливаясь съ плескомъ волнъ живыхъ,
Бѣгущихъ быстро за рулемъ...
. . . .

В. Буренинъ.

ЖИЗНЬ ХОРОША

Очеркъ

I

— Москалику, вы живы? спрашивалъ фельдшеръ Чумаченко, поднимаясь по крутой тропинкѣ къ вырытымъ въ старой свалкѣ землянкамъ.

— А что мнѣ сдѣлается... слышался отвѣтъ изъ глубины одной норы.—Не бойсь, не подохнемъ.

Этотъ вопросъ повторялся ежедневно все въ той-же формѣ, и на него слѣдовалъ одинъ отвѣтъ. Но съ каждымъ новымъ днемъ отвѣтъ дѣлался все слабѣе, и въ голосѣ москаля уже слышалось то напряженіе, какимъ больные обманываютъ самихъ себя. «Отъ-такъ зачепало чоловіка...» думалъ Чумаченко и встряхивалъ головой, какъ собака, проглотившая муху. Ему казалось, что время бѣжало безсовѣстно быстро, какъ промывшая плотину вода, но болѣзнь шла еще быстрѣе, и фельдшеръ Чумаченко испытывалъ состояніе того охотника, у котораго изъ глазъ уходятъ два зайца. Самые лучшіе рецепты оказывались недѣйствительными, а болѣзнь бѣжала, бѣжала, бѣжала...

Разъ больной посмотрѣлъ прямо въ глаза фельдшеру и спросилъ въ упоръ:

— А что, братику, плохи дѣла?..

— Да... т. е. нѣтъ... однимъ словомъ, вздоръ!..

— Да ты не виляй, пожалуйста... Вижу. Глупо.

По мертвенно-блѣдному лицу больного промелькнула знакомая Чумаченко улыбка, которой онъ такъ не любилъ и которой даже боялся — вотъ умираетъ человѣкъ, а не можетъ бросить своей проклятой москалиной привычки. Именно эта улыбка дѣлала Чумаченко такимъ маленькимъ, но она всегда такъ неотразимо тянула его къ себѣ... Теперь она говорила ему: ты боишься больше москаля, у котораго смерть на носу. Да, Чумаченко испытывалъ приступы настоящаго ужаса, уничтоженный собственнымъ безсиліемъ.

Землянка, въ которой лежалъ больной, походила на гнѣздо стрижа гдѣ-нибудь въ обрывѣ крутого берега. Старая пріисковая свалка, заросташая наверху молодымъ лѣсомъ, хоронила въ себѣ много такихъ землянокъ, точно она была источена червями. Внутренность землянки едва позволяла повернуться. Налѣво отъ входа дымился слѣпленный изъ глины башкирскій чувалъ, направо—дерновая лежанка, къ которой теперь былъ точно прикованъ больной, въ глубинѣ—разная пріисковая снасть: кайлы, лопаты, ломъ, грохотъ. Надъ лежанкой деревянная полочка съ книгами и провизіей.

Больной лежалъ подъ желтымъ азямомъ, который облегалъ его вытянутое тѣло тощими складками. Русая голова рѣзко выдѣлялась на пестрой ситцевой подушкѣ. Загорѣлое лицо было блѣдно, сѣрые, строгіе глаза округлились, носъ заострился, а губы запеклись. Больной лежалъ спокойно и боялся сдѣлать малѣйшее движеніе, чтобы не вызвать лишняго припадка кровотеченія. Какое страшное слово: кровь... Вѣдь съ каждой каплей этой крови вытекала сама жизнь. Больной это чувствовалъ, и у него выступалъ холодный потъ на лбу, когда на языкѣ появлялся вкусъ свѣжей крови—солоноватый и сладкій, немного жирный и прѣсный. Онъ старался удержаться, чтобы не кашлянуть, но кровь одолѣвала... Послѣ каждаго такого припадка являлась изнурительная лихорадка съ предательскимъ тепломъ, потомъ и холодомъ. Бараній тулупъ не спасалъ отъ проникавшаго въ самыя кости холода, и зубы выбивали неизвѣстный маршъ.

Глядя на эту картину быстраго разрушенія, Чумаченко дѣлалось совѣстно за свое бычачье здоровье, за прекрасный аппетитъ, мертвый сонъ и то солнышко, которое цѣлые дни играло въ безоблачномъ небѣ надъ землянкой.

— Умереть это еще ничего... говорилъ больной, съ трудомъ переводя дыханіе.—Долгъ природѣ... Страшно умереть отъ глупой причины. Да... вѣдь я никогда не хворалъ, братику. Цѣлый годъ одной гнилой горошницей питался... по колѣно въ холодной водѣ цѣлые дни работалъ... и все ничего, а тутъ... ахъ, какъ все это глупо!..

— Умныхъ болѣзней нѣтъ, Евгенычъ... Въ природѣ есть только послѣдовательность.

Москаль Евгенычъ закрывалъ отяжелѣвшія вѣки и въ тысячу первый разъ повторялъ про-себя короткую исторію своей болѣзни, какъ всѣ больные. Вотъ онъ, такой здоровый, потный отъ работы въ шахтѣ, садится къ артельному котлу съ варевомъ. Аппетитъ волчій. На его долю достался кусокъ говядины съ раздробленной костью. Вѣдь тысячи разъ каждый ѣлъ такую говядину, а Евгенычъ хотѣлъ проглотить и остановился— тамъ, въ горлѣ, ножемъ остановилась острая кость. Мало ли людей давится костями, и ничего, все сходитъ съ рукъ. Чумаченко произвелъ обычную въ такихъ случаяхъ операцію и протолкнулъ кость изъ пищепровода въ желудокъ. Евгенычъ почувствовалъ себя сразу здоровымъ и послѣ операціи опять вышелъ на работу. Но зато ночью у него появился первый припадокъ кровохарканія: кровь пошла печенками, а потомъ начала сочиться капля за каплей. Теперь онъ питался своей собственной кровью... Умереть отъ того, что подавился костью—нѣтъ, это слишкомъ глупо!

— А какъ на пріискѣ идутъ работы? спрашивалъ Евгенычъ приходившихъ его провѣдать, чтобы отвлечь мысль отъ своей болѣзни.

— Ничего, работаютъ...

Отъ приходившихъ такъ и вѣяло жизнью, точно они вносили съ собой въ землянку и воздухъ, и свѣтъ, и запахъ только-что разрытой земли, и ароматъ степной травы.

II

Тамъ, за предѣлами землянки, время бѣжало такъ быстро, а въ землянкѣ оно тянулось съ убійственной медленностью, какъ въ тюрьмѣ или въ могилѣ. Да, это и была могила, которая давила больного впередъ, стоило ему закрыть глаза. Особенно тяжелы были ночи, когда потухали послѣдніе огоньки и воцарялась тишина. Только работала паровая машина, откачивавшая воду изъ шахты съ тяжелымъ хрипѣньемъ, точно она задыхалась отъ непосильной работы.

— Пожалуйста, не затворяй дверь! просилъ больной, когда кто-нибудь изъ сосѣдей по свалкѣ припиралъ его снаружи.

Дверь замѣняла окно. По цѣлымъ часамъ Евгенычъ наблюдалъ въ нее одну и ту-же картину: прямо утесистая гора Немойка, врѣзывавшаяся крутымъ мысомъ въ глубокую котловину; налѣво уходила холмистая гряда; вдали чуть брезжился синеватый просторъ разбѣжавшихся кругомъ горъ. По дну лога съ шумомъ летѣла говорливая горная рѣченка Черемшанка, разливаясь по канавамъ, прудкамъ и желобамъ. На откосѣ Немойки лѣпился кое-какъ сгороженный сарай, поставленный надъ шахтой; длинная желѣзная труба отъ паровой машины дымилась надъ этимъ сараемъ день и ночь. А тамъ внизу, по всему теченію Черемшанки, отъ зари до зари шла неустанная работа, точно шевелился разрытый муравейникъ. Ахъ, какъ любилъ Евгенычъ все это, а особенно своихъ товарищей по работѣ: какой былъ сильный и предпріимчивый народъ, съ той особенной азартной складкой характера, какой отличаются всѣ промысловые рабочіе. И въ этой картинѣ природы, и въ этихъ людяхъ было что-то такое особенное, безконечно дорогое ему, чего нѣтъ и въ поминѣ тамъ, въ коренной Россіи: тутъ чувствовался широкій размахъ, дикое веселье и бившая ключемъ энергія.

Изъ своей норы Евгенычъ видѣлъ, какъ занимался рабочій пріисковый день и какъ онъ кончался. Мягкій лѣтній сумракъ быстро сгущался внизу. Затихшій рабочій шумъ смѣнялся теперь

громкимъ говоромъ одной Черемшанки—да, она говорила, говорила безъ конца, то ласково и любовно, то сердито или ворчливо. Ночныя тѣни и ночные звуки росли вмѣстѣ, по мѣрѣ того какъ замиралъ яркій дневной свѣтъ. Когда ночной туманъ заливалъ всѣ ущелья и котловины, получалась замѣчательная иллюзія: кругомъ стояло бѣло-молочное море, поднимавшее высокіе гребни каменныхъ волнъ. Да, это были настоящія волны, оперенныя зеленой пѣной лѣпившагося по шиханамъ лѣса, а между ними, какъ морское судно, неподвижно остановилось горбившееся пріисковое строеніе—съ маленькими лодками, когда онѣ попадаютъ между двумя волнами, бываетъ такой моментъ нерѣшительности: вода точно распахнется скользящей и переливающейся пропастью, волна съ размаху несется выше, съ шипѣньемъ закручивая пѣну, а жалкая скорлупа стоитъ на одной точкѣ, дожидаясь подкатывающейся снизу невидимой силы, которая вынесетъ на самый гребень.

Короткая лѣтняя ночь кажется Евгенычу безконечной. Онъ почти не спитъ, и тяжелое полузабытье полно грезъ. Просыпаясь, онъ ищетъ глазами двери, точно боится, что вмѣстѣ съ ней закроется для него послѣдній свѣтъ. Въ чувалѣ тлѣетъ огонь—чья-то добрая рука приноситъ который день дрова и подкидываетъ ихъ на огнище. Вся теплота уходитъ въ трубу, но это очищаетъ воздухъ.

Одиночество—какая это страшная вещь... Мысли больного уносятся туда, въ коренную Россію, гдѣ онъ родился и выросъ. Тамъ онъ ничего не оставилъ, но его все-таки тянетъ къ роднымъ мѣстамъ, и это чувство проснулось именно теперь, какъ реакція ослабѣвшаго чувства.

— Зачѣмъ? вслухъ думаетъ онъ, прислушиваясь къ звукамъ собственнаго голоса.—Не стоитъ...

Вѣдь онъ, все равно, ушелъ навсегда и давно умеръ для этой родины. Но зачѣмъ тамъ, въ логу наливается вода и подступаетъ все ближе къ землянкѣ... Такая холодная вода, которая ползетъ въ гору, какъ змѣя. Евгенычъ еще маленькій, и ужасъ охватываетъ его дѣтское сердце... А вода все ближе и уже

первыя струйки лижутъ ноги. Ахъ, да это сонъ, бредъ. Холодно внутри, и опять этотъ вкусъ свѣжей крови... Кругомъ все тихо. Жалуется одна рѣчонка въ осокѣ да отпыхиваетъ паровикъ. Въ головѣ Евгеныча проносятся обрывки мыслей и отдѣльныя звенья воспоминаній. Вотъ онъ бѣднякъ и пробиваетъ себѣ дорогу. Нужно одолѣть груды ненужныхъ никуда учебниковъ, перебиваться на грошовыхъ урокахъ, и къ чему? кому нуженъ этотъ слишкомъ «дорогой хлѣбъ науки». Былъ моментъ, когда Евгенычъ хотѣлъ покончить съ собой, но его спасло молодое здоровье. Наука брошена, и Евгенычъ очутился въ разрядѣ тѣхъ интеллигентныхъ бродягъ, которыхъ становится все больше и больше. Тысячи недоучекъ и неудачниковъ бродятъ по родинѣ и не находятъ себѣ куска хлѣба, когда каждый рабочій имѣетъ его и долженъ имѣть. Онъ видитъ массу ненужныхъ страданій, непосильную борьбу съ традиціями и предразсудками, и все это чувствуетъ въ самомъ себѣ. Исканіе привилегированнаго мѣста, легкаго хлѣба, благороднаго труда, труда по призванію — вотъ гдѣ погибель... Нужно все это бросить и уйти туда, гдѣ разлеглась вольная земля, гдѣ вольные люди, гдѣ вольный трудъ. Евгенычъ на золотыхъ промыслахъ простымъ рабочимъ, и какъ онъ счастливъ, что можетъ работать наряду съ другими. Отчаянная пріисковая вольница чаруетъ его, онъ сростается съ ней и въ три года перерабатывается въ пріисковаго волка. О, онъ прошелъ длинный путь тяжелаго искуса и остается сдѣлать немного... У него есть цѣль, жизнь полна, впереди свѣтло. Но зачѣмъ опять поднимается эта вода, которая хочетъ поглотить его?..

— Москалику, вы живы?..

— Несовсѣмъ...

Зачѣмъ умирать, когда тѣло еще полно силы, зачѣмъ глупо умирать—послѣдняя мысль давила Евгеныча, какъ могильная плита.

III

— Скоро? спрашивалъ Евгенычъ.

— Да... т. е. нѣтъ... Конечно, всѣ мы подъ Богомъ, хотя...

— Довольно...

Голова больного откинута, глаза полуоткрыты. Чумаченко сидитъ на обрубкѣ бревна и считаетъ пульсъ: дѣло скверно...

— А ты слышишь, какъ работаетъ паровикъ? спрашиваетъ больной, открывая глаза.

— Нехай работаетъ...

— Нѣтъ, хорошо... Что-то такое бодрое есть въ каждой машинѣ... однимъ словомъ, сила. Дв...

Ему было тяжело говорить, но Чумаченко не противорѣчилъ: все равно москаль умретъ, такъ пусть хоть «выговорится» передъ смертью — это иногда бываетъ. Здоровый Евгенычъ не любилъ болтать, а съ такими субъектами именно и случаются припадки предсмертной болтливости, точно они хотятъ заразъ вылить все, что̀ притаили въ себѣ.

— Чумакъ, ты — хохолъ... ты не поймешь меня... стоналъ Евгенычъ, тяжело перекатывая голову на подушкѣ.

— Усе пойму...

— А я все думалъ о томъ... глупо, конечно... Мучился... а дѣла сколько впереди... Гору хотѣлъ повернуть и повернулъ бы, да вотъ подавился — ахъ, какъ меня мучила эта кость... Все время мучила: глупо такъ кончить... Все думалъ... о чемъ я думалъ?... Чумакъ, я видѣлъ себя богатымъ... жила найдена, и я ее берегъ... О, я скоро былъ бы богатымъ и только хотѣлъ до конца пройти свой искусъ... Это нужно. Впереди былъ милліонъ. Понимаешь ты, что̀ значитъ это слово?... Оно мнѣ кружило голову... Теперь я работаю только своими двумя руками, а тогда сталъ бы работать тысячами такихъ рукъ. И не для себя... Много ихъ пропадаетъ напрасно: молодыхъ, здоровыхъ... Всѣхъ бродягъ устроилъ бы... Тамъ въ Расеѣ дѣлать нечего... нужно уходить на Уралъ, на Алтай, въ Среднюю Азію, въ Закавказье,

въ Уссурійскій край... О, я ужь видѣлъ всѣ эти благословенныя мѣста: я обошелъ ихъ и видѣлъ золотые сны... Какъ это было хорошо: милліоны людей найдутъ тамъ свой хлѣбъ... Нѣтъ, у меня голова кружится...

— Будетъ вамъ, москалику... Тоже придумали: этого не можно.

— А вѣдь машина-то работаетъ, день и ночь работаетъ... Слышишь?

— Чую...

— Камень попался—камень долбитъ... воду отливаетъ. Помнишь, какъ говоритъ Фаустъ:

Тогда скажу я: «Чудное мгновенье,
Прекрасно ты... Остановись!»
Я высшій мигъ теперь вкушаю свой...

— Да будетъ вамъ, москалику... Дурень былъ вашъ Хфаустъ. Не можно такъ, я вамъ кажу...

Евгенычъ лежалъ и улыбался, улыбался тому внутреннему міру, который расцвѣталъ въ немъ. Онъ съ открытыми глазами видѣлъ яркія грезы своего воображенія и чувствовалъ себя такъ легко, какъ никогда.

— И вдругъ какая-то глупая кость... не унимался больной, продолжая вслухъ свою мысль. — Голодный тифъ, дифтеритъ— что̀ угодно, но не такая глупая смерть... Меня это убивало... смерть не одинъ разъ уже приходила ко мнѣ сюда, въ землянку, и я чувствовалъ, какъ послѣдняя кровь начинала остывать въ жилахъ... Опять подступала холодная вода, и я чувствовалъ, какъ начинаю тонуть... Но вѣдь *оно* не умретъ, значитъ, не умру и я. Я буду тутъ, съ этими людьми, которые придутъ сюда... вездѣ... О, ихъ такъ много, и я такъ ихъ всѣхъ люблю! Есть идеи и чувства, которыя висятъ въ воздухѣ. Я не чувствую себя больше одинокимъ, и жизнь хороша. Не я, такъ другой, не другой, такъ третій: *оно* идетъ... Все равно, какъ на войнѣ: одинъ палъ, но строй сомкнулся и идетъ впередъ... и что̀ значитъ этотъ одинъ?... Чумакъ, слышишь, какъ работаетъ маши на...

Ночь была холодна, потому-что надъ землей не стояло въ небѣ ни одного облачка. Цѣлые хороводы яркихъ звѣздъ величаво озаряли и горы, и лѣсъ, и долины, и тихо-плакавшую воду. Въ землянкѣ Евгеныча давно потухъ огонекъ, и царила мертвая тишина. Когда утромъ одинъ изъ рабочихъ завернулъ провѣдать Евгеныча, его уже не было—на дерновой лежанкѣ покоился холодный трупъ. На побѣлѣвшемъ лицѣ застыла улыбка... Набѣжали изъ землянокъ пріисковыя бабы и начали потихоньку причитать:

— Охъ, родненькій, и глаза-то закрыть некому!.. Тоже, поди, мать была...

— За фершеломъ надо спосылать: порядокъ...

Пріѣхалъ Чумаченко, завернулъ въ землянку и заплакалъ. А надъ горами весело играло лѣтнее солнце, гдѣ-то въ кустахъ заливалась птичка, пахло свѣжей травой. Около землянки Евгеныча долго не расходилась толпа пріисковыхъ рабочихъ.

— Отъ-то мудреный былъ человѣкъ... думалъ Чумаченко, соображая, какъ хоронить москаля.

Д. Сибирякъ.

ANDANTE

СОНЕТЪ

Я пережилъ васъ, дни шальнаго опьяненья,
Когда я алтари кумирамъ воздвигалъ,
Когда со струнъ души, звенѣвшихъ какъ кимвалъ,
Восторга лился гимнъ, неслись благословенья!

Какъ отмели песокъ, слизнулъ васъ жизни валъ...
Довольно! пройденъ путь... Теперь—молю забвенья...
Холодной осени не вынесъ дуновенья
И захирѣлъ цвѣтокъ, ютившійся межь скалъ...

Но гдѣ жь конецъ? Зачѣмъ же нѣтъ развязки
Комедіи, разыгранной давно?
На сценѣ тишина, и пусто, и темно...

Откуда же все ждетъ душа горячей ласки?
И няниной, полузабытой сказкѣ
Зачѣмъ внимать мечтой опять мнѣ суждено?..

М. Соймоновъ.

Петербургъ, 1888.

ЧЕРВОНЕЦЪ *)

Жилъ въ Москвѣ отставной генералъ знатнаго рода. Любилъ хорошо поѣсть, принималъ гостей, держалъ за дорогую цѣну повара,—померъ. И остался отъ него малолѣтній сынъ Андрей. Вошелъ Андрей въ лѣта, принялъ отцовское наслѣдство — пристрастился къ картежной игрѣ. Днемъ — спалъ, ѣлъ, выѣзжалъ на гулянье, ночью же — уходилъ въ игорные дома и проводилъ тамъ время до разсвѣта. Но вотъ — надоѣло ему московское житье. Продалъ онъ какое осталось отъ отца добро, собралъ деньги, выправилъ паспортъ, поѣхалъ въ чужія земли—въ городъ Парижъ. И тамъ еще того больше затянулся въ игру и сталъ проводить разсѣянную жизнь. И по нѣкоторомъ времени узналъ онъ — есть такіе дома, гдѣ играютъ не въ карты, а устроено колесо съ номерами; колесо вертится точно въ ящикѣ, прыгаетъ костяной шарикъ по колесу; и если упадетъ шарикъ на томъ номерѣ, на который положишь деньги—бери вдвое, вдесятеро и больше, смотря по номеру, а ежели на иномъ номерѣ упадетъ шарикъ—беретъ тотъ, чье колесо. И Андрею очень понравилась такая игра. По цѣлымъ ночамъ сидѣлъ онъ у колеса, ловилъ глазами, куда упадетъ шарикъ. Въ головѣ у него шумѣло, какъ отъ вина,—либо онъ положитъ кучку денегъ и его кучку сгребетъ къ себѣ хозяинъ колеса, либо ему придвинутъ кучку золота съ счастливаго номера. И его жизнь въ томъ и проходила, что

*) Въ нѣкоторой части заимствовано изъ Фр. Коппе.

либо отъ него сгребутъ, либо ему придвинутъ. И такъ прошло пять лѣтъ.

Вотъ разъ онъ игралъ и не повезло ему. И вошелъ въ азартъ, ставилъ нѣсколько часовъ къ ряду большія деньги—и не вышло ни одного счастливаго номера. И вдругъ увидалъ, что послѣдній его сторублевый билетъ перешелъ къ хозяину колеса. Пошарилъ Андрей въ карманахъ — ничего не нашлось, проигрался до-тла. Вылѣзъ онъ изъ-за стола — голова кругомъ идетъ, на ногахъ шатается, побоялся, чтобъ не упасть, присѣлъ поодаль на скамеечку. Сѣлъ, глядитъ мутными глазами... видитъ — тѣснятся у стола другіе игроки, горятъ огни, по зеленому сукну золото шуршитъ—то къ себѣ загребетъ хозяинъ, то къ игрокамъ подвинетъ; и лицо у хозяина жесткое, холодное, а у игроковъ — жадныя лица, осунулись, глаза такъ и впились въ колесо; постукиваетъ шарикъ, колесо кружится то туда, то сюда.

И вспомнилъ Андрей — прошло пять лѣтъ: люди жили, любили, горевали, радовались, а онъ все здѣсь, все вокругъ колеса. И какъ подумалъ, что раззоренъ теперь, потерянъ, что нѣтъ у него больше денегъ — противно сдѣлалось ему жить. И вотъ вспомнилъ—изъ всего отцовскаго добра остались у него пистолеты, дома, въ столѣ лежатъ, и сказалъ самъ себѣ: противно мнѣ жить, дай пойду и застрѣлюсь. И только сказалъ — взяла его усталость, прислонился онъ къ стѣнкѣ и заснулъ глубокимъ сномъ. Но спалъ недолго. Проснулся—попрежнему болитъ голова и въ сердце точно покалываетъ. Взглянулъ на часы—скоро полночь. Потянулся Андрей, зѣвнулъ и пошелъ къ дверямъ. А въ головѣ одна мысль: пойду и застрѣлюсь.

Въ томъ домѣ постоянно пребывалъ полячокъ одинъ — панъ Дронскій. Былъ когда-то богатъ, весь проигрался, а теперь тѣмъ и жилъ, что выпрашивалъ по мелочи у игроковъ. Что выпроситъ, сейчасъ и поставитъ на колесо, иной разъ выиграетъ бездѣлицу, другой — проиграетъ, на ходу поѣстъ, попьетъ, и все торчитъ — либо у колеса, либо у дверей. Былъ человѣкъ потерянный, несчастный. Увидалъ онъ, что Андрей собирается ухо-

дить, кинулся къ нему, поймалъ за рукавъ, заглядываетъ въ глаза, шепчетъ:

— Одолжите мнѣ пять франковъ. Вотъ ужь два дня слѣжу я за колесомъ—семнадцатый номеръ ни разу не выходилъ. Руку даю на отсѣченье—пробьетъ полночь, выйдетъ семнадцатый номеръ. Одолжите пять франковъ.

Андрей только плечами пожалъ. Не то что пяти франковъ—у него и мѣдной копейки не оставалось. Полячокъ забормоталъ что-то по-своему, отсталъ отъ Андрея.

Вышелъ Андрей въ лакейскую, одѣлъ шубу, слышитъ говорятъ лакеи: завтра рождество. И точно засосало Андрея отъ этихъ словъ. Вспомнилъ онъ свои беззаботные годы, вспомнилъ мать, отца, слугъ, нянекъ, всѣ ухаживали за нимъ, нѣжили его, лелѣяли. И вотъ какъ дымъ, какъ тѣни отъ бѣгущаго облака,—жили, страдали, любили, радовались, померли... и никого нѣтъ. Еще скучнѣе сдѣлалось Андрею. Выскочилъ онъ на улицу, запахнулся, шибко пошелъ. Было темно. Рѣдко, далеко другъ отъ друга, горѣли фонари въ глухой улицѣ. Только-что выпалъ глубокій снѣгъ. Морозило.

Вотъ поравнялся Андрей съ фонаремъ и видитъ—у рѣзныхъ воротъ огромнаго дома сидитъ вся въ снѣгу дѣвочка лѣтъ шести. Едва прикрыта лохмотьями. Одна ножка обута, другой башмачокъ лежитъ возлѣ, на снѣгу. Была непомѣрная стужа, но дѣвочка видно намучилась и крѣпко спала: ея маленькая головка и костлявое плечико будто приросли къ стѣнѣ; холодный камень былъ ей вмѣсто постели. Жалко сдѣлалось Андрею и подумалъ онъ: возьму я малютку къ себѣ и обогрѣю, дамъ ей на ночь пріютъ. И протянулъ руку, чтобъ разбудить дѣвочку. И вдругъ видитъ—въ томъ башмачкѣ, который валялся въ снѣгу—блеститъ что-то ясное. Посмотрѣлъ Андрей ближе—блеститъ червонецъ.

Проходилъ раньше Андрея добрый человѣкъ, увидалъ башмачокъ возлѣ заснувшаго ребенка, вспомнилъ рождественскій обычай, положилъ въ башмачокъ щедрую милостыню. И сказалъ себѣ: проснется дитя, найдетъ червонецъ; обрадуется, пойметъ, что не совсѣмъ еще оно покинуто на бѣломъ свѣтѣ.

*

Андрей хотѣлъ поскорѣе разбудить дѣвочку, объявить ей эту радость—указать на червонецъ... Но вдругъ, надъ самымъ своимъ ухомъ, услыхалъ онъ, точно въявь, голосъ того полячка; будто шепчетъ полячокъ: «Вотъ ужь два дня слѣжу я за колесомъ—семнадцатый номеръ ни разу не выходилъ; руку даю на отсѣченье—пробьетъ полночь—выйдетъ семнадцатый номеръ».

И захотѣлось Андрею украсть червонецъ у нищей дѣвочки.

Скажи Андрею кто-нибудь прежде: вотъ придетъ время, и ты обокрадешь нищаго,—Андрей подумалъ бы, что тотъ человѣкъ не въ своемъ умѣ. И дѣды, и прадѣды Андрея считались за честныхъ людей, были въ большомъ почетѣ за ихъ твердость и прямоту. Самъ Андрей хотя и былъ игрокъ и велъ безпутную жизнь, но не воровалъ, не лгалъ, не обманывалъ, — гордился, что происходитъ отъ честнаго и знатнаго рода.

И вотъ оглянулся онъ туда и сюда, видитъ—кругомъ пусто, фонари едва свѣтятся, людей нѣтъ, — нагнулся, схватилъ червонецъ изъ башмачка, зажалъ его въ руку и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать къ игорному дому. Прыжками взбѣжалъ онъ на лѣстницу, распахнулъ настежь двери въ проклятую комнату и очутился у колеса какъ разъ въ ту минуту, когда часы начали бить полночь. Бросилъ онъ червонецъ на столъ, проговорилъ хриплымъ голосомъ:

— Семнадцатый номеръ на всѣ.

Выигралъ семнадцатый номеръ. Вышло Андрею въ тридцать-пять разъ больше червонца. Поставилъ онъ всѣ тридцать-пять золотыхъ на двойную ставку. И опять выигралъ. Поставилъ еще—и выигралъ. И еще нѣсколько разъ ставилъ двойныя ставки и всѣ выигрывалъ. Передъ нимъ лежали груды золота и бумажекъ. Онъ игралъ внѣ-себя, безъ всякаго разсчета, точно пьяный, но какой номеръ ни задумывалъ—всѣ выходили на выигрышъ. Удача была неслыханная, небывалая. Всѣ игроки отстали играть и удивлялись на Андрея. Панъ Дронскій не сводилъ съ него глазъ... У самого хозяина кривились и тряслись губы.

Десятью оборотами колеса Андрей вернулъ весь свой проигрышъ, все, что было имъ прожито изъ отцовскаго наслѣдства.

И такъ повалило къ нему счастье, что теперь онъ ужь былъ впятеро, вдесятеро богаче, чѣмъ послѣ смерти отца. Онъ торопился, когда бѣжалъ къ колесу, и не успѣлъ снять шубу. И теперь въ карманы шубы напихивалъ деньги. Мало того — сюртукъ, жилетъ, табачница, носовой платокъ — все, во что можно было спрятать деньги,—все было нагружено золотомъ и скомканными бумажками. А онъ все игралъ и все съ тѣмъ-же счастьемъ.

Но, играя будто въ изступленіи, точно пьяный отъ неслыханной удачи, онъ нѣтъ-нѣтъ да и схватывался за сердце. Тамъ опять начинало покалывать; болѣло словно отъ обжога. Маленькая нищая не выходила у него изъ головы. Самъ ставитъ, говоритъ какой номеръ, прячетъ деньги, а самъ думаетъ: «Тамъ ли еще дѣвочка? на томъ ли мѣстѣ?» И утѣшаетъ себя: «О, конечно, она тамъ. Куда ей дѣться. Какъ только пробьетъ часъ — уйду отсюда. Я возьму ее, отнесу домой, уложу на свою постель, отогрѣю. Воспитаю ее... дамъ ей приданое. Всю жизнь буду любить и лелѣять какъ родную дочь... Всю жизнь, до самой смерти!»

Но пробилъ и часъ, и четверть, и полчаса, и три четверти второго... Андрей никакъ не можетъ оторваться отъ проклятаго колеса.

За минуту до двухъ часовъ хозяинъ всталъ и сказалъ:

— Сколькими деньгами я отвѣчалъ за колесо — всѣ ты выигралъ. Не могу больше отвѣчать.

Закричали, засуетились игроки, обступили Андрея. Поднялся Андрей, растолкалъ игроковъ, въ одинъ прыжокъ очутился у дверей, сбѣжалъ съ лѣстницы, прямо бросился къ тому дому. И издалека еще примѣтилъ—горитъ у воротъ фонарь, и видно, что на камнѣ лежитъ малютка. — Слава Богу! сказалъ Андрей,— она еще здѣсь.—И онъ подбѣжалъ къ ней и взялъ ее за ручки... Ручка была холодная. У Андрея выступили слезы отъ жалости.

— Господи, Господи, сказалъ онъ, — какъ-же ей холодно, бѣдняжкѣ.

И ухватилъ ее на руки. Головка повисла у дѣвочки, но она

не проснулась. И подумалъ Андрей: «Какъ крѣпко спится въ эти годы».

Чтобы согрѣть—онъ прижалъ ее къ себѣ. И пожелалъ разбудить, хотѣлъ поцѣловать въ глазки. Вдругъ видитъ—пріоткрыто вѣко и зрачокъ высматриваетъ оттуда тусклый, неподвижный, какъ стеклянный. Похолодѣлъ Андрей — пришло ему въ голову, что дѣвочка замерзла. Приложился онъ къ ея губкамъ — нѣтъ дыханія. И поднесъ ее ближе къ фонарю и посмотрѣлъ—и увидалъ, что она мертвая.

Страшно сдѣлалось Андрею. Выпустилъ онъ изъ рукъ мертвое тѣло, положилъ на камень, пошелъ тихо, тихо, спотыкается на ходу. Пришелъ домой, щелкнулъ ключемъ въ замкѣ, бросилъ какъ ни попала шубу, легъ ничкомъ на кровать... И лежалъ безъ памяти.

Прошло часа три. Очнулся Андрей... Въ окнахъ едва свѣтлѣется отъ зимней зари. И видитъ—насупротивъ него сидитъ на стулѣ полячокъ, куритъ. Дверь на замкѣ, ночь, — но Андрею и въ голову не пришло удивиться, что у него въ горницѣ сидитъ полячокъ. Будто такъ надо. Приподнялся Андрей, сѣлъ на постели, оперся руками, смотритъ, ждетъ, что ему гость скажетъ. И тотъ сказалъ:

— Ты что̀ же деньги-то зря разбросалъ: вѣдь тутъ, братъ, безъ малаго сто тысячъ.

— Я и самъ знаю, что сто тысячъ, отвѣтилъ Андрей.

— А знаешь—прибери. Не щепки.

— Не щепки, да проклятыя. Изъ-за нихъ человѣкъ пропалъ.

Засмѣялся полячокъ.

— Это ты про нищенку, что-ль? Коли про нищенку, такъ напрасно. Не ты—другой бы взялъ. Статочное ли дѣло червонцу въ стоптанномъ башмакѣ валяться.

— Я укралъ — не другой. Черезъ меня пропала, не черезъ другого.

— Чудачина ты! Вотъ у тебя были деньги, и ты ихъ проматывалъ куда—зря. Ужели, думаешь, у твоихъ дверей не замерзали люди?

— Можетъ и замерзали, сказалъ Андрей.

— Вотъ и у отца твоего были деньги,—у него-то за окнами не помирали отъ нужды?

— Можетъ и помирали.

— Вотъ и у дѣдовъ, и у прадѣдовъ твоихъ были деньги, а стоило выйти на улицу, и у людей не было хлѣба и одежды. Развѣ не пропадали люди съ холода и голода?

— Всегда пропадали, сказалъ Андрей.

— Стало-быть всѣ вы отъ перваго до послѣдняго—воры и душегубцы.

— Нѣтъ не воры—нашъ родъ честный.

— А коли весь родъ честный, и ты не извергъ въ своемъ родѣ. Что ты сдѣлалъ такого, чтобъ испугаться? У дѣдовъ твоихъ въ глазахъ люди пропадали, и у тебя человѣкъ пропалъ. Цѣна одинаковая. И всѣ вы въ почетѣ за вашу честь, потому-что такъ устроено въ мірѣ. Одинъ богатъ—другому ѣсть нечего, одинъ—молодымъ помираетъ, другой—зоветъ смерть, и она не идетъ къ нему. Кто ты такой, что бунтуешься противъ установленнаго порядка?

— Я не бунтуюсь. Мнѣ страшно. Душа черезъ меня пропала, сказалъ Андрей.

Опять усмѣхнулся полячокъ.

— Вѣдь это смѣхъ сказать, проговорилъ онъ,—сидишь ты за стекломъ и даешь человѣку замерзать—ничего! а прошелъ мимо и далъ замерзнуть—мучаешься и проклинаешь день своего рожденія. Скажи, не одинаковая-ли погибель людямъ, и не одинъ-ли грѣхъ?

— Коли такъ—мнѣ еще страшнѣе, отвѣтилъ Андрей.

— Вотъ и не умѣешь думать. Не отъ тебя погибель и не отъ тебя грѣхъ. Выдумай такъ, чтобъ всѣ равно были сыты и одѣты, равно умны, равно здоровы, чтобы волкъ не душилъ ягненка и ястребъ оберегалъ цыплятъ. Попробуй, выдумай.

— Какъ выдумать—это не отъ меня.

— Значитъ, не отъ тебя и люди погибаютъ и не твой грѣхъ.

Значитъ—предуставлено. Значитъ—нечего и пугаться. Кто установилъ, тотъ и пускай пугается, того и грѣхъ.

Поискалъ Андрей, что̀ сказать, и не нашелъ. И ему сдѣлалось легче отъ того, что онъ не нашелъ что̀ сказать. И какъ сдѣлалось легче, посмотрѣлъ онъ и видитъ — лицо у полячка стало сѣрое, неясно отличается, будто въ тонкомъ снѣ. И подумалъ Андрей: «Неловко молчать, надо мнѣ сказать что-нибудь»—и сказалъ что̀ пришло въ голову:

— Отцы не знали, что̀ дѣлали. А я зналъ и погубилъ душу.

— Разсказывай еще! выговорилъ полячокъ,—кабы ты погубилъ—ты придушилъ бы ее и пошелъ прочь. Но ты этого не сдѣлалъ. Замерзла! обокрадена! Не будь тебя—все равно бы замерзла, и деньги все равно украли бы. Разница въ томъ и состоитъ,—другой взялъ бы червонецъ да и пропилъ, а ты изъ одного червонца нажилъ богатство. Ты умный человѣкъ, Андрей.

Андрей промолчалъ.

— А вѣдь это все я! похвалился полячокъ,—не шепни я тебѣ про семнадцатый номеръ, ты бы и думать забылъ. Но вотъ теперь ты богатъ.

— Все ты, сказалъ Андрей и отвратилъ глаза—не могъ больше смотрѣть на полячка—и началъ дрожать съ головы до ногъ.

. . . .

. . . .

Андрей поднялъ голову; опять ему сдѣлалось легче.—Говори еще, сказалъ онъ, — можетъ-быть я и совсѣмъ оживу. — И вдругъ полячокъ пристально посмотрѣлъ на Андрея, поднялся съ мѣста, передвинулся неслышными шагами въ темный уголъ горницы и, когда заговорилъ оттуда — голосъ его сдѣлался глухой и невнятный.

— Что̀ по-твоему дороже, спросилъ онъ Андрея,—одна-ли душа человѣческая, или чтобъ тысячи не померли напрасной смертью?

— Чтобы тысячи не померли напрасной смертью, сказалъ Андрей.

— Подбери же деньги. Устроишь на нихъ богадѣльни, пріюты, страннопріемные дома. Благо будетъ тысячамъ, а дѣвчонка-то пропала всего *одна*.

— Вѣрно, что одна! Вѣрно, что тысячи прокормлю и спасу отъ напрасной смерти! вскрикнулъ Андрей и захлопалъ въ ладоши отъ радости. И оглянулся. Видитъ—никого нѣтъ, въ горницѣ отсвѣчиваетъ краснымъ отъ зари, на полу шуба лежитъ, золото валяется.—Надо прибрать, подумалъ Андрей и хотѣлъ спустить ноги съ постели. Вдругъ—опять его кольнуло въ сердце. Схватился онъ рукою за рубашку, самъ смотритъ за дверь, не можетъ оторваться. Точно его кто тянетъ туда... И слышитъ — стучатъ въ дверь тихо, тихо:

— Тукъ, тукъ, тукъ.

Побѣлѣли губы у Андрея. Хочетъ онъ спросить: кто тамъ?— и не можетъ—языкъ не поворачивается. И вдругъ — скрипнула дверь, подвинулась... Прикрылся Андрей одѣяломъ, сползъ съ кровати, началъ задомъ къ стѣнѣ пятиться. И не сводитъ глазъ съ двери. Онъ помнилъ, что дверь на замкѣ, и не удивлялся, что она отворяется. Онъ даже не думалъ объ этомъ... будто такъ надо. Онъ только леденѣлъ отъ страха, потому что *зналъ* кто за дверью. И вотъ видитъ—отворилась дверь на полъаршина, высунулось дѣтское личико изъ-за двери — синее, испитое, вѣко пріоткрыто, зрачокъ тусклый, неподвижный, точно стеклянный.

Вскрикнулъ Андрей страшнымъ голосомъ, заслонилъ руками лицо, палъ какъ убитый громомъ.

Сбѣжались люди, выломали замкнутую дверь, увидали мертваго человѣка и много золота.

А. Эртель.

ОДИНЪ ИЗЪ ПОБѢЖДЕННЫХЪ

РАЗСКАЗЪ ВЪ СТИХАХЪ

I

Въ окно чуть брезжитъ лучъ мерцающій разсвѣта,
А труженникъ пера въ безмолвьи кабинета
Сидитъ еще, склонясь надъ письменнымъ столомъ
Съ какимъ то мертвеннымъ, измученнымъ лицомъ,
Гдѣ слѣдъ оставила гнетущая забота,
Ночей безсонныхъ рядъ и спѣшная работа.
Да, онъ торопится: давно, за шагомъ шагъ
Слѣдитъ за нимъ его неумолимый врагъ,
И этотъ врагъ—болѣзнь. Вотъ скоро три недѣли,
Какъ онъ вернувшися съ печальныхъ похоронъ
Таварища, едва добрался до постели.
Продрогши до костей, измученъ, истомленъ—
Нескоро онъ заснулъ. Предъ нимъ мелькали дроги,
Которыя съ трудомъ тащила пара клячъ
По кочкамъ и камнямъ разъѣженной дороги.
Онъ слышалъ и дѣтей осиротѣлыхъ плачъ,
И жалобы жены нежданно овдовѣвшей,
Отъ горя и заботъ внезапно постарѣвшей.
Давно-ль была она красива, молода,
Давно-ли въ ихъ кружкѣ товарищески-шумномъ
Являлася она со словомъ остроумнымъ,
Съ веселой шуткою? Случалася бѣда—
Къ ней обращалися за помощью, совѣтомъ,
И озаряло всѣхъ какимъ-то чуднымъ свѣтомъ,
И вѣяло тепломъ отъ искреннихъ рѣчей,
Отъ взора мягкаго большихъ ея очей.
Онъ помнилъ хорошо ихъ скромныя собранья,
Бесѣды шумныя о разныхъ злобахъ дня,
Порой—горячій споръ, остроты, восклицанья
И чаепитіе у яркаго огня.
Хозяйка иногда садилась къ фортепьяно,
Смѣнялись чередой и Глинка, и Гунò,

И часто лучъ зари заглядывалъ въ окно...
Все это вспомнилъ онъ, когда среди тумана
Стоялъ у свѣжаго могильнаго холма.
Въ природѣ, на душѣ вездѣ царила тьма
Глухая, скорбная... Такъ мрачно, такъ уныло
Звучали рѣчи ихъ надъ дорогой могилой
Подъ монотонный шумъ осенняго дождя
И вѣтра стонъ въ вѣтвяхъ деревьевъ обнаженныхъ.
Кругомъ виднѣлося немало огорченныхъ.
Сочувствующихъ лицъ. Немного погодя,
Всѣ тихо разбрелись съ пустѣвшаго кладбища.
Едва къ семи часамъ, трясясь по мостовой
На дрожкахъ подъ дождемъ, продрогшій, чуть живой
Достигъ онъ своего невзрачнаго жилища.
Обрывки горькихъ думъ кружились въ головѣ,
Его тревожила забота о вдовѣ,
О дѣтяхъ-сиротахъ. Но что же будетъ съ ними?
Зловѣщая нужда охватитъ ихъ своими
Сѣтями прочными, заставитъ ихъ пройти
Чрезъ цѣлый рядъ обидъ, жестокихъ униженій,
Тяжелаго труда, безчисленныхъ лишеній—
Всю радость бытія оставивъ на пути,
Всю прелесть юности съ невинной чистотою...
Ужасная судьба! Его покойный другъ
Трудился цѣлый вѣкъ, не покладая рукъ,
Заботясь о семьѣ, но вотъ сломилъ недугъ
Бѣднягу—и она осталася съ сумою
На улицѣ...—Ну, что жь! такъ будетъ и со мною!
Онъ громко произнесъ, входя на мрачный дворъ
И поднимаяся по слабо-освѣщенной
Высокой лѣстницѣ.—Какъ поздно! до сихъ поръ?
Послышался привѣтъ супруги раздраженной:—
— Изъ типографіи давно разсыльный ждетъ,
Ты завтра обѣщалъ о выставкѣ отчетъ.
— Вотъ, въ ящикѣ возьми. Мнѣ нынче что-то худо...—
На слѣдующій день поднялся онъ съ трудомъ;
Казалось, голова, налитая свинцомъ,
И колотье въ груди усилилось... Простуда
Себя давала знать. О, только-бы не слечь,
Не одолѣлъ бы врагъ!..

II

Блѣднѣетъ пламя свѣчъ,
Пробило пять часовъ... Какъ хочется прилечь,
Забыться... Но нельзя, не кончена работа,

Еще страницы три... А завтра день разсчета,
Перо скользитъ порой изъ ослабѣвшихъ рукъ,
Глаза слипаются подъ маятника стукъ.
Нельзя! И вновь перо мелькаетъ по бумагѣ—
Все лихорадочнѣй, и кажется бѣднягѣ,
Что онъ уже спасенъ! Но радость недолга—
Недугъ настигъ его. Онъ цѣпкими когтями
Хватаетъ зá сердце... какъ мóлотомъ въ виски
Стучитъ... и—внѣ-себя отъ страха и тоски,
Охваченный его ужасными сѣтями—
Напрасно бьется въ нихъ измученный бѣднякъ.
Дыханье замерло, кругомъ—зловѣщій мракъ...
Ужель конецъ всему? Ужели нѣтъ спасенья?
И тотъ, кто столько лѣтъ и мыслилъ и страдалъ,
Боролся, вѣровалъ, надѣялся и ждалъ,
Лежитъ безъ голоса, безъ мысли, безъ движенья?...

А еслибъ онъ и всталъ—какое пробужденье!
Чтó въ жизни ждетъ его? Какъ дряхлый инвалидъ,
Больной, безпомощный и никому ненужный,
Онъ въ битвѣ жизненной остался безоружный
И брошенъ на пути... Вокругъ него спѣшитъ
Волнуяся толпа, онъ слышитъ кличъ побѣдный—
И межъ людей живыхъ какой-то тѣнью блѣдной
Онъ кажется себѣ. Друзья ушли впередъ,
И слабый вопль его безъ отклика замретъ...
Недаромъ онъ живетъ въ томъ вѣкѣ просвѣщенномъ,
Гдѣ «каждый за себя» и «горе побѣжденнымъ!»

О. Чюмина.

15 декабря 1887.

ЭЛЕГІЯ

Прошелъ тревожный день. Спустилась тишь нѣмая
На рощи темныя, на сонныя поля.
Во всей красѣ весны, какъ дѣва молодая,
Въ истомѣ сладостной покоится земля.
Умолкла рѣчь ея—и не щебечутъ птицы,
И не гудитъ въ саду янтарныхъ пчелокъ рой;
Какъ надъ лазурью глазъ тѣнистыя рѣсницы,
Прибрежные кусты нависли надъ водой.
Стыдливые цвѣты струятъ благоуханье,
Запутавшись въ травѣ, какъ въ локонахъ густыхъ.
Какъ еле-слышное, спокойное дыханье,—
Такъ теплый вѣтерокъ ласкающій притихъ;
Чуть шелеститъ листва, какъ складки одѣянья
    Надъ зыбью персей молодыхъ...
Порой то робкій вздохъ раздастся на мгновенье,
То словно поцѣлуй, иль рѣчи въ тишинѣ...
То бредъ красавицы: ей грезятся во снѣ
Пережитого дня мелькнувшія видѣнья...

А ночь, какъ будто мать, склонилась надъ землей,
Повила бережно туманными волнами
И смотритъ на нее съ загадочной тоской,
Съ любовью тихою несметными очами.
О чемъ тоскуетъ ночь? Предвидитъ-ли она,
Что не лучи любви, не ясный блескъ лазури
Дастъ новый день землѣ, разсѣявъ дымку сна,
А лишь потоки слезъ и гнѣвный ропотъ бури?
Предвидитъ-ли она, что жизнь, какъ сонъ, пройдетъ,
Настанетъ страшный день: зима рукой суровой
Сорветъ уборъ весны и землю закуетъ
Въ свои тяжелыя, холодныя оковы,
Замучитъ—и надъ ней сугробы намететъ,
И всюду вой въ степяхъ послышится унылый...
И станетъ ночь тогда украдкой приходить
Къ землѣ замученной—и до утра грустить,
Какъ горестная мать надъ дѣтскою могилой...

Глядитъ на землю ночь съ загадочной тоской,
Съ любовью тихою несметными очами...
И травы, и цвѣты окроплены росой,
    Какъ материнскими слезами...

Василій Величко.

Апрѣль 1888.

ПРАХЪ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОЭМА ВЪ ПРОЗѢ

What a piece of work is man! how noble in reason! how infinite in faculties! in form and moving how express and admirable! in action how like an angel! in apprehension how like a god! the beauty of the world! the paragon of animals! And yet, to me, what is this quintessence of dust?

Hamlet.

I

Дохнула на землю суровая осень, попадали желтые листья, шумящимъ ковромъ устилая дороги. И голые черные прутья безпомощно къ хмурому небу тянулись, какъ будто съ мольбою. Но весь горизонтъ лишь туманы застлали завѣсою мглистой, да плакало небо дождями... А вѣтеръ гудѣлъ, завывалъ и носился, сгибая верхушки деревьевъ, мохнатыя, сизыя тучи одну за другой погоняя. И, пѣнясь, высоко вздымались зловѣщія волны широкой рѣки...

Въ то время (сто лѣтъ тому было) тянулся торжественно-тихо кортежъ похоронный къ кладбищу. Въ шитыхъ, парадныхъ кафтанахъ, пѣвчіе шли впереди, а за ними плелось духовенство... Въ черныхъ попонахъ шестерка коней тихо везла

колесницу; пышный гробъ возвышался на ней, а на гробѣ вѣнки, треугольная шляпа и шпага.

Вслѣдъ колесницѣ провожатыхъ толпа шла большая. Въ ботфортахъ и длинныхъ перчаткахъ военные шли, вѣдомствъ разныхъ чиновники, въ шляпахъ съ плюмажемъ, дамы въ шлейфахъ тяжелыхъ... Въ каретахъ съ гербами сидѣли почтеннаго возраста дамы, въ робронахъ и фижмахъ; у дверецъ же шли гайдуки въ парикахъ и высокихъ чулкахъ, господъ охраняя отъ нищихъ, калѣкъ и убогихъ, что съ жалобнымъ плачемъ бѣжали по грязи, моля подаянья.

Но вотъ показалось кладбище—послѣдній пріютъ. Огражденное крѣпкой стѣною изъ камня, пустынно то было кладбище. Съ десятокъ могилъ пріютилось близь церкви, а дальше былъ лѣсъ да поляны. Деревья шумѣли послѣдней листвой и гнулись подъ вѣтромъ сердитымъ.

Колоколъ глухо ударилъ разъ и другой, и къ воротамъ подъѣхалъ кортежъ. Сняли гробъ съ колесницы, изъ каретъ провожатые вышли, и тѣсной толпой всѣ направились въ церковь.

Гробъ, окруженный свѣчами, открыли. Въ немъ лежалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ въ парикѣ и съ косичкой. Шитый кафтанъ облекалъ его тучное тѣло, золотой воротникъ подпиралъ подбородокъ обритый, жирныя бритыя щеки отвисли,—только носъ, горделивый и тонкій, возвышался изъ гроба, уваженье вселяя къ фигурѣ.

Началось отпѣванье. Съ строгими лицами, гробъ окружая, стояли друзья и родные; въ траурѣ, плача, стояла вдова. Дамы къ глазамъ подносили платочки, а въ платочкахъ скрывались флаконы съ духами (умеръ внезапно покойникъ, вспыливъ за пикетомъ). За дамами были мужчины, а дальше ужь слуги, подобно статуямъ, стояли у входа.

Кончился длинный обрядъ, мертвеца понесли на кладбище и, при пѣніи пѣвчихъ и плачѣ вдовы и родныхъ, опустили въ могилу.

Провожатые все поспѣшили къ воротамъ, гдѣ ждали кареты. Захлопали дверцы каретъ, загремѣли колеса, и быстрые кони,

копытами звонко стуча, увезли провожатыхъ... На пустынномъ кладбищѣ могильщики только остались да сторожа. Могильщики парня за водкой послали и выпили дружно «съ устатку», а сторожъ на печку забрался—согрѣть свои старыя кости.

II

Снова холодная осень настала съ туманомъ сырымъ и дождями. Желтые листья кружась сыплются тихо съ деревьевъ, и гонитъ ихъ вѣтеръ сердитый. И голые прутья, въ обидѣ, безпомощно къ небу взываютъ. На кладбищѣ по-прежнему пусто, прибавилось, правда, жильцовъ, да лежатъ они въ разныхъ мѣстечкахъ для глазъ незамѣтно. Только на мѣстѣ, въ которомъ зарыли особу въ мундирѣ, памятникъ пышный стоитъ. Бѣлый мраморъ блеститъ на дождѣ, барельефъ въ немъ съ одной стороны: женщина съ горестнымъ видомъ въ хитонѣ надъ урной склонилась, а въ лѣвой рукѣ опрокинутый факелъ; съ другой стороны два меча скрещены, и римская каска подъ ними; а съ третьей выбита золотомъ надпись: «Въ Бозѣ покоится прахъ секундъ-маіора и кавалера такого-то (имя рекъ); родился тогда-то и умеръ тогда-то, а житія было его сорокъ пять лѣтъ. Былъ въ битвахъ и раненъ, отставленъ съ мундиромъ...» И тутъ-же внизу хитроумный поэтъ начерталъ эпитафію складно:

О, нѣжный мой супругъ, покойся здѣсь, доколѣ
Скорбящая вдова бывать не станетъ болѣ,
И хладный прахъ ея не будетъ *здѣсь* сокрытъ,
А *тамъ* Всевышній насъ обоихъ съединитъ!..

Руки въ перчаткахъ скрестя на груди, лежитъ прахъ маіора спокойно, спокойно ждетъ участи общей, когда ни чины, ни почетъ, ни высокость рожденья, ничто не спасетъ отъ гніенья. Гробъ отсырѣлъ отъ воды, широко раздвинулись щели, и въ гробѣ вода показалась подъ самой спиною маіора. Чернѣетъ шитье на кафтанѣ, чернѣютъ лицо, подбородокъ, перчатки, чулки, и подъ кожей раздутой ужь движется что-то...

А къ пышному мрамору часто вдова, пріѣзжая въ каретѣ, приходитъ. И тихо, колѣни склонивъ на блестящія бѣлыя плиты, молится, плачетъ о томъ, кого нѣтъ, кто ужь не мужъ, не маіоръ, не доблестный воинъ въ чинахъ, а просто никто иль ничто, жалкая глыба земли.

И знаютъ о томъ только черви, что̀ множатся, лѣзутъ, ползутъ изъ щелей гробовыхъ и отвсюду, да знаютъ деревья, берущія сокъ отъ земли для питанія листьевъ, да вѣтеръ, что̀ носится съ ревомъ, срывая уборы весны и бросая ихъ въ землю, чтобъ вышелъ изъ нихъ перегной, удобренье для будущей жизни.

III

Минуло двадцать пять лѣтъ... Вдова перестала ходить на кладбище, — дряхлой старухой она умерла у родныхъ, — подлѣ мужа ее схоронили. Памятникъ думали ставить на первыхъ порахъ, а потомъ и забыли могилу старухи съ крестомъ деревяннымъ. Насыпь травой заросла, вкругъ ея выросла купа деревьевъ кудрявыхъ, и скрыли деревья могилу старухи отъ глазъ проходящихъ. Бѣлый памятникъ мужа тоже сталъ поддаваться стихіямъ... Падая осенью, листья чернѣли и гнили на немъ; сыпался снѣгъ по зимамъ, образуя наметы... Треснулъ въ подножіи мраморный крестъ, треснули также ступени, фундаментъ изъ цоколя ноздриться началъ, повыросла въ скважинахъ травка.

Подъ камнемъ тяжелымъ, въ гніющихъ щепахъ съ позолотой разрушилось тѣло маіора, и кости его обнажились. Благородныя кости лежали въ порядкѣ; мѣстами на нихъ сохранились остатки одежды богатой: воротникъ золотой, почернѣвшій, пуговки, пряжки, — кружевныя жь манжеты, воздушный батистъ ужь истлѣли...

Какъ тучи, гонимыя вѣтромъ, летѣли года за годами, и столько-же минуло лѣтъ. Поколѣнье смѣнилось. Примерли всѣ, кто за гробомъ маіора шелъ на кладбище: важные баре, и дамы въ робронахъ, и слуги ихъ. Умеръ и сторожъ давно; могиль-

щики умерли также, и новые ихъ замѣнили,—такіе-же бравые парни, смышленѣе развѣ немножко...

Многое также кругомъ измѣнилось на тихомъ кладбищѣ, обширнѣе стала обитель забвенья и мира, и въ новыхъ могилахъ жильцы размѣстились согласно чинамъ, положенію въ свѣтѣ...

Памятникъ бѣлый маіора совсѣмъ потемнѣлъ, въ землю сѣлъ и склонился... Женщина съ горестнымъ видомъ въ хитонѣ упала, въ осколки разбилась, а урну похитили воры. Высокой, волнистой травой заросла вся площадка, раздвинула камень трава та, и, трещины давъ, на ступени огромный кусокъ отвалился...

А буря докончила то, что̀ временемъ начато было. Осень стояла; вѣтеръ съ моря гналъ въ рѣку обратно всю воду; вздувалась рѣка, свирѣпѣла, какъ левъ поднимала косматую, бѣлую гриву и на берегъ съ ревомъ кидалась... Лилъ дождь безпрестанно, и съ шумомъ дождя сливались порывы ужасные вѣтра. Въ вихряхъ ненастья, во мракѣ, выстрѣлы пушекъ гремѣли... То знакъ былъ зловѣщій, что воды морскія на городъ стремятся...

И волны, одна чередуясь съ другою, какъ полчище страшное, ринулись вдругъ на кладбище! Согбенныя вѣтромъ стонали деревья, качаясь подобно былинкамъ, скрипѣли заборы и рухнули разомъ... Точно звѣрь разъяренный, почуявшій волю, залили волны кладбище. Все покрылось водою, однѣ лишь верхушки деревьевъ торчали, сучья свои къ небесамъ простирая. Въ волнахъ крутились кусты и деревья, что̀ вихремъ повырваны были, крутились и плавали балки, кресты и бесѣдки, плавали даже гробы съ мертвецами, а въ ямахъ могильныхъ, какъ въ омутахъ черныхъ, крутилась вода...

Ночь наступала. Грозна была бурная ночь! Прячась межъ тучекъ, разорванныхъ вѣтромъ, быстро летѣвшихъ по небу,—мѣсяцъ украдкой холоднымъ сіяньемъ свѣтилъ надъ кладбищемъ размытымъ. И плавали въ страшномъ хаосѣ, стуча другъ объ друга, гробы и кресты и деревья.

А мраморный памятникъ все-жь уцѣлѣлъ! Лишь фундаментъ подмыли волны морскія, да богъ-вѣсть откуда на мраморный крестъ съ расщепленнымъ днищемъ челнокъ нанесли.

*

IV

Еще четверть вѣка прошло. Памятникъ пуще дряхлѣетъ. Бѣлаго мрамора часть лишь осталась, а золото надписи смыто дождями да снѣгомъ. Бѣлыя буквы, подобно слѣпцамъ, незрячими смотрятъ очами, и теменъ ихъ смыслъ и запутанъ... Сорной травою кругомъ заросло все,—не видно ни плитъ, ни ступеней. Осень опять наступила, листья опали съ деревьевъ, вѣтромъ холоднымъ сковало размытую глину дорожекъ. На лужахъ холодныхъ, тонкій ледокъ по утрамъ звенитъ какъ стекло подъ ногою. А тамъ и снѣжокъ появился, еще и еще, и пушистою, бѣлою шубой одѣлъ все кладбище. И замерло въ спячкѣ надолго все, что̀ жило осеннею жизнью. Наглухо снѣгомъ забило тропинки, толстымъ налетомъ покрыло кресты и деревья. Какъ тихо, какъ мирно, какъ чистъ этотъ воздухъ морозный! Падаютъ мягко на землю съ деревьевъ снѣжные хлопья. Изрѣдка мерзлыя вѣтки хрустятъ въ вышинѣ. Стая крикливыхъ воронъ пролетитъ черной тучей и каркать тоскливо начнетъ, по деревьямъ разсѣвшись... И снова ни звука.

Караульный щеколдою звякнулъ въ сторожкѣ. Вотъ онъ въ шубѣ овчинной обходитъ дозоромъ кладбище, съ нимъ вѣрный, косматый Буянъ. Махая пушистымъ хвостомъ, онъ бѣжитъ по дорожкѣ, вязнетъ въ снѣгу и весело лаетъ, пугая воронъ.

А въ сторожкѣ ужь вьется дымокъ изъ трубы, голубою спиралью онъ тянется къ блѣдному, зимнему небу и манитъ подъ крышу, къ теплу...

Только тѣмъ нѣтъ тепла, кто покончилъ ужь съ жизнью разсчеты. Стужей охвачены кости, лежащія въ мерзлой землѣ, и трупы недавно умершихъ, какъ снѣжныя глыбы, недвижно покоятся въ тѣсныхъ гробахъ.

V

Такъ проходили года, вереницей, одни за другими. Люди — одни умирали, другіе рождались на смѣну, и жизни земной колесо все вертѣлось, вертѣлось, однихъ поднимая наверхъ, другихъ низвергая. Развивались науки, искусство, шли войны, болѣзни и голодъ, и всюду всегда человѣкъ придушалъ человѣка, а его придушала земля...

И вновь наступила весна. Въ прозрачныхъ покровахъ, какъ юная дѣва, разсыпавъ повсюду цвѣты и новую жизнь возбуждая въ природѣ, примчалась она издалече. Теплымъ вѣтромъ повѣяло съ юга, снѣгъ растаялъ, ручьи побѣжали по склонамъ овраговъ. Солнце привѣтно свѣтило на землю, цѣлуя ее и лаская въ объятіяхъ жгучихъ. И нѣжилась въ ласкахъ она... Подъ весеннимъ дождемъ выростала трава, распускались смолистыя почки, и на гибкихъ, зеленыхъ вѣтвяхъ зашумѣла листва молодая, словно куда-то маня, гдѣ приволье и счастье...

Все оживало вокругъ. Ожило также кладбище. Сбросивъ зимній, суровый покровъ, въ новомъ видѣ явилось оно. Испестрились могилы цвѣтами, по кустамъ хоры птицъ раздались. По размокшимъ дорожкамъ задвигались люди. Бѣгали дѣти, играя, рѣзвясь, и лепетъ невинныхъ рѣчей и звонкій, веселый ихъ смѣхъ оглашали кладбище. Гдѣ-то камень тесали рабочіе, мѣрно стуча молотками.

Въ эту пору могильщики въ разныхъ мѣстахъ, щупъ опуская глубоко, узнавали, гдѣ сгнили гробы, и нельзя-ли на старыхъ мѣстахъ новыхъ жильцовъ поселить...

Подошли и къ могилѣ маіора. Видятъ — нѣтъ ужь могилы, сравнялась съ землею и густо травой заросла, бѣлаго камня валяются только осколки, покрытые мохомъ зеленымъ.

Щупъ опустили; свободно вонзился онъ въ землю, не встрѣтивъ препятствій. Значитъ ни гроба, ни славныхъ останковъ маіора тамъ не было вовсе. И, мѣсто отмѣтивъ, могильщики дальше пошли...

VI

На утро кортежъ приближался къ кладбищу. Издали бѣлыя перья надъ черной толпой колыхались. Золотой балдахинъ весь на солнцѣ горѣлъ, и вѣнки изъ камелій, тюльпановъ и розъ ароматомъ своимъ заглушали зловоніе тѣла, лежавшаго въ гробѣ. Въ черномъ платьѣ вдова шла за гробомъ, ведомая подъ руки сыномъ, а сзади въ цилиндрахъ мужчины и въ креповыхъ шляпахъ шли дамы.

Колоколъ звучно ударилъ, колесница подъѣхала къ церкви,— друзья и знакомые гробъ парчевой на рукахъ понесли.

Послѣ обряда, тѣсной толпою, гробъ на рукахъ отнесли на кладбище. Могильщики тутъ ужь стояли... Гробъ опустили въ могилу, сверху вѣнки побросали отъ обществъ различныхъ, и только-что люди взялись за лопаты, какъ нѣкто, весь въ черномъ и въ черныхъ перчаткахъ надъ ямою сталъ, взглядомъ обвелъ предстоявшихъ и громко воскликнулъ:

«Сегодня хоронимъ мы здѣсь человѣка, который полезную жизнь посвятилъ одному лишь искусству. Артистъ по рожденью, онъ сталъ первоклассным художникомъ нашимъ. Реальнымъ ролей исполненьемъ онъ въ образахъ жизнь воплощалъ, создавая безсмертные типы! Бывало немало подобныхъ ему, но всѣ ужь въ могилахъ—титановъ смѣнили пигмеи! Плачь, муза!»

Махнувши рукою къ могилѣ, ораторъ съ подмостковъ сошелъ, а на мѣсто его ужь піита взобрался и голосомъ звонкимъ, дрожа отъ волненья, стихи сталъ читать.

За этимъ поднялся другой... Надгробныя рѣчи, какъ волны рѣки, катились одна за другою. Ихъ было такъ много, такъ долго онѣ продолжались, что даже могильщики, стоя безмолвно, устали. Устала и публика также, и много нашлось недовольныхъ рѣчами, особенно той, гдѣ ораторъ неловко коснулся «пигмеевъ».

Закончились рѣчи... Схватившись скорѣй за лопаты, могильщики быстро закапывать стали могилу, какъ будто боясь, чтобъ

покойникъ, отъ вѣчнаго сна пробужденный, какой-нибудь рѣчи еще не услышалъ...

VII

Покойникъ рѣчей не слыхалъ, хоть раньше все слышалъ и чувствовалъ все всѣ три дня. Съ момента, какъ сдѣлалось дурно ему, и сердце движенья свои прекратило,--всѣ чувства слегка притупились...

И слышалъ онъ вопли жены, суету, бѣготню всей прислуги,— какъ будто то было не тамъ, гдѣ лежалъ онъ, а въ комнатѣ рядомъ, за дверью, и будто невидимой силой какою,—совсѣмъ не касавшейся тѣла,—его отнесло на кровать.

Явились какіе-то люди, какихъ онъ забылъ иль не помнилъ, и плакали вмѣстѣ съ женою надъ трупомъ его. Явился и докторъ, и мертвый услышалъ, какъ съ плачемъ жена умоляла: «спасите, спасите!»

— Напрасно! отвѣтилъ ей докторъ, — медицина безсильна: онъ умеръ!

«Какъ умеръ?» подумалъ вдругъ мертвый. Такъ вотъ оно то, чего всѣ боятся! А можетъ-быть то летаргія, — и докторъ ошибся? Но нѣтъ, это смерть! Леденящей рукою всю внутренность сжала она, прекратила дыханье, — въ мозгу же какъ-будто милльонъ пауковъ, снуя по извилинамъ быстро, холодными лапками ткутъ паутину... Да, это смерть! Онъ думалъ, что страхъ сожметъ ему сердце, но не было страха — и сердце, простой механизмъ безъ пружины, корабль безъ руля,—недвижно осталось. Онъ чувствовалъ только покой, глубокій и долгій покой, какого всю жизнь не испытывалъ раньше... Все замерло въ немъ, все работу свою прекратило,—служилъ ему слухъ лишь одинъ, да и тотъ неисправно...

Охапку соломы какіе-то люди внесли, и тѣло на этой соломѣ обмыли... Потомъ пріодѣли его и на столъ положили, въ изголовье поставивши свѣчи... Кто-то читать сталъ надъ нимъ, и такъ медленно, хрипло, басисто... Колеблемы пламенемъ, свѣчи

горѣли треща, и на стекла розетокъ падали воска кусочки со звономъ...

Вотъ опять стукотня... Гробъ принесли, духовенство явилось, началось панихидное пѣнье... Скорбной молитвы слова и рыданья жены да дѣтей чуть касаются слуха... Цѣпочки бренчатъ у кадильницъ... все глуше и глуше... и вновь тишина...

И опять тихіе звуки паденія воска кусочковъ и хриплое чтеніе. А тамъ: шумъ колесъ, бренчанье кадилъ, пѣвчихъ церковныхъ хоръ смутный и вновь ничего—ни рѣчей, ни того, какъ могильщики гробъ опускали.

Словно пушечный выстрѣлъ, объ крышку ударилась глыба земли и скатилась. А вотъ и другая, еще и еще, но наглухо гробъ завалился землею, и разомъ исчезли всѣ звуки...

Покой и забвенье... Но нѣтъ, несовсѣмъ... Тонкая, тонкая нотка звенитъ еще въ ухѣ, звенитъ продолжительно, смутно, словно вѣка за вѣками прошли, на землѣ все исчезло живое, и міръ бездыханный планетою темной и мерзлой блуждаетъ въ пространствѣ, а нотка все такъ-же звенитъ...

Внѣшняго-ль міра то отзвукъ, чудесно связующій мертвыхъ съ живыми, — память о жизни былой, — или просто сгущеніе крови, остывшей въ сосудахъ?

VIII

И нотка звенящая вдругъ порвалась, и холодъ могилы объялъ погребенное тѣло... Загробный, таинственный міръ! Тамъ тѣни, подобно болотнымъ огнямъ, скользятъ, исчезая во мракѣ; тамъ рѣки безъ русла, озера безъ дна, и свѣтятся звѣзды въ оврагахъ глубокихъ кровавымъ, мерцающимъ свѣтомъ...

Но странные звуки, какъ шопотъ далекій, послышались вдругъ подъ землей изъ-подъ гроба артиста:

— Кто, дерзкій, покой мой тревожить явился? Кто ты, что̀ посмѣлъ на то мѣсто улечься, гдѣ нѣкогда прахъ мой лежалъ?

И новый жилецъ тѣмъ-же шопотомъ страннымъ, похожимъ на шопотъ листвы, отвѣчаетъ:

— А ты кто?

— Я воина черепъ, героя! Сто лѣтъ ужь минуло, какъ прахъ мой въ мундирѣ, съ почетомъ былъ преданъ землѣ. Изъ бѣлаго мрамора памятникъ пышный поставленъ былъ мнѣ здѣсь вдовою! А ты кто, отвѣтствуй!

И шопотомъ тихимъ артистъ отвѣчаетъ:

— Я былъ человѣкомъ, — теперь я покойникъ, иль трупъ, иль ничто—какъ угодно.

— Какого же званія былъ ты?

— Да всѣхъ понемножку! Я былъ королемъ и солдатомъ, хоть въ битвахъ на сценѣ сражался,—я былъ пастухомъ и монахомъ,—ну, словомъ, былъ всѣмъ,—а нынѣ сталъ трупомъ!

— Ты шутишь нахально! Когда-бы меня прикрывала земная еще оболочка да шпага была бъ при боку,—о, я бъ показалъ тебѣ, дерзкій!

— Напрасно, сосѣдъ! не сердись! Шутить я съ тобой не намѣренъ, да шуткамъ, повѣрь, здѣсь не мѣсто! Прости, что явился въ могилу чужую, — случилось же это невольно. Ахъ, еслибы могъ приказать мой безмолвный языкъ и недвижныя ноги ходили!..

— Тебя положили?

— Какъ всѣхъ насъ, надѣюсь.

— Зарыли?

— Глубоко, конечно!

— Забыли?

— Почти-что!

— Скажи же скорѣе: какого ты званья, иль чина, иль рода?

— Я званьемъ—актеръ!

— Актеръ ты? Что̀ слышу, о ужасъ! Актеръ!.. Лицедѣй, скоморохъ!.. Актера ко мнѣ положили! Того, кто ликъ божій всю жизнь извращалъ, потѣшая, кривляясь!..

И черепъ маіора, лежавшій подъ гробомъ артиста безъ челюсти нижней, въ уголъ далекій стуча откатился. По прихоти странной судьбы, въ одномъ углубленіи глаза, въ немъ пряжка

стальная свѣтилась. И страшенъ былъ отблескъ той пряжки въ истлѣвшихъ костяхъ человѣка...

— Зачѣмъ, негодуешь? Твой гнѣвъ безпричиненъ! спокойно отвѣтилъ артистъ. — Мы были людьми, а я знаю, что въ свѣтѣ всѣ люди актеры, всѣ роли играютъ, стараясь быть чѣмъ-то. Иной по разсчету, иной отъ тщеславья, и всѣ ходятъ въ маскахъ, и всѣ лицемѣрятъ.

— Но ты-то зачѣмъ здѣсь? Вѣдь васъ зарывали всегда за оградой?

— Прошло ужь то время, и званье актера теперь не позорно. А тѣхъ, кто при жизни былъ славенъ, хоронятъ съ почетомъ!..

— Съ почетомъ? Какъ насъ, какъ героевъ? Но гдѣ же тогда справедливость?! Я въ битвахъ израненъ, я кровь проливалъ отражая враговъ, на смерть, какъ на пиръ мы летѣли... Побѣдами родину мы вознесли и славой знамена покрыли!.. А ты кто?..

— Искусства служитель. Въ сравненьи съ тобою я скроменъ, то правда, но родины вѣрный слуга. Касаясь рукою общественныхъ язвъ, я показывалъ людямъ все зло, всѣ недуги ихъ ближнихъ. Я смѣялся, — но смѣхъ мой былъ страшенъ, — онъ позорилъ глупца и клеймилъ негодяя!.. И шутя и смѣясь, забавляя людей, исправлялъ я ихъ дикіе нравы, и шутя и смѣясь, научалъ ихъ добру, справедливости, разуму, чести! Но, навѣки затихшее сердце мое также ранами было покрыто, — эти раны больнѣй, тяжелѣе другихъ!.. Сколько зависти, горя, обидъ и вражды встрѣтилъ я въ своей жизни артиста. На подмостки съ улыбкою я выходилъ, а въ груди поднимались рыданья. Ежечасно во мнѣ каждый нервъ трепеталъ, преждевременно силы сгорали... Что̀ восторги толпы, что̀ мнѣ слава моя, почитателей льстивыя фразы! Я бъ все отдалъ тогда, чтобъ вернулись ко мнѣ моя молодость, сила здоровье, чтобъ вернулось мнѣ счастье простое мое, что когда-то мнѣ такъ улыбалось... Поздно, по̀здно!.. Я умеръ! Довольно! Ничто оболочкѣ ничтожной не нужно. Ни

вѣнковъ, ни похвалъ, ни восторговъ толпы—ничего, ничего мнѣ не нужно! На могилѣ моей ставятъ пусть мавзолей, пусть вѣнками его украшаютъ... Все возьметъ свое время,—безпощадный, прожорливый звѣрь; въ глубь вѣковъ все умчится далеко. Непогоды сотрутъ мое имя съ плиты, а плиту эту вѣтеръ повалитъ. Это мѣсто высокой травой заростетъ, и на немъ похоронятъ другого... Можетъ-быть это будетъ безсовѣстный плутъ, поджигатель, растлитель, убійца? Что жь изъ этого? Пусть! Онъ и я — всѣ лежащіе здѣсь, мы равны одной участью общей!..

Такъ закончилъ актеръ свою рѣчь и замолкъ. Замолчалъ также черепъ героя безъ челюсти нижней, только впадиной глаза, гдѣ пряжка стальная лежала,—зловѣще сверкалъ.

А время летѣло обычнымъ порядкомъ... За весною шло лѣто, осень смѣнялась зимою... Тѣло артиста разрушалось и тлѣло, въ черепѣ пряжка стальная, проржавѣвъ, сверкать перестала...

IX

Но міръ оставался все тѣмъ-же. Планеты, въ воздушныхъ теченьяхъ обычный свой кругъ совершали, и въ хорѣ планетъ, окруженная звѣздъ караваномъ, вертѣлась земля...

И весенняя ночь, благодатная ночь разливала вокругъ ароматы. Легкій паръ поднимался съ уснувшей земли и, подобно воздушнымъ видѣньямъ, пролетая поля и овраги подъ лучистымъ сіяньемъ луны, все къ небу, все къ звѣздному небу стремился. Словно скончавшихся души то были, искавшія въ небѣ забвенья.. Затихшаго моря зеленыя волны, шепча непонятныя рѣчи, съ прибрежнымъ пескомъ лобызались... Въ лѣнивой истомѣ дремали сады, озаренные мѣсяца кроткимъ сіяньемъ, прозрачныя капли росы роняя съ деревьевъ кудрявыхъ. Въ нѣгѣ раскрывъ лепестки, ароматы вокругъ распуская, дремали любовницы-розы подъ дивныя трели любовниковъ ихъ — соловьевъ. Чудныя тайны въ природѣ свершались: зерно раскрывалось въ землѣ, злакъ выходилъ на поверхность,—коконъ раскрывался,

и то, что̀ въ немъ было личинкою мертвой, недвижной, являлось вдругъ бабочкой рѣзвой! И къ жизни, и къ счастью взывала земля со всѣмъ, что̀ на ней находилось. Молчалъ въ человѣкѣ скептическій умъ. а сердце, какъ птица на волю, стремилось къ познанію счастья, любви и покоя, къ познанью Того, Кто невидимо жилъ въ человѣкѣ, червѣ и былинкѣ!..

К. Баранцевичъ.

БАЙРОНЪ

Тебя, рожденнаго съ великою душой,
Возненавидѣли пигмеи.
Ты мстилъ презрѣніемъ; но громче и смѣлѣе
Они глумились надъ тобой.
Тогда ты разорвалъ, какъ левъ, свои тенета,
Бѣжалъ и проклялъ душный свѣтъ,
Не вытерпѣвъ безсмысленнаго гнета
И черной завистью отравленныхъ клеветъ...

Шумитъ въ снастяхъ дыханье аквилона,
И гордый, и нѣмой, слѣдишь ты съ корабля,
Какъ исчезаетъ тамъ, за краемъ небосклона,
Земля, родимая земля.
И ты одинъ теперь, какъ чайка на просторѣ,
Одинъ надъ бездной роковой,
Привѣтствуя свободною душой
Непобѣдимое, бунтующее море.

Но тщетно ты бѣжалъ: въ торжественной тиши
Природы вѣчный сонъ холодный и прекрасный
Не утолитъ твоей измученной души,
Не убаюкаетъ твоей печали страстной.
Вездѣ печаль, вездѣ: въ молчаніи лѣсовъ,
Въ тѣни сожженныхъ скалъ, на изумрудной влагѣ
И въ блѣдномъ мраморѣ поверженныхъ столповъ
На голубомъ Архипелагѣ.
Забвенья тщетно ты искалъ
То въ оргіяхъ за трапезою шумной,
То въ уличной толпѣ, когда гремѣлъ безумно
Венеціанскій карнавалъ.
И даже тамъ—увы!— въ таинственной гондолѣ,
Надъ гладью дремлющей серебряныхъ лагунъ,
Напрасно ты мечталъ подъ рокотъ нѣжныхъ струнъ
Забыться на груди прелестной Гвичіоли...

. . . .

Но изъ враговъ твоихъ, что̀ не могли простить
И мучили пѣвца и распинали,
Никто, никто не зналъ, какъ жаждалъ ты любить,
Пока уста твои безумно проклинали.
И падшимъ ангеломъ ты жилъ въ толпѣ людей.
Изъ тѣхъ, кто слышалъ крикъ и вопли, и угрозы
Души тоскующей твоей,
Видалъ-ли кто-нибудь во мглѣ нѣмыхъ ночей
Твои безмолвныя, непонятыя слёзы?
Ты жаждалъ и не зналъ, кому любовь отдать,
На что̀ истратить жизнь и силы
Кого къ измученной груди своей прижать.
Съ избыткомъ нѣжности отвергнутый, унылый
И неразгаданный, ты по́ міру блуждалъ
И вѣчно былъ гонимъ, и вѣчно проклиналъ,
И примиренія не зналъ ты до могилы...

. . . .

Январь 1888

Д. Мережковскій.

ПОДЪ ОБВАЛОМЪ

РАЗСКАЗЪ

Я вовсе не охотникъ по профессіи, даже не охотникъ-любитель. Къ тому-же я и съ ружьемъ-то какъ слѣдуетъ обращаться не умѣю, и, право, мистеръ Винкель, незабвенный другъ мистера Пикквика, стрѣлялъ много смѣлѣе и удачнѣе, чѣмъ вашъ покорный слуга. Тѣмъ не менѣе, 9-го мая 1883 года я нацѣпилъ на себя патронташъ, взялъ старую отцовскую двустволку тульскаго издѣлія, фунтовъ 10 дроби и фунта 2 пороху и отважно пустился на охоту. Сопутствовали мнѣ: 18-лѣтній парень Петрушка, подпасокъ скотаря, наглядѣвшій лисью нору съ 6-ю молодыми лисицами, и длинноногій молодой прикащикъ Даниловъ.

Петрушка вооружился простой желѣзной лопаткой и *кійкомъ* (малороссійское названіе палки съ толстымъ нижнимъ концомъ), а Даниловъ, съ одностволкой за плечами въ своей коротенькой венгеркѣ и длинныхъ охотничьихъ сапогахъ, самъ походилъ на какое-то замысловатое древнее оружіе. Съ такими силами я ничего не боялся, но «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ...

Ярко сіяло въ небѣ майское солнце, весело чирикали воробьи, прыгая по плетнямъ моей родной деревни; нѣжно журчалъ Днѣпръ между зелеными берегами, и томно свистала иволга

на одномъ изъ большихъ днѣпровскихъ острововъ, капризно выступавшемъ изъ-за деревенскихъ избъ и клѣтушекъ. Все было полно жизни, мира и покоя. Самыя скалы днѣпровскія, тамъ и сямъ сѣрѣя на невозмутимой зеркальной поверхности Днѣпра, казалось, жили и, затая дыханіе, прислушивались къ говору водъ. Небо было безоблачно и—синее, ясное, глубокое — манило куда-то далеко-далеко... Въ воздухѣ пахло вешней зеленью, медомъ, цвѣтами и вѣяло зноемъ... Я замиралъ отъ блаженства... Но охота—охота! Эхъ, будь я одинъ, съ какимъ бы удовольствіемъ повалился я теперь на траву вонъ подъ тѣмъ высокимъ густолистымъ дубомъ и лежалъ бы тамъ и молча слушалъ бы и шумъ Днѣпра, и свистъ иволги, и болтовню докучныхъ воробьевъ! Но я не одинъ, къ несчастію, а мое вооруженіе меня обязываетъ... Нечего дѣлать, взявшись за гужъ, не говори, что недюжъ... И вотъ мы всѣ трое, я, Петрушка и Даниловъ, сопя и пыхтя, лѣземъ съ горы на гору, то спускаемся въ глубокій вешній оврагъ, то поднимаемся на крутую горную скалу, то пробираемся колючимъ терновикомъ по дну оврага—все устремляясь на злосчастныхъ лисенятъ, которыхъ наглядѣлъ Петрушка... Наконецъ, препятствія побѣждены, и мы, отирая крупный потъ съ лица, очутились у цѣли... Только тутъ, осмотрѣвшись и нѣсколько придя въ себя отъ усталости, мы замѣтили, что вожделѣнные лисенята были вовсе не такъ близко отъ деревни, какъ сообщалъ Петрушка. По его словамъ, выходило такъ, что, какъ выйти изъ дому, да пройти деревню, да перейти дубовую балку, что̀ за деревней, да спуститься въ оврагъ песчаный, что̀ за дубовой, то такъ тебѣ тутъ сейчасъ и будутъ лисенята, счетомъ 6, съ остренькими ушками и мордочками, да такія *занимательныя*, что когда пустишь въ нихъ камешкомъ, то они лаютъ, точно собачонки... Между тѣмъ оказалось, что оврагъ песчаный отстоитъ по крайней мѣрѣ версты на три отъ деревни, да почти столько-же верстъ тянется отъ Днѣпра въ степь, причемъ дорога идетъ глубокимъ, рыхлымъ пескомъ, раскалившимся, какъ желѣзная плита, отъ огненныхъ лучей майскаго солнца. Благодаря всему этому, я, усталый, изнеможенный, еще не дойдя до самой

цѣли, бросился на песокъ на краю оврага и весь утонулъ въ страстномъ желанiи «забыться и заснуть»... какъ вдругъ раздался торжествующiй шопотъ Петрушки: «лисенята, лисенята!»—затѣмъ послышались прыжки длиннаго Данилова. Я вскочилъ и со всѣхъ ногъ пустился за ними, поднявъ на всякiй случай курки своей двустволки...

На этотъ разъ Петрушка не солгалъ. Лисенята были дѣйствительно близко. Едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по краю оврага, какъ на противоположной сторонѣ его показалась небольшая черная нора, а въ ней ясно виднѣлось нѣсколько остроносыхъ желтенькихъ звѣрьковъ, которые съ любопытствомъ высовывали впередъ свои черныя мордочки и по временамъ то взвизгивали, то лаяли, совершенно какъ щенки... Я поднялъ ружье и сталъ цѣлиться... Но любопытствовавшiя мордочки смотрѣли на меня такъ мило и наивно, что мнѣ стало ихъ жаль, и я не выстрѣлилъ... Мнѣ захотѣлось взять этихъ звѣрьковъ живьемъ.

Я велѣлъ Петрушкѣ и Данилову насбирать въ нору хворосту и затѣмъ поджечь его; самъ же усѣлся на краю оврага противъ норы и закурилъ папиросу. Пока я курилъ, звѣрьки нѣсколько разъ показывались въ отверстiи норы и затѣмъ трусливо прятались во глубинѣ ея. Любопытство ихъ, очевидно, было возбуждено до послѣдней степени.

Между тѣмъ Петръ и Даниловъ сдѣлали все, что я имъ велѣлъ, но, къ удивленiю моему, дымъ поднялся къ небу, обходя нору, такъ что выгнать изъ норы лисенятъ дымомъ, какъ я надѣялся, оказалось невозможнымъ. Стало очевиднымъ, что у этой лисьей норы, противъ обыкновенiя, былъ лишь одинъ выходъ. Тогда, желая какъ-нибудь исправить свою оплошность, я велѣлъ раскапывать нору. Для этого-то собственно предусмотрительный Петрушка и захватилъ съ собой желѣзную лопатку. Быстро пошла работа. Песчаный грунтъ земли въ оврагѣ легко поддавался усилiямъ Петрушки. Когда же Петрушка усталъ, на смѣну ему поспѣшилъ Даниловъ. Но... новая непредвидѣнность! Сводъ вырытой ямы вдругъ заколебался. Такъ по крайней мѣрѣ показалось Данилову. Онъ струсилъ и пересталъ копать. Тогда

снова полѣзъ въ яму храбрый Петрушка, но сводъ уже глубоко вырытой ямы какъ будто вновь заколебался... Струсилъ и храбрый Петрушка и, отирая съ лица потъ, рѣшительно объявилъ, что «чортъ съ нимъ и съ лисенятами, чего добраго еще задавитъ!..» Но разстаться такъ легко съ лисенятами, которыхъ я имѣлъ случай убить и не убилъ, мнѣ не хотѣлось. Къ тому же мнѣ какъ-то не вѣрилось, что сводъ ямы точно колебался... Такой толстый, массивный сводъ и вдругъ... возможно ли? Я снялъ съ себя всѣ свои бранные доспѣхи, взялъ брошенную Петрушкой лопату и самъ полѣзъ въ яму. Яма была уже настолько глубока и просторна, что я спокойно могъ стать во весь свой ростъ, все еще не доставая головою свода. Тогда, прислонясь спиной къ задней стѣнкѣ ея, я расположился продолжать раскопку, поджавъ подъ себя ноги, какъ турки, когда они курятъ свои длинныя трубки, и вдругъ съ краевъ свода посыпалось нѣсколько комковъ песку...

— Вотъ-те и на! вскричалъ я, какъ школьникъ, и невозмутимо сталъ ударять лопатой въ ту стѣну ямы, гдѣ была нора. Но отвалился снова одинъ, большой уже, комокъ песку, и затѣмъ прежде, чѣмъ я успѣлъ крикнуть, весь верхъ ямы обрушился и всею своею тяжестью придавилъ меня. Напрасно силился я пошевелить руками или ногами, напрасно старался приподнять холодную глыбу разсыпчатаго песку своей спиной и плечами—всѣ члены мои оказались какъ-бы залитыми крѣпкимъ свинцомъ, и холодный потъ выступилъ у меня на лбу. Невольный крикъ ужаса вырвался тогда изъ моей задыхавшейся груди. Но крикъ этотъ, казалось, никто не слыхалъ. Глухая тишина окружала меня. Здѣсь только я ясно понялъ и живо, всѣмъ существомъ своимъ прочувствовалъ выраженіе «могильная тишина». Это была ужасная мертвящая тишина, въ которой напрасно старались бы вы уловить хоть единый звукъ жизни... Громко звалъ я моихъ спутниковъ и молилъ и заклиналъ ихъ; но собственный мой голосъ звучалъ мнѣ какъ-то дико и глухо, точно шелъ онъ откуда-то извнѣ, а отнюдь не изъ собственной моей груди... И вдругъ мнѣ показалось, что, въ ужасѣ, Петрушка и Даниловъ бѣжали отъ меня и оставили меня одного, безсильнаго и безпомощнаго. Это

сознаніе своего безсилія и своей безпомощности въ борьбѣ съ землей было особенно жгуче и давило меня едва-ли не сильнѣе самой земли. А глыба обвала между тѣмъ становилась все тяжелѣе и тяжелѣе, а песокъ набивался мнѣ въ носъ, въ ротъ, въ глаза, въ уши, и ничѣмъ, никакъ, ни единымъ движеніемъ не могъ я отстранить отъ себя этотъ песокъ, который мѣшалъ мнѣ видѣть, слышать, дышать... Воздуху! воздуху!.. Но его уже не было. Я чувствовалъ, что начинаю задыхаться. Холодный потъ еще обильнѣе оросилъ мой лобъ, въ глазахъ зарябило, потомъ появились какіе-то красные и желтые круги (это кровь стала приливать въ голову), и вдругъ ознобъ смѣнился жаромъ—и чувство нѣги, покоя, тепла охватило меня. Я пересталъ кричать и, точно въ сладкомъ полуснѣ, унесся въ свое прошлое, и сквозь картины моего далекаго прошлаго вдругъ улыбнулось мнѣ прошлое близкое, вчера, сегодня, и жаль мнѣ стало чего-то, мной уже начатаго, но еще не оконченнаго; затѣмъ еще пошли картины, но уже одна безсвязнѣе другой, какая-то темная ночь, потомъ пожаръ, потомъ рѣка... Потомъ я вспомнилъ вдругъ о ружьѣ и патронташѣ... не затерялись бы еще! Потомъ точно какой-то густой туманъ спустился надо мною, и я потерялъ сознаніе...

Пришедши въ себя, я прежде всего почувствовалъ, что чьи-то грубыя и дюжія руки сжимаютъ мою руку и тащатъ меня куда-то по землѣ, точно трупъ. Я невольно вскрикнулъ:

— Что̀ вы? куда вы меня тащите?..

Но крикъ мой былъ, вѣроятно, очень слабъ. Тащившіе не слыхали его и продолжали волочить меня далѣе. Тогда я, ударяясь головою о кочковатую землю, крикнулъ изо всей мочи:

— Стой, мнѣ больно!

И человѣкъ, тащившій меня по землѣ, вмигъ остановился. Блѣдность покрывала лицо его. Онъ, казалось, не вѣрилъ ушамъ своимъ. Очевидно, онъ считалъ меня уже мертвымъ, и теперь не безъ ужаса смотрѣлъ на воскресшаго мертвеца. Я въ свою очередь недоумѣвалъ. Гдѣ Даниловъ, гдѣ Петрушка и кто *этотъ?* Но, какъ оказалось впослѣдствіи, и Даниловъ, и Петрушка сдѣ-

лали для моего спасенія все, что могли и должны были сдѣлать: Даниловъ, не надѣясь собственными силами спасти меня, снялъ свои сапоги и босикомъ *(для легкости*, какъ объяснилъ онъ впослѣдствіи) побѣжалъ заявить о несчастіи со мною въ деревню крестьянамъ, чтобы тѣ поспѣшили ко мнѣ на выручку. А Петрушка, за неимѣніемъ лопатки, которая осталась въ моихъ рукахъ въ ямѣ, принялся откапывать меня первобытнымъ способомъ—руками. И пока пришли изъ деревни крестьяне, которые долго еще разсуждали, откапывать ли меня, или заявить о случившемся урядынику,—Петрушка докопался до моей головы, а затѣмъ и до плечъ. Такъ что подоспѣвшіе на выручку крестьяне уже легко докончили его работу, не затрудняясь выборомъ *конца*, съ котораго слѣдовало начать раскопку. Даниловъ же, давъ знать о случаѣ со мной въ деревнѣ, побѣжалъ въ мою усадьбу за лошадьми и экипажемъ: онъ былъ убѣжденъ, что не застанетъ уже меня въ живыхъ... Къ счастію, я отдѣлался довольно дешево. Только дней пять послѣ этого у меня и болѣло и ныло все тѣло, особенно же ноги въ колѣнкахъ (въ ямѣ я сидѣлъ на корточкахъ, уткнувшись головою межь колѣнъ), но муравьиный спиртъ и молодость взяли свое, и вскорѣ я былъ уже «какъ ни въ чемъ не бывало». Тѣмъ неменѣе воспоминаніе о днѣ 9-го мая 1883 г. и до сихъ поръ еще вызываетъ холодный потъ на лицѣ моемъ. Я пережилъ въ этотъ день весь ужасъ заживо-похороненнаго, и не забыть мнѣ его вовѣки...

— Что же лисенята? спросите вы,—живы ли они, или погибли подъ обваломъ?

Богъ ихъ вѣдаетъ! Послѣ моего приключенія, я не могъ даже говорить о нихъ равнодушно.

А. Алѣевъ.

ЛИРА ОРФЕЯ

Изъ Л. Аккерманъ

Когда, вакханками сраженный, палъ Орфей,
Его могучая, чарующая лира
По Гебрѣ поплыла безпомощно и сиро:
Казалось, гордая добычею своей,
Рѣка несла ее ревнивыми волнами,—
А легкій вѣтерокъ къ ней бережно слеталъ
И, струны шевеля влюбленными крылами,
Волшебной музыкой окрестность оглашалъ.
На всемъ ея пути угрюмую природу
Внезапно одѣвалъ сверкающій уборъ
Цвѣтовъ и зелени—и скорбный край съ тѣхъ поръ
Одну весну лишь зналъ, забывъ про непогоду.

Былыя времена! Ты жь, лира нашихъ дней,
И вѣтру, и волнѣ, и скаламъ безъ отвѣта
Призывъ горячій шлешь—и даже у людей
Не вызовешь въ сердцахъ желаннаго расцвѣта!

В. С. Лихачовъ.

* * *

Обрядъ печальный похоронъ
Свершался въ церкви многолюдной.
Въ грубу лежалъ онъ, жизни трудной
Порвавши нить. Блѣдна, какъ онъ,
Надъ мертвецомъ полуживая
Застыла въ траурѣ вдова:
Безъ слезъ, безъ словъ, беэъ думъ, едва
Свои страданья сознавая,
Она видала предъ собой
Лишь эти сомкнутыя вѣки,
Уста, закрытыя навѣки,
Запечатлѣнныя судьбой.

И я завидовалъ безмѣрно
Тому, кто въ гробѣ почивалъ.
Я бъ лучше такъ уснуть желалъ,
Оплаканный любовью вѣрной,
Чѣмъ жить, измѣны выпивъ ядъ,
Чужое счастье проклиная,
Боясь въ былое кинуть взглядъ
И лишь былое вспоминая...

Н. Минскій.

ВЪ НОЧЛЕЖНОМЪ ДОМѢ

СЦЕНКА

Ночлежный домъ. Большая комната освѣщена двумя свѣсившимися съ потолка, тускло-горящими керосиновыми лампами. Хоть и топится для очищенія воздуха большая чугунка, но воздухъ спертый и удушливый. Пахнетъ прѣлью, тулупами, сапогами. Девять часовъ вечера. Съ деревянныхъ наръ въ два яруса торчатъ грязныя голыя ноги ночлежниковъ. Тяжелымъ сномъ спятъ бездомные бѣдняки, намучившіеся кто тяжелой поденной работой, кто безполезнымъ хожденіемъ по городу для отысканія работы. То тамъ, то сямъ слышны храпъ, присвистъ носомъ, бредъ... Есть и неспящіе. Вотъ двое сползли съ наръ, сняли съ себя намокшія подъ дождемъ рубахи и сушатъ ихъ около топящейся чугунки. Одинъ оперся локтемъ на нары и куритъ махорочную папиросу, свернутую изъ газетной бумаги; другой наклонилъ голову и вычесываетъ что-то гребнемъ изъ волосъ, стараясь, чтобы вычесанное не упало на него самого. Въ двухъ гнѣздахъ наръ, прилегающихъ къ стѣнкѣ, также не спятъ двое. Они ворочаются съ боку на бокъ и время отъ времени перекидываются словами. Одинъ изъ нихъ—рыжебородый, съ испитымъ лицомъ, укрывшійся рваной сярмягой; другой—черный усачъ, начинающій запускать бороду, которая густой, полусѣдой щетиной успѣла уже значительно запушить его подбородокъ. Рыжій то

и дѣло глухо кашляетъ. Вотъ онъ повернулся, легъ на брюхо и сказалъ усачу:

— Знобитъ... второй день знобитъ. То въ ознобъ, то въ жаръ... Да и какъ не знобить! на улицѣ такая погода, что ужасти, а у меня сапоги только-что слава, что сапоги, а армячишко—что рѣшето. Ужь хоть-бы разболѣться въ конецъ да въ больницу слечь. Все было бы спокойнѣе.

— Безъ работы? спросилъ его хриплымъ голосомъ усачъ.

— Четвертый день безъ работы маюсь.

— И я безъ работы. Располагалъ сегодня отъ гробовщика факельщикомъ передъ покойницкими дрогами пройтись, но не выгорѣло. Послѣднія три копейки сегодня за ночлегъ отдалъ.

— У меня хуже. Кабы не случай—ночуй гдѣ хочешь. Всего одна копейка была, но Богъ помогъ. Вдругъ нахожу на спускѣ на Фонтанкѣ сапожный опорокъ. Ну, маклаку за двѣ копейки его и продалъ.

— Ѣлъ-ли сегодня-то?

— Даве утромъ землякъ покормилъ малость, отвѣчалъ рыжій.— Въ дворникахъ онъ служилъ, подручнымъ, а сегодня подъ вечеръ въ деревню уѣхалъ. Кабы не былъ онъ уѣхавши, то я бы ужь гдѣ нибудь у него на ночлегъ приткнулся. Уѣхалъ—вотъ бѣда. Фу, какъ лихорадка трясти начала! прибавилъ онъ и, постукивая зубами, потянулъ себѣ на плечи армячишко, оголивъ ноги.

Усачъ сжалился надъ нимъ.

— На вотъ жилетку... прикрой ноги-то, сказалъ онъ, вынимая изъ-подъ изголовья свою жилетку.

— Чтò тутъ жилетка! Господь съ ней, съ жилеткой! Бери... спрячь... А то еще украдутъ ночью, когда усну. Ужь ежели лихорадка трясетъ, тутъ жилеткой не согрѣешься. У меня ужасъ, чтò такое! зубъ на зубъ не попаду.

— Ступай завтра въ больницу. Ты совсѣмъ боленъ.

— Нѣ... нельзя въ больницу, не возьмутъ. Тамъ только тогда берутъ, когда человѣкъ совсѣмъ свалится. А у меня доктора̀ и болѣзни не признаютъ. Былъ уже я вчера. Намъ, говорятъ, ежели такихъ брать, то куда-бы мы такихъ-то дѣвать

будемъ, которые на ногахъ не стоятъ! Вотъ покурить, баринъ, у тебя чего нѣтъ-ли? Затянешься табачкомъ, такъ какъ будто иной разъ и лучше. Словно отдастъ и въ сонъ клонить начнетъ.

— На, покури. Только всю папироску не кури, а оставь мнѣ половину. Всего только двѣ папироски и остались, а денегъ ни шиша.

— Спасибо. Вотъ за это, баринъ, спасибо! вотъ за это дай Богъ тебѣ здоровья.

Рыжій взялъ въ ротъ папироску и сталъ чиркать спичкой о нары.

— А ты почемъ знаешь, что я баринъ? спросилъ его усачъ.

— Да какъ-же... обликъ барскій, и ужь насъ не проведешь. Мы видимъ.

Усачъ глубоко вздохнулъ и отвѣчалъ:

— Да, братъ, когда-то на своихъ рысакахъ ѣздилъ, французскую мамзель при себѣ имѣлъ.

— Какъ же ты это, баринъ, изъ такой жизни?..

— Очень просто. Видалъ, какъ съ ледяной горы катятся? Вотъ и я также скатился. У меня и по-сейчасъ двоюродные братья здѣсь въ Петербургѣ домъ каменный имѣютъ.

— Ну?!. протянулъ рыжій.—Такъ что жь они тебя-то?..

— Каждому до себя, другъ милый. Такъ и я моимъ двоюроднымъ братьямъ. Да и просить я у нихъ не хочу.

— Офицеры они?

— Нѣтъ, чиновники. А вотъ я когда-то офицеромъ былъ. Давно уже это, а былъ.

— И надъ солдатами командовалъ?

— И солдатами командовалъ. Ну, да что объ этомъ!.. А ты бы вотъ завтра, ежели въ больницу не ляжешь, такъ сходилъ бы въ домъ моихъ братьевъ, да вызвалъ бы тамъ ихъ нянюшку-старушку и показалъ бы ей печатку махонькую, которую я тебѣ дамъ. Какъ-бы ты ей эту самую печатку показалъ и сказалъ, что, молъ, Николай Алексѣевичъ кланяется вамъ, нянюшка, и проситъ на хлѣбъ, то можетъ-быть она тебѣ два двугривенничка или полтинникъ и дала бы.

— Чтò жь, я съ удовольствіемъ... Отчего же для хорошаго человѣка не сходить.

— Ну, такъ вотъ и сходи. А печатку я тебѣ дамъ въ доказательство, что ты отъ меня пришелъ. Нянюшка знаетъ эту печатку. Понимаешь ты, самому мнѣ идти и вызывать нянюшку неловко, стыдно. Тамъ люди, прислуга у братьевъ, и всѣ меня знаютъ. А какъ я имъ покажусь въ эдакой мантильи!

Усачъ взялъ въ руку полу потерявшаго всякій цвѣтъ лѣтняго пальто-крылатки, которымъ онъ былъ прикрытъ, и потрясъ ее.

— Принесешь двугривенный — гривенникъ тебѣ, принесъ два—тоже пополамъ съ тобой подѣлимся. А что ты меня не надуешь и не утаишь полученное, не сбѣжишь—я тебѣ вѣрю, продолжалъ онъ.

— Господи Іисусе! Вмѣстѣ горе мыкаемъ, да еще надувать. Да вѣдь на мнѣ, я чай, кресть есть, сказалъ рыжій и перекрестился.

— Ну, то-то... Опять же и печатку у меня не потеряй, которую я тебѣ дамъ, потому-что печатка эта у меня завѣтная, наша дворянская, гербовая. Все спустилъ, а печатку берегу.

— Чтò ты, чтò ты! Пуще глаза беречь буду. Я ее въ мѣшечекъ, да на шею... Вотъ у меня въ мѣшечкѣ на шеѣ и паспортъ схороненъ, такъ туда и спрячу. Ну, а отчего же ты, баринъ, братьямъ-то поклониться не хочешь?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... О братьяхъ и не говори! Братья безъ сердца. А вотъ ты нянюшку... Нянюшка—добрая душа. Она меня еще мальчикомъ знала и любила. Да, мальчикомъ... Кадетомъ помнитъ. Ты думаешь, я старъ? Я вѣдь не старъ, хоть и сѣдъ. А сѣдъ я оттого, что укатали сивку крутыя горки. Ты думаешь, мнѣ сколько лѣтъ?

— Да лѣтъ подъ пятьдесятъ будетъ?

— И сорока нѣтъ. Да вотъ еще чтò... Какъ придешь къ братьямъ въ домъ и будешь вызывать нянюшку черезъ лакеевъ, а лакеи если будутъ что-нибудь разспрашивать, то не говори имъ ничего обо мнѣ, какъ будто ты со мной и не встрѣчался.

— Ни словомъ не обмолвлюсь, ежели ты не велишь, отвѣчалъ рыжій.

— Ну, довольно. Давай спать. Сонъ ужь меня начинаетъ клонить. Назябся я за день-то, а тутъ все-таки пригрѣло. Завтра проснемся, такъ я тебѣ и печатку дамъ, и адресъ братьевъ скажу. Покойной ночи. Спи, сказалъ усачъ.

— Наврядъ усну, пока лихорадкѣ трясетъ, кряхтѣлъ рыжій.— Вотъ еслибы завтра раздобыться хоть гривенничкомъ, купить хрѣнку корешокъ, да поглодать его, а потомъ горяченькаго чайку попить, такъ можетъ-быть съ этого и полегчало бы. Хрѣнъ чудесно помогаетъ.

Оба умолкли. Усачъ началъ засыпать.

Н. Лейкинъ.

ПОБѢЖДЕННАЯ ПРИРОДА

Сонетъ

Пришла зима неслышною стопою,
И вслѣдъ за ней примчались непогоды:
Дрожитъ земля подъ стужей снѣговою,
Въ оковахъ льда застыли робко воды...

Сталъ бѣдный міръ огромною тюрьмою,
Лишенъ благой, живительной свободы;—
И людямъ грустно видѣть предъ собою
Гнетущій сонъ подавленной природы...

А все-жь морозъ могучій и суровый
Убить не въ силахъ сѣмя возрожденья:
Сорветъ апрѣль холодные покровы,

Лелѣя вѣчно пылкія стремленья,—
Въ вѣнцѣ лучей на подвиги готовый.
Онъ разобьетъ цѣпей мертвящихъ звенья!

С. Бердяевъ.

МОГИЛЬНЫЕ ЦВѢТЫ

ОЧЕРКЪ

Владѣлецъ двухъ смежныхъ селъ, Почвары и Андрейково, а также цѣлаго «ключа» имѣній при мѣстечкѣ Старгородокъ, графъ Богуцкій-Єтанецкій, и его гость полковникъ Цезарь Крукъ—мирно докуривали трубки изъ длинныхъ чубуковъ въ небольшой высокой комнатѣ, убранной тяжелыми гардинами и удобной, старинной мебелью,—собираясь разойтись отдохнуть послѣ обѣда. Расположившись другъ противъ друга за небольшимъ столомъ, склонные къ дремотѣ и молчанію, они только взглядами поддерживали между собою общеніе.

Графъ былъ сѣдъ и старъ. Его голова, съ зачесанными жидкими висками, слабо держалась на плечахъ. По его старческому лицу бродили какія-то пріятныя, беззаботныя мысли. Своей маленькой фигуркой, худой и дряблой, онъ представлялъ рѣзкую противоположность полковнику, затянутому въ глухой однобортный сюртукъ, съ большой стриженой головой и строгимъ профилемъ, застывшимъ въ классическомъ величіи.

Старики засидѣлись. Лучи солнца уже не проникали сюда, такъ какъ оно опустилось за темную зелень сада. Гдѣ-то, въ концѣ цѣлаго ряда комнатъ, пробили старинные часы, медленнымъ, ласкающимъ звономъ. Вслѣдъ затѣмъ высокій слуга, одѣ-

тый какъ служитель костела, съ булавой въ рукахъ, появился вдали.

Проходя мимо графа и его гостя, онъ глухо произнесъ:

— Часомъ, часомъ ближе къ смерти.

Полковникъ зналъ этотъ обычай дома и остался равнодушенъ. Графъ подумалъ: «мой часъ еще не наступилъ».

Странный глашатай прошелъ. Въ залѣ, за колоннами, онъ увидѣлъ графиню, которая въ тяжеломъ, черномъ платьѣ сидѣла возлѣ открытаго окна, за обычной работой.

— Часомъ, часомъ ближе къ смерти.— Впечатлительное сердце женщины чутко отозвалось...

Мѣсто, гдѣ сидѣла графиня Гонората, было ея самымъ любимымъ. Высокія деревья сада разступались и открывали роскошную даль полей и дорогу, по которой, въ облакѣ пыли, тянулись возы, а на самомъ горизонтѣ виднѣлось мѣстечко Старгородокъ, съ позолоченной главой костельной вышки. Все располагало къ мечтательности, а теперь, въ вечерній часъ, къ молитвѣ. Съ глубокимъ вздохомъ графиня вынула благоговѣйными руками изъ своей рабочей корзинки крупныя четки. Ея черные глаза засвѣтились огнемъ оживленія, сухое, строгое лицо, съ тонкимъ, римскимъ носомъ и темнымъ отливомъ кожи, сдѣлалось еще сосредоточеннѣе и строже. Она громко произносила каждое первое слово отдѣльнаго прошенія молитвы, откладывая прочитанное на четкахъ. Залу все больше и больше наполняли сумрачныя тѣни. Углы за колоннами терялись въ полумракѣ, но въ убѣжищѣ графини было свѣтло. Въ открытое окно лился легкій ароматъ свѣжести и чистоты воздуха. Издали, вдругъ, послышался тихій звонъ благовѣста... Господь услышалъ грѣшныя молитвы... Графиня опустилась на колѣни. Теперь на устахъ ея уже не было словъ—они слишкомъ безсильны выразить то, чѣмъ наполнено сердце. Восторженные глаза смотрѣли на небо, откуда, казалось, прямо въ душу нисходила благодать. Застывшая въ благоговѣйной позѣ, статная фигура молящейся напоминала благочестивую королеву прежнихъ вѣковъ, молящуюся за свой народъ.

На верхней галлереѣ залы, изъ комнатъ втораго этажа, появилась молодая дѣвушка, дочь Богуцкихъ, графиня Ванда, вся въ бѣломъ, длинномъ, свободномъ платьи. Медленно спустившись по мягкому ковру ступеней, она прошла залу, не замѣчая матери.

— Ты куда, дитя? спросила графиня. Дочь не отвѣчала, направляясь къ выходу.

— Слышишь благовѣстъ, ты молилась?

Голосъ графини звучалъ тѣми интонаціями религіознаго возбужденія, которыя дочь хорошо знала. Въ такія минуты мать была страшна ей и казалась недосягаемой, великой... Она поспѣшила уйти.

Графиня Ванда уже вышла изъ возраста наивной, довѣрчивой юности; теперь ей двадцать шесть лѣтъ, и мать давно потеряла надъ дочерью свое вліяніе. Впрочемъ, это неособенно безпокоило старую графиню. То воспитаніе, которое она дала и которое внушили ей разумъ, сердце и долгъ христіанки, нашло благодарную почву... Ванда родилась въ страшные годы несчастій. Мать, въ порывѣ патріотическаго возбужденія, посвятила ее Богу. Съ годами росло ея благочестіе и къ мысли о великой богоугодной жертвѣ присоединилось убѣжденіе, что дочери графа Богуцкаго нѣтъ теперь подходящей партіи. Молодая дѣвушка знала, къ чему обрекли ее, и знала, что великій грѣхъ противиться волѣ родителей, а ея жертва найдетъ великую награду... Люди самимъ Богомъ раздѣлены на благородныхъ и низкихъ. Дочь достойныхъ родителей существо особенное, и ей предназначена иная судьба. Но иногда ее посѣщали сомнѣнія. Она съ ужасомъ видѣла, какъ, съ каждымъ годомъ, дурнѣетъ и блекнетъ ея красота; видѣла, что мать строго и неуклонно идетъ къ завѣтной цѣли, и нѣтъ ей выхода. Часто злоба возмущала покой ея благородныхъ и высокихъ мыслей. Какъ жестоко, какъ безсердечно распорядились ея судьбой!

По широкимъ мраморнымъ ступенямъ дѣвушка спустилась къ подъѣзду дома. Огромная площадь двора, усаженная клумбами цвѣтовъ, кустами сирени и жасмина, съ проѣзжей дорогой

между двумя рядами липъ, была уже на половину въ тѣни. Солнце заходило по другую сторону дома, и большая тѣнь его легла здѣсь всею своей массой. Графиня Ванда медленно обошла вокругъ и очутилась въ саду. Ее мучила безсознательная тоска, тихая ноющая боль и скука. Тысячи разъ она видала эти старые каштаны и клены вдоль широкихъ дорожекъ. Лучи заходящаго солнца пронизывали чащу деревьевъ длинными золотыми иглами, или разбивались о твердую поверхность листьевъ. Все это неинтересно. Она уходила впередъ безъ цѣли, избравъ самую длинную дорожку. Садъ становился все строже и величественнѣе. Дорожка опоясывала теперь крутые уступы къ нижней площади сада, и быстро спускавшіеся по нимъ группы деревьевъ напоминали легіоны косматыхъ великановъ, спѣшившихъ къ битвѣ. Въ концѣ дорожку преграждалъ оврагъ, поросшій папоротникомъ, куда выползали, какъ змѣи, корни старыхъ деревьевъ. Въ оврагъ спускалась узкая, твердая тропинка. Это былъ конецъ сада съ одной стороны, дальше шелъ лѣсъ. Графиня Ванда рѣдко приходила сюда и не любила этой глухой стороны. Но сегодня она была особенно настроена. Ей хотѣлось чѣмъ-нибудъ разсѣять свою тоску и боль. Она спустилась въ оврагъ и пошла, куда приведетъ ее тропинка. Въ лѣсу было темно. Бѣлая фигура стройной дѣвушки напоминала видѣніе тоскующаго ангела. Лѣсная прохлада, запахъ сырости и лежалыхъ листьевъ, вмѣстѣ съ какимъ-то неопредѣленнымъ чувствомъ страха и сладкой надежды, охватили ее. Она знала, что здѣсь нѣтъ ни разбойниковъ, ни страшныхъ монаховъ, нѣтъ и таинственныхъ рыцарей, похищающихъ женщинъ,—но она смутно желала, чтобы случилось что-нибудь особенное. Въ густыхъ листьяхъ папоротника иногда что-то шуршало, заставляя каждый разъ вздрагивать одинокую дѣвушку. Боязливая, взволнованная, она и не замѣчала, какъ кончилась тропинка, и на нее вдругъ блеснуло свѣтомъ. Она очутилась на большой полянѣ, залитой уже не сильными, но еще яркими лучами солнца. Длинныя тѣни отдаленныхъ деревьевъ входили сюда своими верхушками. Это нижняя часть сада. Тропинка вела въ пчель-

никъ, огороженный высокимъ плетнемъ. Вдали виднѣлась стальная полоса пруда. Скошенная трава была собрана въ небольшія копны и сильно пахла. Дѣвушка пробралась къ прочищенной дорожкѣ и направилась къ пруду. Опять пошли деревья. Опустивъ голову, равнодушная къ окружающему, она шла, чувствуя приступы прежней тоски. Какъ и когда впереди ея, по дорожкѣ, которая шла рядомъ, между деревьями, появился молодой человѣкъ въ военномъ костюмѣ—она не замѣтила. Тотъ, въ свою очередь, очевидно, также не видалъ молодой графини, такъ какъ шелъ съ очень беззаботнымъ видомъ, покуривая папироску и обивая хлыстикомъ изъ орѣшника попадающіяся ему вѣтки деревьевъ. Дѣвушка сразу догадалась, кто это. Горничная нѣсколько дней тому назадъ разсказала ей, что къ управителю, пану Вержбицкому, пріѣхалъ сынъ изъ войска. Онъ еще не офицеръ, а скоро будетъ и служитъ въ конницѣ. По ея словамъ, онъ былъ красавецъ. Сердце дѣвушки вдругъ необыкновенно забилось. Она почему-то даже оглянулась кругомъ, боясь, чтобы за ней не слѣдили.

Молодой человѣкъ былъ въ синемъ мундирѣ, плотно облегавшемъ его талію, въ бѣлой фуражкѣ, надѣтой молодцовато набокъ, въ узкихъ, красивыхъ ботфортахъ, со шпорами, которыя звенѣли ясно и твердо. Вся его обтянутая мускулистая фигура дышала здоровьемъ и силой. Графиня Ванда шла за нимъ, охваченная какимъ-то неудержимымъ влеченіемъ. Она боялась только, чтобы онъ не замѣтилъ ея,—тогда придется уйти. Ее оставило все благоразуміе, весь стыдъ сознанія, что она увлекается какимъ-то военнымъ, сыномъ пана Вержбицкаго. Молодой человѣкъ шелъ, ничего не подозрѣвая, а за нимъ—испуганная, взволнованная дѣвушка. Они пришли къ пруду. Чистыя воды постоянно обновляли его и не давали застояться. Скрытый каменной аркой, источникъ вливался широкимъ ручьемъ. Отвѣсный край арки былъ защищенъ желѣзной рѣшеткой. Молодой человѣкъ облокотился на перила, бросивъ въ воду зашипѣвшій окурокъ папиросы. Потомъ, усталой походкой, онъ спустился

ниже, къ берегу пруда, и легъ въ густой зеленой травѣ. Дѣвушка подошла къ рѣшеткѣ.

Рои мошекъ, кружась и играя, сыпались съ неба въ мертвыя воды пруда. Солнце заходило. Косматыя ивы, по крутымъ берегамъ, отражались въ водѣ огромной массой, и покрытая ихъ тѣнью поверхность казалась холодной, прозрачной. Дѣвушку мучили бурно нахлынувшія страсти. Чѣмъ больше дѣлалось неопредѣленнымъ ея поведеніе, чѣмъ больше она боялась быть замѣченной, тѣмъ сильнѣе чувство неудержимаго любопытства приковывало ее къ мѣсту. Всѣ неясные идеалы, которые создала ей, за много лѣтъ, ея одинокая, тоскующая фантазія, промелькнули теперь нестройной толпой и воплотились въ молодомъ человѣкѣ, бывшемъ такъ близко, у ея ногъ... «Нужно уйти и уйти немедленно», подсказывало ей благоразуміе...

Вдругъ мгновенный порывъ разрѣшилъ все. Дѣвушка увидѣла подъ аркой роскошную семью водяныхъ лилій. Она быстро спустилась къ берегу, мимо молодого человѣка, и, не замѣчая его, наклонилась за цвѣтами. Тотъ встрепенулся.

Лиліи были далеко и дѣвушка, при видѣ незнакомаго, пугливо вскрикнула. Лицо его было круглое, краснощекое, съ небольшими усиками, закрывавшееся начесанными на лобъ и подрѣзанными въ кружокъ волосами. Вержбицкій сразу узналъ дочь графа и бросился доставать ей цвѣты. Ванда видѣла только, какъ онъ невѣроятно наклонился къ водѣ, видѣла, какъ трава, за которую держалась его рука, ослабла, и синяя фигура грузно ухнула и скрылась подъ аркой. Она убѣжала.

Уже на главной дорожкѣ къ дому дѣвушку догнали торопливые шаги. Молодой человѣкъ, весь мокрый и взволнованный, предложилъ ей желанный цвѣтокъ лиліи. Графиня Ванда гордо прошла мимо сына пана Вержбицкаго, смѣривъ его холоднымъ, полнымъ презрѣнія, взглядомъ.

М. Галунковскій.

Кіевъ, 7 октября, 1888.

* * *

Въ трепещущей тѣни задумчивыхъ березъ
По кладбищу мы шли... Кругомъ кресты бѣлѣли,
И грустно было намъ, но мы ронять не смѣли
Невыплаканныхъ слезъ...

Отъ насыпей могилъ и отъ надгробныхъ плитъ
Пахнуло намъ въ лицо дыханіемъ мертвящимъ,—
Казалось, прошлое, глумясь надъ настоящимъ,
Таинственно грозитъ...

И стыдно стало намъ невыплаканныхъ слезъ,
Постигли мы всю ложь тоски своей обычной,
И счастье бытія, и шопотъ мелодичный
Задумчивыхъ березъ...

Константинъ Льдовъ.

22 мая 1888.

* * *

Люблю я море въ непогоду,
Когда, волнуясь и стеня,
Оно горой вздымаетъ воду
И брызжетъ пѣною въ меня!
Когда среди морской пучины,
Въ туманѣ злой осенней мглы,
Встаютъ сѣдые исполины,
Морскіе грозные валы;
Когда корабль трещитъ и гнется,
Вонзая въ нихъ свой острый носъ,
И, какъ злой духъ, надъ бездной вьется
Съ зловѣщимъ крикомъ альбатросъ!

Но не люблю я штиль на морѣ,
Когда спитъ воздухъ даже самъ,
И на сверкающемъ просторѣ
Движенья нѣтъ большимъ судамъ:
Тамъ—жизнь, здѣсь—жить одно стремленье,
Тамъ—страсти бурный ураганъ,
А здѣсь—безсилье и томленье,
Въ оковахъ будто океанъ!..

А. Днѣпровскій.

Никто не замѣтилъ его; старикъ, дежурившій у постели, вѣроятно, спитъ крѣпкимъ сномъ?...

Звѣзды ласково мигали лучами, проникавшими до самаго его сердца....

„Я иду къ вамъ, прошепталъ онъ, глядя на небо........

Д. Гаринъ